

№ 2

ВЕСТНИК

КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

В НОМЕРЕ:

Development of Kuban's Historical Territory by Black Sea Cossacks in Late 18th - Mid-19th Centuries: Settlements, Land Management

К вопросу о выборах в Государственную Думу России первого и второго созывов начала XX в. в контексте ее значения для политических партий (на материалах Кавказа)

Идеологическое противостояние в годы Великой Отечественной войны: стратегии пропаганды СССР и Третьего рейха

Идеология хорватской государственности: от концепции к реализации

2026

№ 2

JOURNAL

KUBAN STATE UNIVERSITY

HISTORICAL SCIENCES

IN THE ISSUE:

Development of Kuban's Historical Territory by Black Sea Cossacks in Late 18th - Mid-19th Centuries: Settlements, Land Management

On the issue of elections to the State Duma of Russia in the first and second convocations of the early 20th century in the context of its significance for political parties (based on the materials of the Caucasus)

Ideological confrontation during the Great Patriotic War: Propaganda Strategies of the USSR and the Third Reich

The Ideology of Croatian Statehood: From Concept to Implementation

2026

ВЕСТНИК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

2026. № 2

Издается с 2026 года

ISSN: 3033-7860

Свидетельство о регистрации СМИ: серия ПИ № ФС77-90263
от 16 октября 2025 г.

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Касьянов Валерий Васильевич, доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вартаньян Эгнара Гайковна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Степанова Лилия Геннадьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Шевцова Анастасия Павловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ОГРН 1022301972516)

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ

350040, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149,
каб. 248

Электронный адрес: vestnik@hist.kubsu.ru

JOURNAL OF KUBAN STATE UNIVERSITY
HISTORICAL SCIENCES

2026. No. 2

Published since 2026

ISSN: 3033-7860

Media Registration Certificate: Series PI No. FS77-90263
dated October 16, 2025

Issued by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media

EDITOR-IN-CHIEF

Kasyanov Valery Vasilievich, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

DEPUTY CHIEF EDITOR

Vartanian Egnara Gaikovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General History and International Relations at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Stepanova Lilia Gennadievna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian History at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

RESPONSIBLE SECRETARY

Shevtsova Anastasia Pavlovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Kuban State University" (OGRN 1022301972516)

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE AND PUBLISHER

350040, Krasnodar Territory, Krasnodar, Stavropolskaya Street, 149,
office 248
E-mail: vestnik@hist.kubsu.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Вартаньян Эгнара Гайковна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Дударев Василий Сергеевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, первый проректор Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия)

Еремеева Анна Натановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института наследия (Россия)

Ивашенко Александр Стефанович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Адыгейского государственного университета (Майкоп, Россия)

Кузнецов Игорь Валерьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук (Москва, Россия)

Матвеев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Перенижко Оксана Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Ракачев Вадим Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Смертин Юрий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и востоковедения Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Степанова Лилия Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Федина Ирина Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Чикаева Карина Суреновна, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета (Краснодар, Россия)

Чупрынников Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Кубанского государственного технологического университета (Краснодар, Россия)

EDITORIAL BOARD

Vartanyan Egnara Gaykovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History and International Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Dudarev Vasily Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, First Vice-Rector of the State Academic University of Humanities (Moscow, Russia)

Eremeeva Anna Natanovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Department of Complex Problems of Cultural Studies of the Southern Branch of the Institute of Heritage (Russia)

Ivashchenko Alexander Stefanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of the Adygea State University (Maikop, Russia)

Kuznetsov Igor Valerievich, PhD in History, Senior Researcher at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Matveev Oleg Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Perenizhko Oksana Alexeevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Oriental Studies at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Rakachev Vadim Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Sociology, Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Smertin Yuri Grigorievich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Foreign Regional Studies and Oriental Studies at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Stepanova Lilia Gennadievna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Fedina Irina Mikhailovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History at Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Chikaeva Karina Surenovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies at Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russia)

Chuprynnikov Sergey Alekseevich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Баранов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Бугай Николай Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия)

Евтушенко Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, декан факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Иванов Александр Гаврилович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

Илиева Марчева-Атанасова Ильяна, доктор, профессор, заведующий сектором Института исторических исследований Болгарской Академии наук (БАН) (София, Болгария)

Исупов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Крючков Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия)

Острога Виктор Александрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой таможенного дела и международной логистики факультета международных отношений Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Пономарева Мария Александровна, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

Фонт Марта, доктор исторических наук, профессор Университета Печ (Печ, Венгрия)

При отборе статей редколлегией руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Перепечатка допускается с согласия редакции журнала.

Ссылка на «Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки» обязательна

ISSN 3033-7860

© Кубанский государственный университет, 2026

© Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки, 2026

© Авторы публикаций, 2026

EDITORIAL BOARD

Baranov Andrey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science, Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Bugai Nikolay Fedorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Yevtushenko Alexander Sergeevich, PhD in History, Dean of the Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Ivanov Alexander Gavrilovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Ilieva Marcheვა-Atanasova Ilyana, Doctor, Professor, Head of the Sector of the Institute of Historical Research of the Bulgarian Academy of Sciences (BAN) (Sofia, Bulgaria)

Isupov Vladimir Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

Kryuchkov Igor Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of the North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Ostroga Viktor Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Customs and International Logistics, Faculty of International Relations, Belarusian State University (Minsk, Belarus)

Maria Alexandrovna Ponomareva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of History and International Relations of the Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Font Marta, Doctor of Historical Sciences, Professor at the University of Pec (Pec, Hungary)

When selecting articles, the editorial board is guided by the publication's scientific and editorial policy and compliance with the principles of publication ethics. The editorial board's point of view may not coincide with the opinions of the authors of the articles.

Reprint is allowed with the consent of the editorial board of the journal. Link to the Bulletin of Kuban State University. Historical sciences" is required

ISSN 3033-7860

©Kuban State University, 2026
©Journal of the Kuban State
University. Historical Sciences, 2026
©Autory publications, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Подвальнов Е.Д.</i> Исторический метанарратив и рождение наций: Monumenta Germaniae Historica и Полное собрание русских летописей как проекты национального строительства.....	11
<i>Перетяцько А.Ю.</i> «Очерки о казачестве» Проспера Мериме: между российской и украинской национальной историей.....	23
<i>Fedina I.M.</i> Development of Kuban's Historical Territory by Black Sea Cossacks in Late 18th – Mid-19th Centuries: Settlements, Land Management.....	39
<i>Каранетян Л.А.</i> К вопросу о выборах в Государственную Думу России первого и второго созывов начала XX в. в контексте ее значения для политических партий (на материалах Кавказа).....	57
<i>Малышева Е.М., Гаража Н.А.</i> Идеологическое противостояние в годы Великой Отечественной войны: стратегии пропаганды СССР и Третьего рейха.....	74

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Ратушняк О.В., Высторон Р.С.</i> Идеология хорватской государственности: от концепции к реализации.....	88
<i>Назарова В.В.</i> Влияние фактора пола на языковые особенности Японии: история и современность (социально-исторический аспект).....	103
<i>Ткачева Т.А.</i> Суицид и его профилактика в культурно-историческом поле стран Восточной Азии и России.....	115

ПУТЬ В НАУКУ

<i>Федоренко К.С.</i> Песня «Хвала смерти» как отражение настроений корейской молодежи в 1920–1930-е гг.	136
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Степанова Л.Г.</i> История Ейского района в современных исследованиях. Рецензия на монографию: Шаповалов С.Н. Ейский район: история и современность.	152
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Матвеев О.В.</i> Международная научная конференция «Современное историческое кавказоведение: состояние, проблемы, перспективы».....	159
<i>Баранов А.В.</i> Актуальные исследования истории и современности Черноморско-Средиземноморского региона.....	162

CONTENTS

RUSSIAN HISTORY

<i>Podvalnov E.D.</i> Historical Metanarrative and the Birth of Nations: Monumenta Germaniae Historica and the Complete Collection of Russian Chronicles as Projects of National Construction.....	11
<i>Peretyatko A.Yu.</i> Prosper Mérimée's "Essays on the Cossacks": Between Russian and Ukrainian National History.....	23
<i>Fedina I.M.</i> Development of Kuban's Historical Territory by Black Sea Cossacks in Late 18th - Mid-19th Centuries: Settlements, Land Management.....	39
<i>Karapetyan L.A.</i> On the Elections to the First and Second State Duma of Russia in the Early 20th Century in the Context of Its Significance for Political Parties (Based on the Caucasus).....	57
<i>Malysheva E.M., Garazha N.A.</i> Ideological Confrontation during the Great Patriotic War: Propaganda Strategies of the USSR and the Third Reich	74

UNIVERSAL HISTORY

<i>Ratushnyak O.V., Vystorop R.S.</i> The Ideology of Croatian Statehood: From Concept to Implementation.....	88
<i>Nazarova V.V.</i> The influence of the gender factor on the linguistic features of Japan: history and modernity (socio-historical aspect).....	103
<i>Tkacheva T.A.</i> Suicide and Its Prevention in the Cultural and Historical Field of East Asian and Russian Countries.....	115

THE PATH TO SCIENCE

<i>Fedorenko K.S.</i> The Song "Praise to Death" as a Reflection of the Sentiments of Korean Youth in the 1920s and 1930s.	136
---	-----

REVIEW

<i>Stepanova L.G.</i> History of the Yeysk District in Modern Research. Review of the monograph: Shapovalov S.N. Yeysk District: History and Modernity	152
--	-----

ACADEMIC LIFE

<i>Matveyev O.V.</i> International Scientific Conference "Modern Historical Caucasian Studies: State, Problems, and Prospects".....	159
<i>Baranov A.V.</i> Current Research on the History and Modernity of the Black Sea-Mediterranean Region.....	162

**ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТАНАРРАТИВ И РОЖДЕНИЕ
НАЦИЙ: MONUMENTA GERMANIAE HISTORICA
И ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ
КАК ПРОЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**

Подвальнов Евгений Дмитриевич

Краснодарский историко-археологический музей-заповедник

им. Е.Д. Фелицына, Краснодар, Россия.

evgeny.podvalnov@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена сравнительному анализу двух крупнейших проектов XIX в. по изданию средневековых исторических источников: Monumenta Germaniae Historica (MGH) и Полного собрания русских летописей (ПСРЛ). Оба проекта традиционно рассматриваются как фундамент национальных исторических школ. Однако их компаративное изучение с точки зрения идеологии и политической роли до сих пор не проводилось. Автор сопоставляет мотивы основания MGH и ПСРЛ, их институциональное оформление, тематический охват и влияние на формирование национального самосознания. Показано, что MGH возник как частная инициатива «снизу», призванная обосновать еще не существующее политическое единство немцев, тогда как ПСРЛ был русским государственным проектом «сверху», укреплявшим уже существующую имперскую власть. Эти различия интерпретируются в контексте двух моделей национального строительства – «объединительной» германской и «охранительной» русской.

Ключевые слова: Monumenta Germaniae Historica, Полное собрание русских летописей, ПСРЛ, национализм, историография, археография, национальное самосознание, национальное строительство.

Для цитирования: Подвальнов Е.Д. Исторический метанарратив и рождение наций: Monumenta Germaniae Historica и Полное собрание русских летописей как проекты национального строительства // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 2. С. 11–22.

HISTORICAL METANARRATIVE AND THE BIRTH OF NATIONS: MONUMENTA GERMANIAE HISTORICA AND THE COMPLETE COLLECTION OF RUSSIAN CHRONICLES AS PROJECTS OF NATION-BUILDING

Podvalnov Evgeny Dmitrievich

Krasnodar Historical and Archaeological Museum-Reserve named
after E.D. Felitsyn, Russia.
evgeny.podvalnov@yandex.ru

Abstract. This paper undertakes a comparative examination of the two most ambitious nineteenth century editorial enterprises dedicated to the publication of medieval historical sources: the Monumenta Germaniae Historica (MGH) and the Complete Collection of Russian Chronicles (Polnoesobranierusskikhletopisei, PSRL). While both undertakings have traditionally been regarded as cornerstones of their respective national historical schools, an attempt at juxtaposing them through the prism of ideology and political function is still to be made. The author contrasts the original motivations behind the founding of the MGH and the PSRL, their institutional shaping, thematic scope, and their role in fostering national self consciousness. It is demonstrated that the MGH arose as a grass roots private initiative seeking to underpin a political unity of Germans that did not yet exist, whereas the PSRL constituted a state driven, top down project designed to legitimise an already consolidated imperial authority. These divergences are interpreted within the framework of two distinct models of nation building: the «unifying» German paradigm and the «preservationist» Russian one.

Key words: Monumenta Germaniae Historica, Complete Collection of Russian Chronicles, PSRL, nationalism, historiography, archaeography, national self-consciousness, Nation-Building.

For citation: Podvalnov E.D. Historical Metanarrative and the Birth of Nations: Monumenta Germaniae Historica and the Complete Collection of Russian Chronicles as Nation-Building Projects. Journal of the Kuban State University Historical Sciences, 2026, no. 2, p. 11–22.

Введение

Критическое издание исторических источников, начавшееся в Европе на рубеже XVIII-XIX вв., было не только техническим достижением филологии и истории, но и мощным инструментом для национальной мобилизации. Два наиболее масштабных проекта такого рода – немецкое Monumenta Germaniae Historica (лат. «Памятники истории Германии»; далее – MGH) и российское Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ) – стали метанарративами для своих народов, заложив источниковую базу для национальных историографий XIX – начала XX в. На фоне генезиса и развития консервативного романтизма, национализма, Реставрации и т.п. европейские общества постнаполеоновского времени стали тяготеть к тому, что З. Бауман определил как «ретротопию» [2] (связь с прошлым, ностальгия по «потерянному раю» с его образцовым социальным порядком и т. д.). Подобная «одержимость историей» [1] подводила

интеллектуальную часть общества к идее одновременного поиска и формирования «незамутненных истоков».

Именно на подобной идеологической базе и зрела мысль о необходимости создания периодического издания основных исторических текстов, опираясь на которые и можно было вести национальное строительство, выстраивать преемственность с прошлым. Однако при очевидном типологическом сходстве MGH и ПСРЛ нельзя не отметить их кардинальные отличия по происхождению, организации и политической функции.

Основная часть

История MGH начинается в 1819 г., когда во Франкфурте-на-Майне было учреждено «Общество для изучения ранней немецкой истории» (Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde; далее – «Общество»). Его основание было прямым следствием специфической политической ситуации в германских землях после Венского конгресса 1815 г., который восстановил власть старых династий и закрепил раздробленность, что вызвало разочарование у сторонников немецкого национального единства, появившихся вследствие рефлексии над унижением Пруссии в период Наполеоновских войн: не только вследствие военных поражений, но и в виду унижительного для местного населения обращения французских властей. Именно размышления, отраженные в «Речах к немецкой нации» 1807–1808 гг. Иоганна Фихте, побуждали местных интеллектуалов рассуждать относительно положения их народа. Особенно показательны и выразительны слова песни «Was ist des Deutschen Vaterland?» («Где Отечество немца?») Морица Арндта 1813 г.: «Что немцу Отечество? Пруссия ли? Швабия ли?... Наше Отечество должно быть больше! Что немцу Отечество? Бавария ли? Штирия ли?... Померания ли? Вестфалия ли?... Швейцария ли? Земля Тироля?... Конечно, это Австрия... Так должна быть вся Германия!».

Вот на таком специфическом фоне и произошло создание прусским бароном Карлом фом Штейном «Общества», целью которого было, по его выражению: «способствовать сохранению любви к общему Отечеству и памяти о наших великих предках» [цит. по 20, s. 13]. Эта инициатива всецело принадлежала барону, которого вполне можно назвать «отцом» MGH [20, s. 7]. На практике работа свелась к поиску и публикации письменных источников по немецкой средневековой (V–XV вв.) истории, что «по мнению немецких интеллектуалов, должно было стимулировать идею единого немецкого национального государства в границах бывшей Священной Римской империи, т.е. вернуть политически раздробленной Германии ее славную общую историю» [16, с. 155; 17, с. 99; 22, s. 36–37; 23, s. 48]. Так в реальности и получилось. К примеру, историк Вильгельм Риль на основе изданных источников MGH сформулировал свои консервативные

представления о «народе» и «отечестве», в итоге став одним из основоположников немецкой «народной истории» (нем. Volksgeschichte) [23, s. 109–143].

В целом «Общество», по замечанию К. Мэртль, «имело намерения в первую очередь политические. Популяризация общегерманской истории была призвана ускорить рождение чувства национальной идентичности у раздробленных в политическом отношении немцев» [9, с. 96]. Об этом свидетельствует сразу ряд любопытных деталей. Во-первых, первыми членами организации были даже не историки, а представители небольших германских земель (посланники Бадена, Баварии, Мекленбурга, Вюртемберга) [9, с. 95–96; 16, s. 13]. Во-вторых, красноречивым был девиз MGH – «*Sanctus amor patriae dat animum*» («Святая любовь к Отечеству порождает дух»), что являлось открытой демонстрацией стремлений романтического национализма [19, s. 1]. Сам девиз восходит к баденскому легационному советнику Ламберту Бюхлеру – первому секретарю-распорядителю «Общества», который по случаю памятного доклада о бароне Штейне на годовом собрании «Общества древностей и исторических исследований Нассау» 22 июля 1831 г. отметил: «Предложенный мною благородному основателю девиз, служащий одновременно и надписью на печати Общества – “*Sanctus amor patriae dat animum*” – казался мне всего проще обозначающим намерение и цель предприятия как отечественного и научного одновременно» [19, s. 12]. В-третьих, все подчеркивалось визуальным образом – эмблемой «Общества» был венок из дубовых листьев, отсылаемый к немецкому «национальному дереву» [9, с. 95; 19, s. 12]. Таким образом, MGH стал формой и инструментом «культурного национализма», приемлемым для консервативной среды.

Аналогичное отношение к MGH со стороны исторического цеха – с нескрываемым утверждением национальной необходимости проекта – является общеизвестным: Теодор Моммзен – классик исторической науки, в т.ч. приложивший руку к развитию MGH в кризисные для проекта 1874–1875 гг. [21, s. 5, 9, 17], к примеру, отмечал, что это был «крупнейший проект, созданный нашей нацией» [цит. по 21, s. 12]; он же боролся за финансовое благополучие MGH, приводя в качестве аргумента апелляцию к национальной гордости: «Мне неизвестны точные цифры сумм, которые другие нации тратят на подобные проекты. Но я знаю, что требование в 75000 марок ежегодно для *Monumenta Germaniae historica* показалось бы любому французу и любому англичанину лишь скромным и что долг современников – сделать великое прошлое нашей нации предметом научного исследования» [21, s. 25].

Другой участник MGH – Вильгельм Арндт – в своем прошении чуть ранее Т. Моммзена, в 1871 г., обосновывал улучшение материального состояния проекта посредством взывания к чувству немецкого достоинства, ибо их деятельность – «украшение немецкой нации, и все ученые всех стран признают, что ни один народ не может похвастаться чем-то подобным им. И

разве Германский рейх не должен взять на себя обязательство освободить сотрудников этого проекта от заботы о ежедневной нужде?» [18, s. 78]. Надо сказать, что В. Арндт несильно переоценивал мировую значимость MGH, ибо их модель поиска, комментирования и издания источников стала, к примеру, образцом для археографической комиссии императорской Японии [23, s. 41].

MGH на протяжении более полувека оставалось именно частным обществом – без политического заказа правящих элит, стремившихся к немецкому объединению. Любопытно, что при создании проекта барону фон Штейну, некоторое время состоявшему на службе у императора Александра I, финансовое обеспечение проекта предложил именно русский монарх [18, s. 14]. Однако он отказался «из патриотического чувства собственного достоинства» [18, s. 14], поэтому источником финансирования сделались поступления от меценатов и подписчиков.

Только лишь после объединения немецкого народа по малогерманскому пути, т.е. под эгидой Пруссии, «Общество» MGH было институционализировано – в 1875 г. как государственное учреждение со штаб-квартирой сначала в Берлине, потом в Мюнхене: «Период с “национализации” предприятия в 1875 г. до начала Первой мировой войны в 1914 г. стал самым плодотворным периодом, настоящим периодом расцвета Monumenta, когда последовательно выходили издания, которые до сих пор остаются незаменимыми» [23, s. 41]. По справедливому выводу Х. Фурмана, власти изначально «скептически или даже отрицательно относились к проекту, призванному пробудить патриотический дух, который в значительной степени поддерживался гражданами» [18, s. 15]. Долго противились правящие круги Пруссии и Австрии (в первую очередь Карл фон Гарденберг и Клеменс фон Меттерних), изначально не было поддержки у MGH и со стороны университетов и академий [19, s. 2]. Показательна статистика подписок на первый том *ScriptoresMGH*, отражающая подозрительное отношение и слабую заинтересованность консервативных правительств к проекту: «В ходе большой рекламной кампании удалось привлечь более 400 подписчиков <...> король Великобритании-Ганновера заказал 24 экземпляра, король Пруссии – 12, император Австрии – 1 экземпляр» [20, s. 7].

Первый том вышел в 1826 г., редактором с 1826 по 1874 г. был Георг Перц, благодаря которому были заложены основы современных методик критики источников, методов текстологического анализа и археографических правил. Барон фон Штейн писал Г. Перцу по поводу выхода первого тома, что он может лишь «выразить радость по поводу типографской красоты произведения, превосходящей все ожидания. Она делает честь германской книготорговле и немецкому искусству» [25, s. 18]. Г. Перц и сменивший его на этой должности Георг Вайц обладали значительной научной свободой, независимой от политической конъюнктуры. В сферу интересов MGH попали источники со всех

территорий, где когда-либо жили или правили германские народы, как бы включая их в единое «немецкое» прошлое. Не только земли будущей Германской империи были в фокусе авторов MGH, но и политии, основанные готами в Италии, вандалами в Африке, а также документы по истории Прибалтики и других регионов.

Подобная траектория развития – от частной инициативы «снизу» в виде автономной ассоциации группы интеллектуалов к государственному признанию в рамках академической организации – символически зеркально отражает путь самой немецкой нации от раздробленности к единству. А стремление барона фом Штейна и его единомышленников полностью укладывалось в идеологию романтического национализма, для которого было характерно обращение к идеализированному средневековому прошлому как к источнику национальной идентичности.

Совершенно иным был генезис ПСРЛ, при создании которого в России также ориентировались на принципы публикации источников MGH [3, с. 6; 4, с. 132–133]. Более того, Я.И. Беренников, работавший в Археографической комиссии, писал о необходимости иметь такое издание летописей, «на которое мы могли бы с гордостью указывать немцам» [цит. по: 4, с. 132]. Несмотря на то что ПСРЛ создавалось с оглядкой на MGH, следует сделать ряд оговорок: во-первых, предшествующие проекты по изданию памятников древнерусской словесности, включая летописи, нас в данной работе не интересуют, поскольку большая их часть осталась на бумаге, а реализованные варианты не переродились в продолжительную серию публикаций; во-вторых, сопоставимого проекта «снизу» как MGH в России не появилось, что, с одной стороны, тоже характеризует русское общество того времени и его развитие, в большей степени зависимое от государства. С другой стороны – эти факторы и заставляют обратиться для сравнения именно к проекту ПСРЛ, которому удалось стать продолжительной серией издания источников.

Общие элементы в генезисе двух археографических инициатив тоже были. Так, ПСРЛ появилось в схожих как у MGH политических условиях, связанных с переживаниями постнаполеоновского времени. Только не горечь поражений, как у немцев, а победа Российской империи в Отечественной войне 1812 г. и последующий разгром бонапартистской Франции стали катализатором для действий правящих элит в деле учреждения ПСРЛ: «Происходил процесс широкого обращения к отечественному прошлому в культуре и политике. <...> Проблема заключалась в том, что европеизированные дворяне теряли связь... с политической традицией Русского государства, что ярко продемонстрировало восстание декабристов. Оно подтолкнуло правительство Николая I к скорейшему реформированию системы образования, прежде всего гуманитарного, отвечающего за формирование национального самосознания и развитие государственной идеологии. Необходимость преодоления раскола в понимании прошлого была очевидна

не только как проблема идеологическая, но и как научно-просветительская» [13, с. 150].

Иначе говоря, проект ПСРЛ стал не итогом частной инициативы «снизу», а был решением государственно необходимым: издание осуществлялось «по Высочайшему повелению» Императорской Археографической комиссией (далее – Комиссия), созданной в 1834 г. при Министерстве народного просвещения. Решающее влияние на структуру и деятельность Комиссии оказала идеологическая доктрина министра народного просвещения графа С. С. Уварова – известная как так называемая «теория официальной народности» [13, с. 150–167]. Не обошлось и в данном случае без известного вопроса «о роли личности в истории», поскольку проект ПСРЛ во многом был инициирован и реализован по воле С.С. Уварова [13, с. 150–158]. Он отмечал, что аналогичные «собрания (источников – прим. автора) существуют для истории всех европейских народов, мы же не имеем доселе правильного издания летописи Нестора» [13, с. 162]. По его мнению, издание же летописей «есть мысль... патриотическая, Европейская», а русским ученым будет воздвигнут «такой славный национальный памятник» [13, с. 159].

С самого начала ПСРЛ было вписано в государственную программу укрепления существовавшего в то время режима, поскольку романтический порыв немецких интеллектуалов-националистов здесь замещался прагматической задачей научной легитимации русской имперской идеологии. Это действие в России включалось в более широкий научный контекст, когда в «учебных заведениях формирование русской истории как научной дисциплины было тесно связано с триадой Уварова» [12, с. 143].

Если немецкие историки публикацией источников, связанных с землями и государствами, где жили или правили с их т.з. германские народы, маркировали то пространство, которое должно было влиться в общенемецкий проект их объединения, то русская работа была сфокусирована на династическом и территориальном ядре местной государственности. В центре нарратива изданий ПСРЛ – история Рюриковичей и ранних Романовых, Русской земли и православных обитателей. Это история одного формирующегося и развивающегося политического образования и русского народа в его границах. Сам по себе летописный материал, весьма богатый на идеологическую интенцию, в интерпретациях историков XIX в. как бы отражал идею о единстве Русской земли, что полностью соответствовало идее самодержавия. Подобные трактовки, хоть и перестали служить в интересах русской монархии после падения Российской империи, но все равно оставались достаточно популярными в среде медиевистов-русистов вплоть до распада СССР (наиболее ярким и известным выразителем их был Д. С. Лихачев [7, с. 34, 38–42, 53–54]).

Существенным – «техническим» – отличием ПСРЛ от MGH является то, что немецкий проект служил «каменоломней» для популярных

писателей и публицистов, в то время как тома ПСРЛ были фактически недоступными для массовой аудитории из-за языка, небольшого тиража и отсутствия грамотности у подавляющей части населения. Это превращало изданные тома в узкоспециализированный проект, что, впрочем, не умаляет его идеологической роли. Напротив, сам факт существования такого монументального издания служил символом древности и величия русской государственности (несмотря на то что сам термин «государство» не приложим к истории Руси до конца XV в.). Летописи, даже непрочитанные и неотрефлексированные массами, были зримым свидетельством исторической легитимности самодержавия.

Не менее примечателен следующий проект, эволюционно продолжающий традиции ПСРЛ – Библиотека литературы Древней Руси (издавалась в 1997–2020 гг.; далее – БЛДР), поскольку в нем были исправлены проблемные моменты. В нем публиковались разные по жанру и стилю памятники древнерусской словесности, а не только летописи. Язык в изданиях БЛДР был в варианте упрощенной орфографии и снабжен переводом на современный русский, что делало эти тексты, в отличие от ранних изданий ПСРЛ, доступными для всех интересующихся русской средневековой историей людей.

Однако общая проблема с изданиями БЛДР и ПСРЛ при всей их знаковости для отечественной науки сохранилась, заключааясь в том, что суммарно на них приходится менее сотни томов, в то время как в проекте MGH их более трех сотен. Японский медиевист-русист А. Накадзава в рецензии на проект БЛДР также сетовал на историческую малочисленность публикуемых в России томов – в сравнении с аналогичными уже японскими проектами: «Мы (японцы – прим. автора) имеем, например, такие серийные издания старо-японской литературы, как “Нихон Котэн Бунгаку Таикэи (Корпус японской классической литературы): 100 томов” (Иванам Сетэн), “Синте Нихон Котэн Сюсеи (Свод японской классики): 82 тома” (Синте-ся), “Синпэн Нихон Котэн Бунгаку Дзэнсю (Полное собрание старо-японской литературы – Новая серия): 51 том” (Сегаккан), “Синсяку Канбун Таикэи (Новый корпус китайской и японской литературы, написанной на древнекитайском языке: 120 томов” (Мэидзи Сеин) и другие» [10, с. 121].

Жаловаться на то, что такая малочисленность изданных томов в России коррелирует с небольшим количеством древнерусских летописей, сохранившихся до наших дней, не приходится. Действительно, нам, медиевистам-русистам, приходится с завидной регулярностью шаблонно и рутинно озвучивать данный трюизм. Но нюанс в том, что даже это небольшое количество летописей – в сравнении немецкими средневековыми хрониками – не все введено в научный оборот и опубликовано, по замечанию А.В. Сиренова: «До настоящего времени весь комплекс летописных известий не только не издан, но даже не выявлен и не введен в научный оборот» [14, с. 46]. Заметим, что летописи (в первую очередь

краткие «городские», частные и т.д.) вне рамок проекта ПСРЛ публикуются и сегодня ежегодно, не говоря о прочих памятниках древнерусской словесности. Так что проблема малочисленности томов отнюдь не в том, что летописи кончились и издавать уже нечего [14, с. 46–53], а заключена она в калейдоскопе социальных проблем: слабая заинтересованность в проекте со стороны общества и государства, недостаток финансирования и т.д.

Заключение

Таким образом, организационные модели двух проектов отражают разное соотношение общества и государства в процессе национального строительства. В обоих случаях катализатором для рассуждений о необходимости подобных изданий источников стали потрясения от войн с Наполеоном Бонапартом. Только в немецких государствах этим вопросом озадачивалась непосредственно интеллектуальная часть общества, шокированная и рефлексировавшая над унижениями их народа французским императором. В России же государству пришлось форсировано, централизованным путем, создавать и издание базовых источников по средневековой истории, и институты, способные на основе ПСРЛ формировать единую идентичность, чувство связи и преемственности истории для укрепления власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
2. Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
3. Вовина-Лебедева В.Г. Издания и исследования русских летописей в первой половине XIX в. на фоне европейского опыта // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2011. № 4. С. 3–12.
4. Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследований русских летописей: XIX–XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 928 с.
5. Галкин Т.О., Подвальнов Е.Д. Как восстановить биографию «человека без прошлого?» // Российская история. 2026. №1. С. 179–183.
6. Ищенко А.С. К вопросу о рождении древнерусской идеологии // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 1(29). С. 194–200.
7. Лихачев Д.С. Национальное самосознание Древней Руси: очерки из области русской литературы XI–XVII вв. М.; Л.: АН СССР, 1945. 119 с.
8. Мининкова Л.В. А откуда пошла русская идеология? К дискуссии по вопросу об идеологии в раннем русском средневековье // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 1(29). С. 187–193.
9. Мэртль К. Monumenta Germaniae Historica: взгляд изнутри // Средние века. 1995. Вып. 58. С. 95–111.
10. Накадзава А. Рецензия. Д.С. Лихачев, Л.А. Дмитриев, Н.В. Поньрко (ред.) Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: НАУКА, 1997–2020. Т. 1–20 // Накадзава А. Древняя Русь и ее окрестности. Белград; Сеул; Сайтама: Логос, 2022. С. 121–127.

11. Подвальнов Е.Д., Выслоужилова Д.Л. Откуда есть пошла русская идеология? // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2024. № 4(28). С. 216–233.
12. Сазонова Д.Ю. Особенности становления кафедр русской истории в столичных университетах при Николае I // Россия XXI. № 3, 2023. С. 130–145.
13. Сазонова Д.Ю. Роль С.С. Уварова в создании и работе Археографической комиссии // Россия XXI. 2024. № 2. С. 150–167.
14. Сиренов А.В. Задачи издания русских летописей // Российская история. 2019. № 4. С. 46–53.
15. Хартанович М.Ф. К истории издания первых томов «Полного собрания русских летописей» (30–60-е гг. XIX в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1993. Т. 24. С. 155–164.
16. Хряков А.В. Борьба вокруг исторической науки в Третьем Рейхе судьба «Monumenta Germaniae Historica» // Вестник Пермского университета. Серия: История. №1 (24), 2014. С. 155–162.
17. Хряков А.В. Monumenta Germaniae Historica и судьба исторической науки в Третьем Рейхе // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. №1 (1). С. 98–109.
18. Fuhrmann H. «Sind ebenalles Menschen gewesen». Gelehrtenleben im 19. und 20. Jahrhundert. München: C. H. Beck, 1996. 220 S.
19. Grundmann H. Monumenta Germaniae Historica 1819–1969. München: Monumenta Germaniae Historica, 1969. 40 S.
20. Mittelalterliche Text über Lieferungen und ihre kritische Aufarbeitung. München: Monumentarmaniae Historica, 1993. 44 S.
21. Phönix aus der Asche: Theodor Mommsen und die Monumenta Germaniae Historica. München; Berlin: Monumenta Germaniae Historica, 2005. 52 S.
22. Schieffer R. Die Erschließung des Mittelalters am Beispiel der Monumenta Germaniae Historica // Quelleneditionen und kein Ende? Zwei Vorträge. München: Monumenta Germaniae Historica, 1999. S. 31–48.
23. Schieffer R. Weltgeltung und nationale Verführung: Die deutschsprachige Mediävistik vom ausgehenden 19. Jahrhundert bis 1918 // Die deutschsprachige Mediävistik im 20. Jahrhundert. Stuttgart: Thorbecke, 2005. S. 39–61.
24. Stiene H. Sanctus amor patriae und «all das altegermanische Gepränge»: die Ausgaben der Monumenta Germaniae Historica als Steinbruch für Übersetzungen und Geschichtserzählungen bei Joseph Victor von Scheffel, Gustav Freytag, Friedrich Rückert und Wilhelm Heinrich Riehl // Von Horaz und Ovid bis zum Archipoeta: sechs Rezeptionsgeschichten aus der deutschen Literatur. Berlin; Heidelberg: Springer, 2015. S. 109–143.
25. Zur Geschichte und Arbeit der Monumenta Germaniae Historica: Ausstellunganlässlich des 41. Deutschen Historikertages München, 17. – 20. September 1996: Katalog. München: Monumenta Germaniae Historica, 1996. 68 S.

REFERENCES

1. Assman A. Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriej [The Oblivion of History is the Obsession with History]. M.: Novoeliteraturnoeobozrenie, 2019. 552 p. (in Russian)
2. Bauman Z. Retrotopiya [Retrotopia]. M.: VTsIOM [All-Russian Center for the Study of Public Opinion], 2019. 160 p. (in Russian)
3. Vovina-Lebedeva V.G. Izdaniya i issledovaniya russkikh letopisej v pervojpolovine XIX v. na fone Evropejskogo opyta [Publications and research of Russianchroniclesin the firsthalf of the 19 thcentury against the background of the Europeanexperience] In: Vestnik Sankt-Peterburgsko gouniversiteta. Istoriya. №4, 2011. Pp. 3–12. (in Russian)

4. Vovina-Lebedeva V.G. Shkoly issledovaniy russkikh letopisej: XIX-XX vv. [Schools of research of Russian chronicles: XIX–XX centuries.] SPb.: Dmitrij Bulanin, 2011. 928 p. (in Russian)
5. Galkin T.O., Podvalnov E.D. Kak vosstanovit' biografiyu «cheloveka bez proshlogo?» [How to restore the biography of a «man without a past?»] In: Rossijskaya istoriya. №1, 2026. Pp. 179–183. (in Russian)
6. Ishchenko A.S. K voprosu o rozhdenii drevnerusskoj ideologii [On the question of the birth of Ancient Russian ideology] // Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. № 1(29), 2025. Pp. 194–200. (in Russian)
7. Likhachev D. S. Natsional'noe samosoznanie Drevnej Rusi: ocherki iz oblasti russkoj literatury XI–XVII vv. [National Self-Consciousness of Old Rus': Essays in the Field of Russian Literature of the 11th–17th Centuries] M. –L.: AN SSSR, 1945. 119 p. (in Russian)
8. Mininkova L.V. A otkuda poshla russkaya ideologiya? K diskussii po voprosu ob ideologii v rannem russkom srednevekov'e [And wheredid the Russian ideology come from? Towards a discussi o non ideology in the Early Russian Middle Ages] In: Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vovremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. № 1 (29), 2025. Pp. 187–193. (in Russian)
9. Mertl' K. Monumenta Germaniae Historica: vzglyad iznutriv [Monumenta Germaniae Historica: A View from Within]. In: Srednieveka. Vyp. 58, 1995. Pp. 95–111. (in Russian)
10. Nakazawa A. Review of: Likhachev, D.S., Dmitriev, L. A., and Ponyrko, N.V., eds. Biblioteka literatury Drevnei Rusi [Library of Literature of Old Rus']. St. Petersburg: Nauka, 1997-2020. Vols. 1-20. In: Nakazawa, A. Drevnyaya Rus' i ee okrestnosti [Old Rus' and Its Environs]. Belgrade; Seoul; Saitama: Logos, 2022. Pp. 121–127. (in Russian)
11. Podvalnov E.D., Vyslouznilova D.L. Otkuda est' poshla russkaya ideologiya? [Wheredid Russian ideology come from?] In: Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vovremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. № 4(28), 2024. Pp. 216–233. (in Russian)
12. Sazonova D.Yu. Osobennosti stanovleniya kafedr russkoj istorii v stolichnykh universitetakh pri Nikolae I [The Formation of Departments of Russian History at the Capital Universities under Nicholas I]. In: Rossiya XXI. № 3, 2023. Pp. 130–145. (in Russian)
13. Sazonova D.Yu. Rol' S. S. Uvarova v sozdanii i rabote Arkheograficheskoy komissii [The Role of S. S. Uvarov in the Establishment and Work of the Archaeographical Commission]. In: Rossiya XXI. № 2, 2024. Pp. 150–167. (in Russian)
14. Sirenov A.V. Zadachi izdaniya russkikh letopisej [The tasks of publishing Russian chronicles] In: Rossijskaya istoriya. № 4, 2019. Pp. 46–53. (in Russian)
15. Khartanovich M.F. K istorii izdaniya pervykh tomov «Polnogo sobraniya russkikh letopisej» (30–60-e gg. XIX v.) [On the history of the publication of the first volumes of the Complete Collection of Russian Chronicles (30-60s of the XIX century)] In: Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. T. 24, 1993. Pp. 155–164. (in Russian)
16. Khryakov A.V. Bor'ba vokrug istoricheskoy nauki v Tret'em Rejkhe sud'ba «Monumenta Germaniae Historica» [The Struggle over Historical Science in the Third Reich and the Fate of the Monumenta Germaniae Historica]. In: Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya. № 1 (24), 2014. Pp. 155–162. (in Russian)
17. Khryakov A.V. Monumenta Germaniae Historica i sud'ba istoricheskoy nauki v Tret'em Rejkhe [Monumenta Germaniae Historica and the Fate of Historical Science in the Third Reich]. In: Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». №1 (1), 2014. Pp. 98–109. (in Russian)
18. Fuhrmann H. «Sind ebenalles Menschen gewesen». Gelehrtenleben im 19. und 20. Jahrhundert. München: C. H. Beck, 1996. 220 S. (in German)
19. Grundmann H. Monumenta Germaniae Historica 1819–1969. München: Monumenta Germaniae Historica, 1969. 40 S. (in German)

20. Mittelalterliche Text überlieferungen und ihre kritische Aufarbeitung. München: Monumenta Germaniae Historica, 1993. 44 S. (in German)
21. Phönix aus der Asche: Theodor Mommsen und die Monumenta Germaniae Historica. München; Berlin: Monumenta Germaniae Historica, 2005. 52 S. (in German)
22. Schieffer R. Die Erschließung des Mittelalters am Beispiel der Monumenta Germaniae Historica. In: Quelleneditionen und kein Ende? Zwei Vorträge. München: Monumenta Germaniae Historica, 1999. S. 31–048. (in German)
23. Schieffer R. Weltgeltung und nationale Verführung: Die deutschsprachige Mediävistik vom Ausgang des 19. Jahrhunderts bis 1918. In: Die deutschsprachige Mediävistik im 20. Jahrhundert. Stuttgart: Thorbecke, 2005. S. 39–61. (in German)
24. Stiene H. Sanctus amor patriae und «all das alte germanische Gepräge»: die Ausgaben der Monumenta Germaniae Historica als Steinbruch für Übersetzungen und Geschichtserzählungen bei Joseph Victor von Scheffel, Gustav Freytag, Friedrich Rückert und Wilhelm Heinrich Riehl. In: Von Horaz und Ovid bis zum Archipoeta: sechs Rezeptionsgeschichten aus der deutschen Literatur. Berlin; Heidelberg: Springer, 2015. S. 109–143. (in German)
25. Zur Geschichte und Arbeit der Monumenta Germaniae Historica: Ausstellung anlässlich des 41. Deutschen Historikertages München, 17 – 20. September 1996: Katalog. München: Monumenta Germaniae Historica, 1996. 68 S. (in German)

Сведения об авторе

Подвальнов Евгений Дмитриевич, научный сотрудник, Государственное бюджетное учреждение культуры Краснодарского края «Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына», ул. Гимназическая, 69, 350000, г. Краснодар, Российская Федерация, evgeny.podvalnov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7434-3763>

About the Author

Evgeny Dmitrievich Podvalnov, Researcher, Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn, 69 Gimnazicheskaya Street, 350000 Krasnodar, Russian Federation, evgeny.podvalnov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7434-3763>

«ОЧЕРКИ О КАЗАЧЕСТВЕ» ПРОСПЕРА МЕРИМЕ: МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЕЙ

Перетятко Артем Юрьевич

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

ArtPeretatko@yandex.ru

Аннотация. В 2025 г. в Санкт-Петербурге была издана книга «Очерки о казачестве» П. Мериме, в состав которой вошли очерки «Украинские казаки и их бывшие атаманы», «Стенька Разин» и «Богдан Хмельницкий». Выход русского перевода трудов классика французской литературы о казаках, безусловно, является важным событием, а сама книга будет интересна всем интересующимся историей казачества. Тексты П. Мериме интересны прежде всего потому, что раскрывают представления о казачестве образованного француза середины XIX в. При этом крайне интересным оказывается то, что он очень примерно представлял этническую карту Восточной Европы и в разных очерках использовал различные этнонимы и топонимы: так, Российское государство он именовал и «Россией», и «Московией». В результате в настоящее время вокруг творчества П. Мериме о казачестве сложилась своеобразная ситуация. Редактор данного издания П. Мериме, Т.Н. Гончарова однозначно относит его очерки о казачестве к истории России и интерпретирует П. Мериме как популяризатора русской культуры в Европе. Между тем в украинской историографии П. Мериме позиционируется последовательным украинофилом, а его очерки по истории казачества, кроме «Стеньки Разина», – как тексты по истории Украины. Между тем из приводимых Т.Н. Гончаровой писем П. Мериме и содержания его очерков видно, что французского классика казаки интересовали в первую очередь как разбойники с романтическими элементами.

Ключевые слова: зарубежные авторы о казаках, П. Мериме, ранняя история казачества, запорожское казачество, донское казачество, национальная историография.

Для цитирования: Перетятко А.Ю. «Очерки о казачестве» Проспера Мериме: между российской и украинской национальной историей // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 2. С. 23–38.

PROSPER MÉRIMÉE'S «ESSAYS ON THE COSSACKS»: BETWEEN RUSSIAN AND UKRAINIAN NATIONAL HISTORY

Peretyatko Artyom Yurievich

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ArtPeretatko@yandex.ru

Summary. In 2025 in Saint-Petersburg a book «Essays on the Cossacks» by P. Mérimée came out, which included essays «Ukrainian Cossacks and their past atamans», «Stenka Razin», «Bohdan Khmelnytsky». French classical writer's works on Cossacks will be interesting to anyone concerned with Cossack history. Foremost the texts of P. Mérimée are

interesting because they reveal the outlook on Cossacks of an educated Frenchman of the mid-19th century. It is also most interesting that P. Mérimée had a very rough idea about the ethnic map of the Eastern Europe, and used different ethnonyms and toponyms in his various essays: thus, he called Russian State both “Russia” and “Moscovia”. As a result, today’s situation around the works of P. Mérimée is quite peculiar. The editor of this publication of P. Mérimée, T.N. Goncharova, definitely attributes his essays to Russian history and interprets him as a popularizer of Russian culture in Europe. Meanwhile, in Ukrainian historiography P. Mérimée is posed as a consistent Ukrainophile, and his works on Cossacks, omitting “StenkaRazin” – as texts on Ukrainian history. However, letters of P. Mérimée published by T.N. Goncharova and his essays show that he was foremostly interested in Cossacks as brigands with romantic elements.

Key words: foreign authors on the Cossacks, P. Mérimée, early Cossack history, Zaporizhian Cossacks, Don Cossacks, national historiography.

For citation: *Peretyatko A.Yu.* «Essays on the Cossacks» by Prosper Mérimée: Between Russian and Ukrainian National History. Journal of the Kuban State University Historical Sciences, 2026, no. 1, P. 23–38.

Введение

В 2025 г., более чем через полтора века после их издания на французском языке, были переведены на русский работы Проспера Мериме о казачестве [5].

Здесь нам представляется уместным обратить внимание на тот факт, что до настоящего времени остается почти не изученным целый пласт нерусскоязычных работ XIX в. о казачестве. Три главы посвятил казакам в описании своего путешествия по южным территориям Российской империи француз К. Оммер де Гель [11]; академик Санкт-Петербургской академии наук П. Кёппен издал целую книгу на немецком языке о своем путешествии на территорию Земли Войска Донского [12]. Первая книга, специально посвященная донским казакам, была издана в 1807 г. в Милане на французском языке: это было сочинение прожившего год в Черкасске инженера А.Л. де Романо «Философский взгляд на страну, занятую донскими казаками» («*Coup d'oeil philosophique sur le pays occupé par les Cosaques du Don*») [10]. Однако тексты П. Мериме о казаках выделяются на фоне всех этих работ. В отличие от их авторов, П. Мериме никогда не был не только на территориях казачьих войск, но и в Российской империи. Основой для его работ послужили чужие тексты, в том числе и российских историков: как отмечает Т.Н. Гончарова, подготовившая русскоязычное издание работ П. Мериме о казачестве, часть из них представляет собой «рефераты на одноименные исследования» Н.И. Костомарова [4, с. 24]. В отличие от А.Л. де Романо, К. Оммер де Геля и даже П. Кёппена, П. Мериме является признанным классиком французской литературы, и любое его обращение к теме казачества представляется заслуживающим изучения. Фактически именно П. Мериме оказывается самым известным автором XIX в. из-за пределов Российской империи, писавшим о казаках. Поэтому, независимо от оценки его работ, они будут интересны любому читателю,

интересующемуся историей казачества: даже если в этих текстах не содержится новых фактов о запорожских и донских казаках, о Богдане Хмельницком и Стеньке Разине, без этих текстов невозможно в полной мере представить, каким был образ казаков в Западной Европе середины XIX в.

Издание «Очерков о казачестве» П. Мериме в контексте этого интересно еще и вступительной статьей Т.Н. Гончаровой, показывающей, что обращение классика французской литературы к истории казачества объяснялось как его личными пристрастиями, так и спецификой эпохи. Вообще, это предисловие дает достаточное представление как о личности П. Мериме, так и о том, насколько он был подготовлен к разработке тем по российской истории. В то же время оно позволяет соотнести собственные выводы Т.Н. Гончаровой с цитатами из текстов самого П. Мериме и приводимыми ею мнениями французских исследователей.

Основная часть

Прежде всего заслуживает внимания, что П. Мериме брал уроки русского языка с 1848 г. у В. де Лагрене (урожденной В.И. Дубенской) [4, с. 17]. Французский исследователь Ш. Корбе связывает это с влиянием кузена П. Мериме, путешествовавшего по России и в 1847 г. издавшего книгу об этом путешествии [4, с. 17]. Другой французский исследователь, П. Пелисье, предполагает, что П. Мериме был очарован лично В. де Лагрене [4, с. 18]. Сам П. Мериме на вопросы о том, зачем он учил русский язык, в переписке отшучивался, утверждая, что ожидает русской оккупации Франции и хочет к приходу «казаков» знать «три русских спряжения» – или, наоборот, рассматривает вариант эмиграции в Россию, чтобы «читать лекции по французской литературе в Иркутске» [4, с. 18–19]. Т.Н. Гончарова считает возможным значительно более связанное с высокой культурой объяснение интереса П. Мериме к русскому языку: она предполагает, что французский автор мог иметь «желание приобщиться к русской культуре» под влиянием творчества А.С. Пушкина [4, с. 17–18].

Не менее любопытно соотнести и мнение Т.Н. Гончаровой о том, почему П. Мериме обратился к казачьей тематике, с приводимыми исследовательницей цитатами французского классика. Т.Н. Гончарова рассматривает казаков как группу людей, которые «привлекались на государственную службу для охраны российских рубежей», и, исходя из этого, делает акцент на том, что в середине XIX в. казаки часто воспринимались как группа, неразрывно связанная с Российской империей, вызывавшей у многих европейцев серьезные опасения – и в итоге соотносит со всем этим интерес П. Мериме «к России, ее истории, казачеству» [4, с. 15–17]. Между тем П. Мериме в самом раннем своем тексте, где затрагивается тема казачества (рецензия на французский перевод повестей Н. Гоголя), сравнивал казаков с «флибустьерами XVII в.» и писал: «Я из

тех, кто имеет склонность к бандитам, не то, чтобы мне нравилось встречать их на своем пути; но, вопреки самому себе, энергия этих людей в их борьбе против целого общества вызывает у меня восхищение, которого стыжусь» [4, с. 20]. Важнейшие тексты самого П. Мериме посвящены отнюдь не казакам XIX в. и не верным слугам Российского государства, но бунтовщикам против него (И.С. Мазепе, С.Т. Разину) и Богдану Хмельницкому, который, по оценке французского автора, в конце жизни «раскаялся в своем дезертирстве» (т. е. переходе из-под польской власти под русскую) [4, с. 23]. При этом Т.Н. Гончарова приводит отрывки из писем П. Мериме, из которых видно, что французский автор воспринимал Б.М. Хмельницкого и особенно С.Т. Разина именно как разбойников. Например, по ходу работ над очерком о Б.М. Хмельницком П. Мериме писал: «Сколько бы казаков поляки не взяли, всех сажали на кол. Сколько бы поляков казаки не поймали, со всех сдирали кожу живьем. Это несколько монотонно» [4, с. 26]. О С.Т. Разине П. Мериме писал еще более определенно: «Пишу историю казака, революционного бандита XVII века» [4, с. 26].

Таким образом, исходя из утверждений самого П. Мериме, казаки интересовали его в первую очередь как бандиты, борцы против общества. Разумеется, это не исключало и других смыслов, однако их важность для самого П. Мериме остается гипотетической.

Позиционирование П. Мериме казаков в качестве бандитов интересно в контексте творчества современных ему казачьих авторов. Как раз в середине XIX в. одной из центральных идей немногочисленных донских казачьих литераторов становится идея о том, что казачество часто очерняют, выставляя его представителей разбойниками или, по крайней мере, потомками разбойников. Так, редактор «Донских войсковых ведомостей» М.Х. Сенюткин писал: «Летописцы наши, кроме разбоев и грабежей, ничего не упоминают о первобытных казаках» [9, с. 171]. Сам же М.Х. Сенюткин придерживался о ранней истории казачества совершенно иного мнения: «Донцы обрекли жизнь свою на войну с неверными бусурманами. Подобно западным крестоносцам, они считали военный подвиг средством очистить души свои от грехов» [9, с. 171–172]. Учитель Новочеркасской войсковой гимназии А.А. Леонов выражал надежду, что «прошла уже пора того ложного и узкого взгляда, который принимал казачество за бессмысленный и неустроенный сброд бродяг и разбойников» [2, с. 380–381]. С его точки зрения, история казачества составляла «одну из прекраснейших и красноречивейших страниц русской истории» [2, с. 381]. Историк-любитель генерал И.С. Ульянов в одном из своих трудов, приведя несколько примеров того, как профессиональные историки описывают разбои ранних казаков, восклицал: «Ах, Боже мой, опять разбойники! Что за противный народец эти казаки, когда уже осмеливаются вторгаться с своими разбоями в такие солидные, в такие умные книги, какова “История Рязанского княжества”!» [1, с. 346]. Напротив, сам И.С. Ульянов соотносит

казаков с былинными богатырями, утверждая, что «мы едва ли сделаем ошибку, признав казачество законным наследником богатырства» [1, с. 345].

Таким образом, в середине XIX в. вокруг образа казачества в Российской империи и за ее пределами происходили любопытные процессы. Казачьи авторы пытались бороться с распространившейся в культуре и науке репрезентацией казака как разбойника, противопоставляя ей гораздо более привлекательные репрезентации казака как своеобразного православного крестоносца или богатыря. П. Мериме между тем казаки интересовали именно в качестве бандитов, и именно образ казака-разбойника оказался для него наиболее привлекателен. И, соответственно, П. Мериме выступал одним из первых во Франции популяризаторов истории казачества – но, с учетом описываемых им сюжетов, едва ли подобная популяризация нашла бы поддержку у казаков-современников. В этом контексте особенно интересен тот факт, что И.С. Ульянов прямо утверждал, будто бы в печати любят очерняющие казачество тексты: «Взвалите, бывало, на них (на казаков. – А.П.) всякую нелепость, даже тяжкое преступление – и вам поверят, вас напечатают и будут читать да приговаривать: а, так вот они какие мошенники! Что ж, сказано, разбойники!» [1, с. 374]. В числе авторов, «распространяющих ошибочный взгляд на историческую жизнь казачества», И.С. Ульянов выделял и Н.И. Костомарова, на которого, напомним, опирался П. Мериме в части своих работ о казачестве [1, с. 375]. Вполне понятно, что Н.И. Костомаров, классик исторической науки, в своих исследованиях куда в большей степени опирался на факты, чем казаки-патриоты, видевшие в своих предках богатырей или православных крестоносцев. Но, как нам представляется, вполне понятна и логика людей, которым не нравилась громкая известность их предков в качестве разбойников и бандитов, даже если эта известность соответствовала действительности.

Любопытно было бы аналогичным образом проанализировать и то, какие сюжеты из истории России в целом интересовали П. Мериме. Так, первым его обращением к истории России стала работа «Лжедмитрий», причем Т.Н. Гончарова предполагает, что сюжет о самозванцах, объявлявших себя сыновьями Ивана IV, привлек П. Мериме из-за его собственной склонности к мистификациям [4, с. 21]. Позднее П. Мериме обратился к истории другой русской самозванки, написав «Историю Лжеелизаветы II» [4, с. 14]. Еще одно сочинение П. Мериме «Процесс царевича Алексея» посвящено одному из самых морально неоднозначных сюжетов Российской империи, связанному с осуждением на смерть Петром I собственного сына [4, с. 14]. Только «История царствования Петра Великого» П. Мериме посвящена безусловно важнейшему и обычно позитивно оцениваемому историками периоду российской истории [4, с. 14].

Т.Н. Гончарова делает акцент не только на безусловной любви П. Мериме к русской истории, но и на том, что его работы, даже написанные в разгар Крымской войны, когда, по мнению исследовательницы, имел место «пароксизм русофобской атмосферы», не содержали каких-либо выпадов против России [4, с. 22]. Это безусловно так, однако при этом следует учесть, что П. Мериме интересовали преимущественно весьма своеобразные персонажи российской истории, бандиты, самозванцы и морально неоднозначные личности. Обратим внимание, что подобный интерес к мрачным страницам истории России со стороны европейских авторов не уникален. Так, возможно, наиболее крупный немецкий писатель, уделивший в своем творчестве заметное внимание России, Р.М. Рильке, включил в свой единственный роман «Записки Мальте Лауридаса Бригге» эпизод про смерть Лжедмитрия I, привлечшего, как мы помним, внимание и П. Мериме [7, с. 258–260]. Поэтический цикл «Цари» Р.М. Рильке посвящен периоду перед Смутным временем, в том числе правлению Ивана Грозного, о котором немецкий автор написал такие строки:

*«Любого, кто мешкал рухнуть ниц,
Он убийцей считал, и, озлоблен и мрачен,
Рвал одежды на нем своей рукой,
А затем, у окна забывшись, с тоской
Думал: «Кто и зачем это ныне схвачен?
Кто я такой? Кто он такой?» [8, с. 237].*

Мы позволим себе высказать мнение о том, что экзотические, яркие и морально неоднозначные сюжеты национальной истории зачастую гораздо интереснее для человека иной нации (так, вероятно, наиболее известным персонажем румынской истории является Влад III Цепеш, известный как Дракула, а наиболее известным периодом скандинавской истории – эпоха викингов, морских разбойников). Однако описание национальной истории с акцентом на подобные сюжеты неизбежно искажает ее образ в целом, особенно когда речь идет о Восточной Европе, со времен эпохи Просвещения воспринимавшейся западноевропейскими авторами как переходное пространство от цивилизации к варварству [3]. Здесь уместно привести цитату еще одного классика французской литературы, О. де Бальзака, на которую обратил внимание Л. Вульф в своей известнейшей работе «Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения»: «Жители Украины, России, придунайских равнин, короче говоря, все славянские народы представляют собой связующее звено между Европой и Азией, между цивилизацией и варварством» [3, с. 47].

Поэтому, как нам представляется, для лучшего понимания текстов П. Мериме о казаках следует учитывать, что его интерес и даже любовь к российской истории были своеобразными. Хотя Т.Н. Гончарова

подчеркивает, что П. Мериме был «сторонником порядка и сильной власти», переводил русских авторов и пропагандировал во Франции русскую культуру [4, с. 19], не стоит ожидать, что этот умный и ироничный, как видно из приведенных выше цитат, французский писатель будет идеализировать российские порядки или Российскую империю. Зато мы можем рассчитывать, что П. Мериме интересовали экзотические разбойники, с которыми происходили интересные приключения.

П. Мериме написал три самостоятельных текста о казаках. Самый ранний из них, «Украинские казаки и их бывшие атаманы», вышел в 1854 г. в официальном органе Второй империи «Le Moniteur Universel» [6, с. 29]. За ним последовали очерки «Стенька Разин» и «Богдан Хмельницкий», опубликованные в «Journal des Savants» в 1861 г. и 1863 г. соответственно [6, с. 29]. Последние два очерка представляют собой рефераты на основе работ Н.И. Костомарова, хотя и с дополнениями П. Мериме [4, с. 24, 27]. Источники, на которые опирался П. Мериме при написании очерка «Украинские казаки и их бывшие атаманы», неизвестны, за исключением работ Ж. Маржерета и Г.Л. де Боплана, на которых французский автор ссылаясь в тексте [4, с. 23]. Т.Н. Гончарова отмечает, что работы П. Мериме о казачестве «почти забыты даже во Франции» [4, с. 15]. Что же скрывается в этих текстах?

Для нас наиболее интересен очерк «Украинские казаки и их бывшие атаманы», как по той причине, что он наименее связан с трудами Н.И. Костомарова и наиболее оригинален, так и по той причине, что в нем П. Мериме, по сути, предложил свою версию всей истории казачества. По его мнению, именно украинские казаки составляли ядро казачества в целом. П. Мериме считал, что первые казаки были «не отдельным народом, а объединением славян, поляков или русских, поселившихся в краю, который периодически опустошали набеги татар. Они укрепились в Малороссии» [5, с. 31]. Уже из этой цитаты виден крайний эклектизм П. Мериме: в его тексте упоминается как Украина, так и Малороссия, причем специально не объясняется, как соотносятся эти понятия. Французский автор считал, что в дальнейшем по образцу украинского казачества «выходцы из Великороссии», «рожденные подданными князей Московии», создали свое объединение на Дону [5, с. 37]. Еще позднее (конкретных дат П. Мериме не приводил) казаки появились на Волге и Яике, и их «разбойничьи шайки» «превратились в нацию» [5, с. 37]. Таким образом, в самом раннем тексте П. Мериме о казаках они позиционировались особой нацией, первоначальная родина которой связана с Украиной / Малороссией. При этом французский писатель признавал, что в Украине жили, кроме казаков, крестьяне и дворяне, и использовал для их обозначения этноним «малороссы» [5, с. 36–37, 47]. Этноним «русские» в очерке «Украинские казаки и их бывшие атаманы» использовался для обозначения представителей государства царей Алексея Михайловича и Петра I:

например, указывалось, что после Полтавской битвы «русские в большом количестве вторглись на Украину» [5, с. 52].

Однако именно в вопросе о национальном статусе казачества П. Мериме проявлял наибольшую непоследовательность. В очерке «Стенька Разин» французский автор уже утверждал, что «казаки никогда не составляли отдельной нации, хотя их нравы и институты отличны от остальной части русского народа» [5, с. 74]. Здесь он позиционировал казачество «разновидностью товарищества, наместничества, политической организации» [5, с. 74], а этноним «русский» применялся для обозначения, помимо казаков, астраханских горожан славянского происхождения, т. е. снова жителей государства царя Алексея Михайловича [5, с. 100].

Однако в очерке «Богдан Хмельницкий», своем последнем очерке о казаках, П. Мериме писал, что «народам нравится находить в избранном ими лидере достоинства и даже недостатки их национального характера», а затем позиционировал Б.М. Хмельницкого как человека, воплощающего «типичный образ казака» [5, с. 302]. В качестве его достоинств при этом отмечались смелость, хитрость, решительность, инстинкт войны, а в качестве недостатков – несдержанность и грубость [5, с. 302]. П. Мериме подчеркивал, что эти недостатки не вредили Б.М. Хмельницкому в глазах «русских», т. е. русские и казаки снова оказывались одним народом [5, с. 302]. Однако в начале этого очерка П. Мериме специально оговаривал, что именует «русским народом» «жителей Украины и других польских провинций, говоривших на диалекте русского языка и исповадовавших православную веру» [5, с. 143]. Государство же царя Алексея Михайловича П. Мериме в этом очерке последовательно называл «Московией», его посольство – «московским посольством», а его армию – «московской армией» [5, с. 280–281]. Встречается в этом очерке и этноним «москвиты» по отношению к жителям этого государства [5, с. 303]. Наконец, П. Мериме прямо писал о «патриотизме» Б.М. Хмельницкого и о том, что последнему «удалось в течение десяти лет сохранить Украину свободной от всякого иностранного ига» [5, с. 302–303].

Таким образом, мы можем констатировать, что описания П. Мериме этнической карты восточных славян было непоследовательным. Во многом это порождалось непоследовательностью терминологии: так, в одном из своих текстов он называл «русскими» жителей Российского государства, а жителей Украины именовал «малороссами», а в другом тексте он позиционировал жителей Российского государства в качестве «москвитов», а этноним «русские» использовал для обозначения православных восточных славян из Речи Посполитой. Тем не менее, в обоих очерках П. Мериме об украинских казаках эти казаки безусловно позиционируются в качестве представителей народа, отличного от жителей Российского государства. Поэтому, как нам представляется, очерки французского классика «Украинские казаки и их бывшие атаманы» и «Богдан Хмельницкий» корректнее рассматривать как посвященные истории

Украины, выступавшей у П. Мериме как регион, отличный и от Польши, и от России (тем более что французский автор постоянно использовал слово «Украина» и даже вынес производное от него в название одного из очерков).

И здесь представляется уместным обратиться к любопытнейшему историографическому сюжету. Дело в том, что работы П. Мериме о казаках, неизвестные в России и почти забытые во Франции, более чем изучены в украинской историографии. Самая ранняя известная нам украиноязычная работа о «казакофильстве» в творчестве П. Мериме вышла еще в 1925 г. [16, с. 39–59]. Перевод очерков П. Мериме «Украинские казаки и их бывшие атаманы» и «Богдан Хмельницкий» был издан во Львове еще в 1990 г. [13]. Выходили работы украинских авторов о казачьих сюжетах в творчестве П. Мериме и в XXI в. [14, с. 598–616; 15, с. 213].

При этом если Т.Н. Гончарова пытается презентовать читателю П. Мериме в первую очередь поклонником русской культуры и истории, то у современных украинских исследователей французский классик оказывается последовательным украинофилом и противником России. Например, Е. Луняк утверждает, что для П. Мериме «справи Хмельницького та Мазепи означали два рубежі епохи незалежницьких прагнень українського народу» (восстания Хмельницкого и Мазепы означали два рубежа стремления украинского народа к независимости), и цитирует слова П. Мериме о том, что «тільки Російська православна церква проклинає тих людей, котрі мали нещастя не сподобатися правителям» (в переводе Т.Н. Гончаровой – «Русская православная церковь, единственная среди всех христианских сообществ, проклинает людей, которые имели несчастье не понравиться государю») [14, с. 598–616; 5, с. 53]. Если последняя цитата безусловно соответствует действительности, то с «украинским народом» у П. Мериме, как мы видели выше, дела обстоят значительно сложнее: у французского автора безусловно есть народ Украины, отличный от народа России, но этнонимы «украинцы» или «украинский народ» им никогда не использовались, и его приписывание П. Мериме значительно модернизирует взгляды последнего. П.П. Брицкий и П.О. Бочан вообще игнорируют наличие у П. Мериме очерка о С.Т. Разине, утверждая, что французский писатель «видав дві праці, присвячені Козаччині, “Українські козаки та їхні останні гетьмани” і “Богдан Хмельницький”» (издал две работы, посвященные казакам, «Украинские казаки и их последние гетманы» и «Богдан Хмельницкий») [15, с. 213]. Эти два автора позиционируют П. Мериме как «сенатора, який співчував українському народу» (сенатора Второй империи, который сочувствовал украинскому народу) [15, с. 227]. При этом если Т.Н. Гончарова, по крайней мере, цитирует письма П. Мериме о том, что его интересовали казаки как «бандиты», то современные украинские авторы никаких указаний на это не приводят. Украинские авторы, как мы увидим далее, гораздо точнее передают содержание текстов П. Мериме об

украинских казаках, в которых хотя и отсутствует этноним «украинцы», действительно выражается сочувствие к идее независимости Украины.

Важно учитывать и тот незамеченный в украинской историографии факт, что в очерке о С.Т. Разине П. Мериме рассматривает казачество как часть русского народа, причем в этом очерке в число русских явно включались и славянские жители Астрахани. Все это, при всей непоследовательности и частных противоречиях, позволяет нам сделать общий вывод: П. Мериме действительно считал украинских казаков особым народом, отличным от жителей Российского государства, но не определился с этнонимом для обозначения этого народа, а вот донских казаков он рассматривал как часть того славянского народа, который составлял большую часть жителей Российского государства, причем для обозначения этого народа П. Мериме тоже использовал различные этнонимы. При этом, несмотря на этнические различия, украинское и донское казачество для П. Мериме были неразрывно связаны: украинское казачество стало образцом для донского, в свою очередь, ставшего образцом для прочих казачьих сообществ. С учетом разночтений в различных очерках П. Мериме для нас особенно важно, что подобная схема позиционирования казачества в общих чертах приводилась им не только в очерке «Украинские казаки и их бывшие атаманы», но и в очерке «Стенька Разин» [5, с. 75].

Поскольку П. Мериме интересовала история казаков как «бандитов», а не солдат российской армии или представителей украинского народа, он почти не касался событий XVIII–XIX вв. Даже в очерке «Украинские казаки и их бывшие атаманы» описание истории казачества после смерти И.С. Мазепы сводится буквально к двум предложениям: «Дезертирство украинских казаков нанесло сокрушительный удар Польше; с другой стороны, ослабление Польши ускорило потерю их независимости. Сегодня единственным различием между казаками и другими подданными Российской империи является небольшое количество незначительных привилегий» [5, с. 53]. При этом подчинение казаков России отнюдь не вызывало у французского автора симпатии. Он позиционировал его как «реальное рабство», гораздо худшее, чем подчинение Польше, поскольку русские, по сравнению с поляками, которые были «алчными деспотами», оказались «не менее алчными, но более ловкими, хитрыми и упорными» [5, с. 48]. Уместно тут вспомнить и мнение П. Мериме о православной церкви, которое мы приводили выше: «Русская православная церковь, единственная среди всех христианских сообществ, проклиняет людей, которые имели несчастье не понравиться государю». Соответственно, мы видим именно ту логику, о которой П. Мериме писал в своем первом сочинении, затрагивающем казачью тематику, в рецензии на французский перевод повестей Н. Гоголя: казаки интересовали его не просто как бандиты, но как бандиты, боровшиеся с обществом – точнее, двумя обществами, польским и русским – вызывавшими у французского автора еще меньше симпатий.

История казаков XVII в. раскрывалась П. Мериме преимущественно через биографии великих людей, вызывавших у него интерес, – С.Т. Разина и Б.М. Хмельницкого. Хмельницкого французский классик трактовал как национального героя Украины: «Избранный атаманом небольшого народа, окруженного со всех сторон могущественными соседями, он посвятил всю жизнь борьбе за его независимость» [5, с. 141]. Правда, при этом тот народ, героем которого был Б.М. Хмельницкий, П. Мериме оценивал критически: «Для обретения европейской славы Хмельницкому недоставало лишь менее варварского народа и, возможно, чуть менее сложной фамилии» [5, с. 141]. Любопытнее предложенная им трактовка С.Т. Разина: французского автора донской казак заинтересовал не только как лидер народного бунта, прямо соотносимый со Спартаксом, но и как человек, которого «в отмеченных восточной поэзией преданиях русских крестьян» считают «чародеем и чернокнижником» [5, с. 73]. Нас, однако, в большей степени интересует не описание отдельных личностей, сделанное П. Мериме, а общее описание им нравов и обычаев казачества, выполненное французским классиком дважды: более подробно в очерке «Украинские казаки и их бывшие атаманы» и более кратко – в очерке «Стенька Разин».

В общих чертах эти описания совпадают. П. Мериме полагал, что первые казаки действительно были борцами за веру: «Целью запорожского сообщества была война с неверными» [5, с. 33]; «Обосновавшиеся на островах Днепра первые солдаты испытывали патриотические чувства и были религиозны» [5, с. 75]. Однако очень быстро главной мотивацией, если не целью существования казачества, стал разбой: «Главным трудом запорожцев был разбой на суше и на море» [5, с. 34]; «Они полюбили войну как таковую, а грабеж стал основной целью их вылазок. В отсутствие татар они беспощадно грабили своих соседей – русских и поляков» [5, с. 75]. Описание казачьих порядков П. Мериме сводил к тому, что среди казаков царили свобода и равенство, но во время военных походов казаки добровольно подчинялись «абсолютной и деспотичной» власти избранного атамана [5, с. 34, 74–75]. Наконец, он упорно соотносил казаков с флибустьерами, следовательно, эта ассоциация была важна для французского классика. В очерке «Украинские казаки и их бывшие атаманы» П. Мериме сравнивал обучение казаков и флибустьеров: «Обучение было тяжелым, как у наших флибустьеров» [5, с. 35]. В очерке «Стенька Разин» П. Мериме шел еще дальше, утверждая, что у казаков и флибустьеров были «похожие порядки» [5, с. 75].

Таким образом, предлагаемое П. Мериме описание казачества не столько связывает казаков с Украиной или с Россией, сколько подчеркивает их природу как разбойников, возможно, даже романтических разбойников, совмещающих грабежи с защитой своей веры. В очерке «Украинские казаки и их бывшие атаманы» даже сама эта вера позиционируется экзотической, поскольку о казачьих священниках сообщается: «Они верили во вторую жизнь, в оракулов, в заклинания; упорно придерживаясь своих верований,

они были готовы принять мученическую смерть за православную веру, не умея и не стремясь понять, чем она отличается от других вероисповеданий» [5, с. 75]. Казаки П. Мериме – это в полной мере флибустьеры Восточной Европы, романтические и живущие в мире кровавых и жестоких приключений, но весьма далекие от моральных, нравственных или цивилизационных идеалов.

В этом плане особенно любопытен тот факт, что в двух своих очерках П. Мериме позиционирует борьбу своих героев с обществом первоначально вызванной таким традиционным для благородного разбойника мотивом как месть. В очерке «Украинские казаки и их бывшие атаманы» он связывает выступление Б.М. Хмельницкого против Польши с тем, что некий польский дворянин изнасиловал и убил его жену, сопровождая это характерной ремаркой: «Его поступок, в конце концов, не был из ряда вон выходящим для той страны и эпохи» [5, с. 41]. С.Т. Разин, по П. Мериме, мстил за убийство царским воеводой своего брата [5, с. 78].

Описанные им своеобразные казачьи общества П. Мериме рассматривал как связанные с более крупными государствами сложными отношениями. Запорожских казаков французский автор связывал с Польшей, причем, по его мнению, отношения поляков и казаков были взаимно выгодными при Стефане Батории, однако в дальнейшем поляки стали «обращаться с Украиной как с завоеванной страной» [5, с. 36–39]. Донские казаки были связаны с Россией, однако даже во времена С.Т. Разина обладали «реальной независимостью», причем «казацкая беднота ненавидела российское правительство», поскольку в ее числе было много беглых крестьян, помнивших, что в России «отношение к крепостному было хуже, чем к скоту» [5, с. 77]. И героев очерков П. Мериме Б.М. Хмельницкого, С.Т. Разина и И.С. Мазепу роднит то, что они восстают против деспотических Польши и России – хотя их восстания и оказываются неудачными.

Поворотной точкой в казачьей истории П. Мериме, по-видимому, считал деятельность Б.М. Хмельницкого. Он полагал фатальной ошибкой последнего подчинение России, поскольку, пока Украина была подчинена полякам, «свойственные им непостоянство и легкомыслие всегда оставляли их вассалам надежду на смягчение гнета» [5, с. 77]. В случае же с Россией и «русскими», как в данном случае обозначал П. Мериме жителей этого государства, «добыча, которую они ухватили однажды, не имела никаких шансов вырваться из их объятий» [5, с. 48]. И с момента подчинения украинских казаков России «каждый новый мятеж казаков не имел другого результата, кроме сокращения их привилегий» [5, с. 49].

Последним казачьим деятелем, пытавшимся «отвоевать независимость своей нации», П. Мериме считал И.С. Мазепу [5, с. 49]. Интересно, что одной из причин, побудивших его к выступлению против России, П. Мериме считал причину вполне романтическую, – желание «посадить на трон» (видимо, в качестве жены) одну из своих возлюбленных

[5, с. 51]. А описывая деятельность И.С. Мазепы, П. Мериме подробнее всего остановился не на его интригах или войнах, но на абсолютно частном эпизоде, хорошо иллюстрирующем интерес французского писателя к «бандитам». Он описал, как запорожцы после приема в лагере Карла XII попытались унести столовое серебро, возмутились поступком эконома, не давшего сделать это, потребовали выдачи им этого эконома, и, получив его, «в течение часа перекидывали его друг другу как мяч, толкая и отбивая его ударами ног», пока «кто-то более человечный» не добил несчастного [5, с. 52].

История казаков после восстания И.С. Мазепы П. Мериме почти не интересовала. Тем не менее нам кажется уместным отметить, что именно к этому периоду относится единственное деяние российской власти, о котором П. Мериме в своих текстах о казачестве писал безоговорочно одобрительно: «Лучшее средство для того, чтобы помешать возвращению Стеньки Разина (т. е. новым крестьянским восстаниям. – А.П.) это то, к которому прибег Е^{го} В^{еличество} император Александр II, предоставив свободу крепостным» [5, с. 113]. Нам представляется, что это лучше всего демонстрирует идеалы П. Мериме – для него были важны не столько симпатии к России или Украине, сколько любовь к свободе, доходившая до того, что борющихся против общества «бандитов» он ценил выше тех стран, которые пытались замирить этих бандитов, выступая «деспотами».

Заключение

Итак, существует своеобразный «украинский» П. Мериме: убежденный сторонник независимости Украины от России, пропагандист украинской истории и культуры в Европе. Понятно, что подобный образ П. Мериме не случайно получил распространение в украинской историографии: такой П. Мериме фактически оказывается носителем важных для украинской национальной культуры идей, чей случай якобы доказывает, что они универсальны и пользовались поддержкой у французского классика еще в XIX в. Т.Н. Гончарова, в сущности, пытается сконструировать аналогичный образ «русского» П. Мериме: «сторонника порядка и сильной власти», воплощавшихся в его эпоху в Российской империи, пропагандиста российской истории и русской культуры в Европе. Таким образом, П. Мериме интерпретируется как носитель важных уже в русской культуре идей, объективно пишущий о них даже в период «пароксизма русофобской атмосферы». Между тем, если исходить собственно из текстов самого П. Мериме, оба этих образа будут отражать только часть реальности, причем искажая ее: П. Мериме мало занимала современная ему Российская империя, а в российской и украинской истории он интересовался преимущественно бандитами и самозванцами. Его интересовали казаки как своеобразные флибустьеры Восточной Европы, а не люди, находящиеся «на государственной службе

для охраны российских рубежей» или связанные со «стремлением украинского народа к независимости».

В то же время уже во времена П. Мериме казачьи авторы пытались протестовать против не нравящихся им интерпретаций истории казачества. Они стремились облагородить свою историю, заменив представление о казаках как о разбойниках представлением о казаках как о православных крестоносцах или наследниках богатырей. И в определенном смысле как представители украинской традиции изучения текстов П. Мериме о казачестве, так и Т.Н. Гончарова выступают продолжателями казачьих авторов XIX в., облагораживая нарратив П. Мериме и делая его более тешащим самолюбие для представителей культур, связанных с казачеством, украинской и русской соответственно. При этом подобное происходит не только с сюжетами, связанными с казачеством: очевидно, что для самолюбия многих людей, относящих себя к русской культуре, более привлекательна версия о том, что П. Мериме выучил русский язык под влиянием творчества А.С. Пушкина, а не версия о том, что он учил его потому, что ему нравилась преподававшая этот язык русская дама. Однако, возможно, как раз сами тексты П. Мериме, если изучать их, не искажая подобной оптикой, свидетельствуют лучше всего: как минимум для части европейцев XIX в. казаки были интересны именно в качестве разбойников, при этом не лишенных привлекательных черт, и сам по себе образ разбойника, пусть и морально неоднозначный, может вызывать интерес даже больший, чем образ слуги России или представителя национального движения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Автобиографические, критические и публицистические сочинения генерал-майора Ивана Самойловича Ульянова, донского казака и казакомана, писанные им в 1820–1870 годы: сборник / сост. А. Ю. Перетятко. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2025. 404 с.
2. Артинский И.П. Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск: Обл. В.Д. тип., 1907. 469 с.
3. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: НЛЮ, 2003. 560 с.
4. Гончарова Т.Н. Мериме и история казачества // Мериме П. Очерки о казачестве. СПб.: Изд-во РХГА, 2025. С. 5–28.
5. Мериме П. Очерки о казачестве. СПб.: Изд-во РХГА, 2025. 400 с.
6. Предисловие // Мериме П. Очерки о казачестве. СПб.: Изд-во РХГА, 2025. С. 29–30.
7. Рильке Р.М. Записки Мальте Лауридаса Бригге // Собрание сочинений. М.: Престиж Бук, 2012. Т. 3. С. 145–306.
8. Рильке Р.М. Цари // Собрание сочинений. М.: Престиж Бук, 2012. Т. 1. С. 234–240.
9. Сенюткин М.Х. Донцы. М.: Тип. С. Селивановского, 1866. Ч. 2. 282 с.
10. de Romano A.L. Coup d'oeil philosophique sur le pays occupe par les Cosaques du Don. Tome I–II. Milan: de l'imprimerie de Cairo et comp., 1807. 218 p.

11. Hommaire de Hell X. Travels in the steppes of the Caspian sea, the Crimea, the Caucasus, etc. London: Chapman and Hall, 1847. 436 p.
12. Koppen von P. Statistische Reise in's Land der Donischen Kosaken durch die Gouvernements Tula, Orel und Woroneshim Jahre 1850. St. Petersburg: Kaiserlichen Akad. der wiss., 1852. 107 p.
13. Гійом Левассер де Боплан. Опис України. Проспер Меріме. Українські козаки та їхні останні гетьмани. Богдан Хмельницький. Львів: Каменярь, 1990. 304 с.
14. Луняк Є. Наукові розвідки з історії українського козацтва Проспера Меріме та козацькі зацікавлення у Франції в 1850–1860-х рр. // Козацька Україна 16-18 ст. у французьких історичних дослідженнях. К. Ніжин: Видавець Лисенко М.М., 2012. С. 598–616.
15. Брицький П.П., Бочан П.О. Німці, французи і англійці про Україну та український народ у XVII—XIX століттях. Чернівці: Технодрук, 2011. 306 с.
16. Савченко Ф. Козаччина у французькому письменстві та козакофільство Меріме // Україна: Науковий двомісячник українознавства. К.: Держвидав України, 1925. Кн. 5 (15). 39–59 с.

REFERENCES

1. “Predislovie [Preface]”. In Mérimée, P. Ocherki o kazachestve. Saint-Petersburg: Izd-vo RKhGA Publ., 2025: 29–30. (in Russian).
2. Artinskii I.P. Ocherk istorii Novocherkasskoivoiskovoigimnazii [Essay on the history of the Novocherkassk Host Gymnasium]. Novocherkassk: Obl. V.D. tip. Publ., 1907. (in Russian).
3. Avtobiograficheskie kriticheskie i publitsisticheskie sochineniia general-maiora Ivana Samoilovicha Ulianova, donskogo kazaka i kazakomana, pisannyeim v 1820–1870 gody: sbornik / sost. A. Yu. Peretyatko [Autobiographical, critical and publicistic opuses of major general Ivan Samoylovich Ul’yanov, a Don Cossack and Cossackoman, written by him in the years 1820–1870: collection / comp. by A. Yu. Peretyatko]. Rostov-on-Don, Taganrog: Izd-vo Iu FU Publ., 2025. (in Russian).
4. Bryc'kyj P.P., Bochan, P.O. Nimci, francuzy i anglijci pro Ukrai'nu ta ukrai'ns'kyj narod u XVII—XIX stolittjah [Germans, French and British on Ukraine and Ukrainian people in the 17th–19th centuries]. Chernivtsi: Tehnodruk Publ., 2011. (in Ukrainian)
5. de Romano A.L. Coup d'oeil philosophique sur le pays occupe par les Cosaques du Don. Tome I–II. Milan: de l'imprimerie de Cairo et comp., 1807. (in French).
6. Gijom Levasser de Boplan. Opys Ukrai'ny. Prosper Merime. Ukrai'ns'ki kozaky ta i'hniostanni get'many. Bogdan Hmel'nyc'kyj [Guillaume Le Vasseur de Beauplan. Description of Ukraine. Prosper Mérimée. Ukrainian Cossacks and their last hetmans. Bohdan Khmelnytsky]. Lviv: Kamenjar Publ., 1990. (in Ukrainian)
7. Goncharova T.N. “Merime i istoriia kazachestva [Mérimée and the history of Cossacks]”. In Mérimée, P. Ocherki o kazachestve. Saint-Petersburg: Izd-vo RKhGA Publ., 2025: 5–28. (in Russian).
8. Hommaire de Hell X. Travels in the steppes of the Caspian sea, the Crimea, the Caucasus, etc. London: Chapman and Hall, 1847.
9. Koppen von P. Statistische Reise in's Land der Donischen Kosaken durch die Gouvernements Tula, Orel und Woronesh im Jahre 1850. St. Petersburg: Kaiserlichen Akad. der wiss., 1852. (in German.)
10. Lunjak Je. Naukovi rozvidky z istorii' ukrai'ns'kogo kozactva Prospera Merime ta kozac'ki zacikavlennja u Francii' v 1850–1860-h rr. [Prosper Mérimée’s scientific research on the history of Ukrainian Cossacks and Cossack interests in France of the 1850s–1860s]. In

Kozac'ka Ukrai'na 16-18 st. u francuz'ky historychnyh doslidzhennjah. Kyiv, Nizhyn: Vydavec' Lysenko M.M. Publ., 2012: 598–616. (in Ukrainian)

11. Mérimée P. Ocherki o kazachestve [Essays on the Cossacks]. Saint-Petersburg: Izd-vo RKhGA Publ., 2025. (in Russian).

12. Rilke R.M. “Tsari [The Tsars]”. In Rilke R.M. Sobranie sochinenii. T. I. Moscow: Prestizh Buk Publ., 2012: 234–240. (in Russian).

13. Rilke R.M. “Zapiski Malte Lauridisa Brigge [The Notebooks of Malte Laurids Brigge]”. In Rilke R.M. Sobranie sochinenii. T. III. Moscow: Prestizh Buk Publ., 2012: 145–306. (in Russian).

14. Savchenko F. Kozachchyna u francuz'kom upys'menstvi ta kozakofil'stvo Merime [Cossacks in French literature and Mérimée's Cossackophilia]. In *Ukrai'na: Naukovyj dvomisjachnyk ukrai'noznavstva*. Kn. 5 (15). Kyiv: Derzhvydav Ukrai'ny Publ., 1925: 39–59. (in Ukrainian)

15. Seniutkin M.Kh. Dontsy. Ch. 2 [The Don Cossacks. Pt. 2]. Moscow: Tip. S. Selivanovskogo Publ., 1866. (in Russian).

16. Wolff L. Izobretaia Vostochnuiu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniia [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Moscow: NLO Publ., 2003. (in Russian).

Сведения об авторе

Перетятко Артем Юрьевич, кандидат исторических наук, заведующий научной лабораторией, Южный федеральный университет, 344006 ул. Б. Садовая, 105/42, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ArtPeretatko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2779-2223>

About the Author

Peretyatko Artem Yurievich, Candidate of Historical Sciences, Head of the Research Laboratory, Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation, ArtPeretatko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2779-2223>

DEVELOPMENT OF KUBAN'S HISTORICAL TERRITORY BY BLACK SEA COSSACKS IN LATE 18TH – MID-19TH CENTURIES: SETTLEMENTS, LAND MANAGEMENT

Fedina Irina Mikhailovna

Kuban State University, Krasnodar, Russia

ir_Lap@mail.ru

Abstract. This article examines some problematic issues with reference to the development of the historical territory of Kuban by the Black Sea Cossacks, their settlement, and land management. At the turn of the 18th and 19th centuries, after the Black Sea Cossacks arrived on the Right Bank of the Kuban River, the complex process of establishing fortykurens and the formation of a hierarchical administrative system began. Particular attention is paid to the process of land surveying, which we understand as a whole complex of measures, such as the Black Sea Cossacks' assertion of their primordial right to perpetual land ownership, as it was granted to them as their main privilege, the establishment and consolidation of the administrative-territorial boundaries of the Black Sea Cossack Host, the normative regulation of land relations within the Host itself with the identification of land categories, and the implementation of a primary cadastral register.

The study examines such problematic issues as the consolidation of Cossack allotments, the resolution of acute land conflicts, and the military command's desire to distribute and assign the kurens throughout the Right Bank of the Kuban through a draw.

The author concludes that the process of resettling fortykurens across the historical territory of the Kuban was prolonged over time for various reasons (economic, conflict-related, natural and climatic, etc.) until 1809. Only after Emperor Nicholas I approved the fundamental "Regulations on the Black Sea Cossack Host" did the kuren settlements become stanitsas as part of the nationwide unification of Cossack territories.

Key words: Black Sea Cossacks, resettlement, land management, surveying, Kuban, kuren, stanitsa

For citation: *Fedina I.M.* Development of Kuban's Historical Territory by Black Sea Cossacks in Late 18th – Mid-19th Centuries: Settlements, Land Management Journal of the Kuban State University Historical Sciences, 2026, no. 2, P. 39–56

ОСВОЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ КУБАНИ ЧЕРНОМОРСКИМИ КАЗАКАМИ В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX В.: РАССЕЛЕНИЕ, ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО

Федина Ирина Михайловна

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

ir_Lap@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемные вопросы освоения исторической территории Кубани черноморскими казаками, их расселение и землеустройство. На рубеже XVIII и XIX вв. после прибытия черноморских казаков на Правобережье Кубани начинается сложный процесс укоренения 40 куреней и становление иерархичной управленческой системы. Особое внимание уделяется процессу межевания земель, под которым мы понимаем целый комплекс мероприятий, таких как отстаивание черноморскими казаками своего исконного права на вечное владение землей, так как она им была пожалована в качестве главной привилегии, установление и закрепление административно-территориальных границ Черноморского казачьего войска, нормативное регулирование поземельных отношений внутри самого войска с выделением категорий земель и осуществление первичного кадастра.

В исследовании рассмотрены такие проблемные вопросы как закрепление казачьего надела-пая, преодоление острых земельных конфликтов, стремление войскового начальства распределить и закрепить курени по всей территории Правобережья Кубани с помощью процедуры жеребьевки.

Автор приходит к выводу, что процесс расселения 40 куреней на исторической территории Кубани растянулся во времени, по разным для куреней причинам (хозяйственным, конфликтогенным, природно-климатическим и др.), вплоть до 1809 г. Лишь после утверждения императором Николаем I основополагающего «Положения о Черноморском казачьем Войске» куренные селения становятся станицами в рамках общероссийской унификации казачьих территорий.

Ключевые слова: черноморское казачество, переселение, землеустройство, межевание, Кубань, курень, станица.

Для цитирования: Федина И.М. Освоение исторической территории Кубани черноморскими казаками в конце XVIII – середине XIX вв.: расселение, землеустройство // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 2. С. 39–56.

Introduction

The study of the history of the Kuban territory development by the Black Sea Cossacks is an important and relevant task for historical science to provide a generalization of historical experience from the point of view of preserving the traditional ways of life.

Cossacks, as a permanent and sedentary population, emerged in the historical Kuban region immediately after the end of the Russo-Turkish War of 1787-1791 fought between the Russian and Ottoman Empires. Following the war's success for Russia, the two sides signed the Treaty of Jassy on December

29, 1791 (January 9, 1792), in the city of Jassy in the Principality of Moldavia (now part of Romania).

This treaty, favorable to Russia, secured the entire Northern Black Sea region, including Crimea, and the Caucasus for Russia. According to Article 6 of the treaty, the former border along the Kuban River was restored between the long-standing historical adversaries, and Turkey renounced its claims to Georgia and assumed comprehensive obligations "to restrain the peoples living on the left bank of the Kuban River" from any encroachment on the lands and populations living along the Right Bank of the Kuban, including financial compensation to Russia for losses from possible attacks. Russia received new territories along the Right Bank of the Kuban and the Taman Peninsula, and to finally consolidate these territorial gains, the country's leadership decided to settle these lands with Cossacks and strengthen the border by constructing cordon lines.

The level of research on the topic. The study of the development and settlement of the Kuban region were reflected in the works of the first wave pre-revolutionary researchers of the Black Sea Cossacks: I.D. Popko, I.V. Bentkovsky, P.P. Korolenko, F.A. Shcherbina and others, who left interesting information and descriptions of land management, kuren settlements of the Black Sea Cossacks [1, 2, 3, 4]. Researchers of the Soviet period like A.V. Golobutsky, A.V. Fadeev, S.A. Chekmenev in their works paid attention mainly to the socio-economic aspect of the economic structure of the Black Sea Cossack troops [5, 6, 7].

The current stage of Black Sea Cossack studies is characterized by a radical expansion of the range of aspects studied. The ongoing revival of the Cossacks has had a noticeable influence on regional historiography: publications are appearing that examine various aspects of Cossack history (military, economic, etc.). Publications by V.N. Ratushnyak, B.E. Frolov, O.V. Matveyev, L.G. Stepanova, S.N. Shapovalov, and others, written on the basis of a significant array of diverse sources, have provided a historical reconstruction of the resettlement and development of the Kuban territory by the Black Sea Cossacks [8, 9, 10, 11, 12].

The aim of the study is to develop an understanding of the settlement and land management of the Black Sea Cossacks in the late 18th-early 20th centuries in the historical region of Kuban.

The research base is based on published and unpublished sources. Unpublished documents stored in the State Archives of the Krasnodar Territory made it possible to trace the history of the resettlement, settlement, and land management of the Black Sea Cossacks. For example, the collection of the military chancery of the Black Sea Cossack Host (F. 250; 1794–1842) contains materials on the allocation of land to military elders for hereditary ownership of farmsteads and mills in the Black Sea region.

They reflect both Cossack beliefs and the official policy of the Russian authorities on land management. Collection R-13, "Department of Agriculture of the Kuban Regional Government, Yekaterinodar, Kuban Region, 1917–1920,"

contains interesting information on the history of land surveying in the Black Sea region. Certain documents on land management issues were identified in Collection 1268, "Caucasian Committee," of the Russian State Historical Archive.

An important historical source for us are the published normative documents governing the lives of settlers in the Black Sea region.

Main Part

In 1792, Empress Catherine II granted new lands, called "Chernomoria," "for perpetual possession" by Charter to the Black Sea Cossack Host, formed in 1787 from among the Cossacks of the Zaporizhian Sich. Territorially, Chernomoria occupied the western half of the Kuban steppe zone of the Kuban region, adjacent to the Sea of Azov and the Black Sea, within the area and boundaries of the lands on the right bank of the Kuban River, between its mouth, the Ust-Labinsk redoubt, the Sea of Azov, and the town of Yeisk.

The separation of the Black Sea Cossack Host's lands, granted to it "in perpetual possession," required demarcation from neighboring administrative-territorial entities of the Russian Empire. These included: the Yekaterinoslav Governorate (with its center in the city of Yekaterinoslav), the Taurida Governorate (with its center in the city of Simferopol; now the administrative center of the Republic of Crimea of the Russian Federation), and the Caucasus Region of the Astrakhan Governorate (formerly the Caucasus Viceroyalty).

By decree of the Russian Empress Catherine II on June 30, 1792, the entire northwestern plain area, the Taman Peninsula and the lands located between the Black and Azov Seas, along the Eya River and up to the Ust-Labiinsky redoubt were transferred for settlement and border protection to the Black Sea Cossack Host and formed the border of the military land.

In the rescript of Empress Catherine II to His Serene Highness Prince G.A. Potemkin-Tavrichesky on the arrangements regarding various villages in the Yekaterinoslav region and the allocation of lands on the Taman Peninsula to the Zaporozhian Cossacks, it was emphasized: "We accept for our benefit Lieutenant Colonel Sidor Bely and other elders of the former Zaporozhian army, and we deign that you declare our monarchical favor to them: and as for the request and desire of those in the aforementioned army, that they be given lands for settlement in the Kerch corner or on the Taman Peninsula, you can manage this very useful matter at your best discretion, extending permission to settle here to others who wish to join them from abroad, as well as to those who are in the enemy's territory" [13, p. 468].

Thus, Empress Catherine II allowed for the possibility of Cossack settlement in the Kerch region, but, as subsequent events showed, she was primarily interested in settling the lands of the Right Bank of the Kuban. Ultimately, the idea was to consolidate a foothold in a large region, finally make the Sea of Azov an internal sea of the Russian Empire, and gain access to the

Caucasus, pushing the Ottoman Empire further away from the country's southern borders and limiting the independent actions of its satellites there.

Although the Black Sea Cossack Host had a Charter from Empress Catherine II for the lands allocated to it, but the document did not specify the exact boundaries. The Charter, signed on July 30, 1792, noted regarding the boundaries that the Black Sea Host was granted "in perpetual possession Phanagoria Island, located in the Tauride region, with all the land lying on the right side of the Kuban River from its mouth to the Ust-Labinsk Redoubt, so that, on one side, the Kuban River, and on the other, the Sea of Azov up to the town of Yeisk, would serve as the border of the host land, and on the other, We have ordered the demarcation to be made by the Governor-General of the Caucasus and the Governors of Yekaterinoslav and Tauride through land surveying with the Deputies of the Don and Black Sea Hosts" [14, p. 467].

In the imperial decree to the Governing Senate that preceded the charter, it was stated: "We have granted the army the island of Phanagoria, which is located in the Tauride region, in perpetual possession, with the land between the Kuban River and the Sea of Azov, lying in the area from Phanagoria by sea to the town of Yeisk, and along the river approaching the mouth of the Laba— we grant further demarcation from the town of Yeisk to the mouth of the Laba to the adjacent provinces of the Caucasus to the Governor-General, through provincial surveyors with deputies from the Don and Black Sea armies, and upon execution to submit to the Senate a map indicating the borders" [15, p. 48].

This last circumstance gave rise to disputes over the delineation of the border from the town of Yeisk, located at the mouth of the Yeya River, to the mouth of the Laba River (a left tributary of the Kuban River). The military government attempted to draw the border so that the steppes lying east of the town of Yeisk would be included within the military territory.

The military officials' plan was successful, and indeed, the boundary line was drawn from the town of Yeisk not southeast to the mouth of the Laba River, but east along the Yeya River for 75 versts to the confluence of its legal tributary, the Kugo-Eya River. After this decision was made, the Don deputies declared that they did not wish to draw the boundary line further east along the Kugo-Eya River, since the Don Host had been assigned land beyond this river. As a result, the surveying process was suspended pending review by the imperial authorities. A dispute also arose among the surveyors over where to draw the boundary line in the east, whether at the mouth of the Laba River itself, or west of the river. May 6, 1793.

In a field journal entry dated August 12, 1793, the deputies unanimously resolved to demarcate the boundary between Taurida Governorate and Yekaterinoslav Viceroyalty from the southern point at the mouth of the Yeya River up to the lands of the adjacent governorate. When the surveying work reached the mouth of the Sosyka River, a left tributary of the Yeya River (in the area of today's Starominskayastanitsa), the Don Host deputies, Colonel Golov and Premier Major Shchedrov, declared that along the right bank of the Yeya River, at

the confluence of the Sosyka River, there were lands requested by their Host, and therefore they demanded that the Black Sea Host not demarcate it, that is, not draw a boundary there.

But the designated land was only requested, but not given to the Don Host, so the boundary line continued up the Yeya River to the mouth of the Kugo-Yeya River, a right tributary of the Yeya, or Malaya Yeya (now the site of the Kushchevskaya village in Krasnodar Krai). Then, deputies from the Caucasus Viceroyalty declared that from here the boundary line should extend upstream against the Malaya Yeyato end 18 versts below the mouth of the Laba River along the Kuban River.

The deputies from the Black Sea Army asked to draw the border another 40 miles up the Kugo-Eya River (approximately to the current village of Kugoyskaya in the Krylovsky District of the Krasnodar Territory), and from there turn towards the mouth of the Ust-Laba River, as specifically stated in the charter of the Russian Empress Catherine II [16, p. 49].

The Commander of the Cossack Camp of the loyal Black Sea Cossack army, Brigadier Zakhariy Alekseevich Chepega, sent Second Major Konstantin Kordovsky to St. Petersburg around the end of 1793 – beginning of 1794 to the Yekaterinoslav and Taurida Governor-General, Count Platon Aleksandrovich Zubov, with a letter in which he asked for the Army to be given steppe land, since “in Phanogoria there are mountains, and by the sea there are swamps.”

Although, as the Commander of the Cossack Camp wrote, "there is fish, vodka, and some salt, and there is, and in addition to this, bread and livestock are also needed as a snack, so that the army can provide itself with everything necessary for the sovereign's service" [17, p. 49]. The subtext of the letter testified not only to Z.A. Chepega's good personal acquaintance with P.A. Zubov, but also contained a clear hint of a warm welcome in the event of the latter's arrival in Kuban.

The then all-powerful favorite of Empress Catherine II, Count P.A. Zubov sent a copy of Z.A. Chepega's letter to the governor of the Taurida region, Semyon Semyonovich Zhegulin, and his attitude toward the governor-general of the Ryazan and Tambov viceroyalties and the governor-general of the Caucasus viceroyalty, General-in-Chief I.V. Gudovich.

On January 21, 1794, Zubov essentially ordered the heads of the Russian provinces to delineate the border, by agreement between these officials, in a manner that would satisfy the request of the esteemed Commander of the Cossack Camp. Count P.A. Zubov's official letter to the Caucasus Governor-General I.A. Gudovich detailed the border between the lands of the Black Sea Cossack Host and the Caucasus Viceroyalty. The border designated by Count P.A. Zubov was subsequently amended by agreement with Governor-General I.A. Gudovich. It is evident from surviving correspondence that the border between the Don Host and the Caucasus Viceroyalty was established in 1794 by Lieutenant General N.M. Berdyayev. In 1795, a clear demarcation was made between the lands

granted to the Black Sea Cossack Host and the lands of the Caucasus Viceroyalty, without any unnecessary disputes, based on the boundaries designated by I.A. Gudovich, with the consent of the Yekaterinoslav, Taurida, and Voznesensk Governor-General P.A. Zubov. In this form, the border of the Black Sea Cossack Host remained unchanged until 1819.

An analysis of correspondence concerning the demarcation of the Black Sea Cossack Host's boundaries allows us to elucidate the historical specifics of this administrative-territorial process. From a detailed report by the Taurida regional land surveyor, Captain V.P. Kolchigin, dated June 19, 1795, No. 8 to the Taurida Governor S.S. Zhegulin, we learn of the surveyor's arrival at the Yeisk District Administration, where he submitted a report to the Ataman of the Don Host, A.I. Ilovaisky.

In his report, Kolchigin requested that Don deputies be sent to "draw" the borders along the Kugo-Eya River, but the Don Civil Government refused to send a group of deputies due to the absence of Lieutenant General N.M. Berdyaev (who was in St. Petersburg). Ivanov, the district surveyor dispatched to the mouth of the Kugo-Eya River, also informed Kolchigin of the approval of the boundary along the Kugo-Eya River by Lieutenant General N.M. Berdyaev back in 1794, based on the agreement of the Don deputies with the deputies of the Caucasus Viceroyalty. Therefore, V.P. Kolchigin returned to Yekaterinodar, where, together with the assembled deputies from the Caucasus Viceroyalty, he decided to continue the land surveying.

On June 16, 1795, the demarcation of the Black Sea Cossack Host's boundary began in the presence of a group of deputies empowered by the Host Board. This group of plenipotentiary representatives appointed by the Black Sea Cossack Host included: Premier Major MokiyGulik, Second Major Konstantin Kordovsky, Captain SemyonPismenny, and Lieutenant Stepan Poryvai. The thorough preparation of Premier Major MokiyGulik for resolving boundary issues deserves a special mention.

He and a small detachment of Cossacks arrived in 1791, a year before the upcoming resettlement of the Black Sea Cossacks to the Kuban lands, "to survey and occupy the land granted by the Most High." MokiyGulik thoroughly studied the courses of the steppe rivers of the Right Bank of the Kuban, meticulously inspected watering places for cattle, and specifically identified the presence of possible crossings [18, p. 96]. As a result of fruitful cooperation between land surveyors and deputies, the boundary of the Black Sea Cossack Host was drawn between June 16 and July 5, 1795, over a distance of 186 versts, and it adjoined the boundary of the Don Host, approved by Lieutenant General N.M. Berdyaev in September 1794.

Thus, the surveying of the lands belonging to the Black Sea Cossack Host resulted in the establishment of precise administrative boundaries with neighboring Russian provinces. To the north, the Black Sea Cossack Host bordered the Yekaterinoslav Governorate and the lands of the Don Host. To the east, the Black Sea Cossack Host bordered the Caucasus Governorate.

On the western side, the Host's border ran along the coasts of the Azov and Black Seas. On the southern side, the Black Sea Cossack Host's border ran along the Kuban River, but demarcation of Cossack lands from those belonging to the Circassians was not conducted here, and this important issue was addressed much later.

For a long time, land surveying of military lands was not practiced in the Black Sea Cossack Host, as each member of the military family, both official and ordinary, could use the land as needed, and a Cossack's economic status had no bearing on their land use. The Black Sea Cossacks brought this patriarchal rule with them to Kuban from the Zaporizhian Sich, where relative Cossack equality had been maintained, and military ranks were considered elective offices.

With the further settlement of the region in the early 19th century, as F.A. Shcherbina asserted, the army had neither the resources nor the manpower to demarcate the lands, and the demarcation itself could drag on for many years [19, p. 53]. With such approaches, detailing the conditions of land ownership, clearly defining the sizes of land plots, determining the procedure for using military land, and establishing boundary rules were not considered a priority for the military administration; the need for widespread demarcation of military lands was not immediately recognized.

However, it was only after the final demarcation of lands between the Black Sea region, the Caucasus Governorate, and the lands of the Don Host that the military authorities began allocating land for kurens (Cossack settlements). However, the process of demarcating settlement sites dragged on, and from the spring of 1793, the enterprising descendants of the Zaporozhian Cossacks turned to their usual pursuits: fishing, hunting, and livestock breeding. Many took up fish harvesting, the Black Sea region's stocks then seemingly inexhaustible. The sparse population of the lands inhabited by the Cossacks, the constant employment of the majority of the Cossack population in military service, and, finally, the minimal labor costs per unit of land occupied compared to agriculture – all this created favorable conditions for the development of livestock farming in the region newly annexed to Russia. The abundance of unoccupied lands was in no way matched by the number of incoming populations, and this left its mark on the characteristics of Black Sea land ownership. Initially, livestock farming predominated. The initial dominance of livestock farming had a profound cultural and historical impact on the Black Sea Cossacks. It led to the development of a unique settlement system that met the needs of a livestock-farming lifestyle.

The formation (“establishment”) of the first Cossack kurens in the Black Sea region dates back to the three years of 1792-1794, but these events cannot be limited to any one specific date, since in the conditions of an uninhabited region with the absence of communications, trade and industry, significantly more time was required to develop new Russian territories, to establish settlements and develop settlement locations.

In relation to the historical region of Kuban, the initial moment of its settlement by the Cossacks is traditionally considered to be the resettlement of 40 kurens of

the “glorious and brave Zaporozhian Cossacks”, Cossacks of the Black Sea Cossack Host.

The military government decided to settle the Cossacks in separate kuren villages. This decision was first legally recorded in the "Order for the Common Good," approved on January 1, 1794. Clause 3 of the "Order" stated: "In accordance with military discipline, for the purpose of assembling the army, establishing the prevailing order, and providing refuge for homeless Cossacks in the city of Yekaterinodar, forty kurens are to be established [...], and the army along the border is to be settled in kuren villages in those places to which each kuren will belong by casting the lot" [20, p. 2].

In the autumn of 1795, the Military Board of the Black Sea Cossack Host compiled an inventory of the locations of kuren settlements in the Black Sea region for a map of the Russian Empire being prepared by the capital's Senate. Thanks to this historical document, we know of the location of 12 kuren settlements on the riverbanks along the Eya River and its tributaries, and of the establishment of tenkuren settlements on the banks of steppe rivers Albashi, Velikiy and MalyyBeysug, Kirpili, Tikhonkoy (a right tributary of the Chelbas River), and Chelbasy.

The remaining kuren settlements were located in the southern part of the Black Sea region, with only eight kuren settlements recorded in the immediate vicinity of the Kuban River: Vasyurinskoye, Velichkovskoye, Dinskoye, Korsunskoye, Pashkovskoye, Plastunovskoye, Rogovskoye, and Timashevskoye. It should be noted that less than 10 years would pass before only three kuren settlements remained near the banks of the Kuban: Vasyurinskoye, Korsunskoye, and Pashkovskoye. These settlements were located approximately 2–4 versts from the border cordons [21, p. 32].

Noting a certain change in the settlement of the kurens after the drawing of lots, F.A. Shcherbina wrote: "There appeared to be a certain adaptation of the settlements to local conditions. The boundaries of the settlement areas were pushed deeper into the steppe. In places, for the settlement of kurens, the banks and bends of steppe rivers and steppe tracts were chosen for the most part" [22, p. 554].

Moreover, some kurens of the Black Sea Cossack army, despite their seemingly planned settlement across the Black Sea region, formed not one, but two kuren settlements at once. An example of this is the Shcherbinovskyykuren, whose Cossacks founded their kuren settlement in 1794 at the Black Ford, located at the mouth of the Yeya River. Moreover, at this ancient river crossing, there had previously been a Nogai fortification, covering a strategically important route along the Sea of Azov.

However, in addition to the above-mentioned kuren settlement at the mouth of the Eya River, in August 1795 there was also another settlement, the Shcherbinovskyykuren, “on the Beysuga River on the left side near the Lebyazhie estuaries” [23, p. 71]. In 1821, part of the Shcherbinovsky Cossacks moved to the right bank of the steppe river Yaseni, where the Novoshcherbinovskyykuren (the

future stanitsa) was formed, and the former kuren from that time began to be called Staroshcherbinovsky.

Initially, the areas where kurens would settle were determined approximately, and only residence in a specific location for a period of time determined how suitable it was for the long-term establishment of a given kuren. The reasons for the migration of kurens across the Black Sea region, naturally for those kurens caught in the border war with the Trans-Kuban highlanders, were unfriendly contacts with neighbors, although this by no means exhausted the list of reasons for subsequent resettlement.

These reasons include: unsatisfactory water sources in terms of water quality, the lack of proper conditions for the development of agriculture and obtaining decent harvests, unacceptable topographic features of the area (for example, the lower reaches with their flooding and flooding), too close proximity to other kuren settlements, etc. Nevertheless, the process of rooting the fortykurens of the Black Sea Cossacks was completed in early 19th century.

When settled life in the Black Sea Cossack Host had more or less stabilized, the population of the host had grown and settled in, then it became clear what an endless scope for land arbitrariness and unrestrained violence the gap in positive law opened up, which concealed the lack of proper legal regulation of land relations and the reliance on the observance of ancient Cossack rules in land use.

This rule was actually enshrined in the Charter of the Russian Empress Catherine II, the main postulate of which established all lands as the property of the entire Black Sea Cossack army, and each Cossack received the right to freely borrow as much land as he could cultivate.

In practice, this meant initial privileges for those who owned their own livestock and livestock, as they could actively develop their farms. The Cossack poor, registered in kuren villages, were unable to take advantage of the advantages of the Cossack class.

The landmark regional normative-legal act regulating issues of land ownership and land use was the "Order of Common Benefit", drawn up in 1794 and defining the internal structure of the Black Sea Cossack Host.

Paragraph 19 of the "Order of Common Benefit" proclaimed the occupation of vacant lands ("zaimka") as the right of economically strong Cossacks, and this form of land tenure persisted for nearly three-quarters of a century. As the Kuban settlements developed, the need arose to delimit land allocations. However, there was a system in place whereby any interested Cossack could request permission ("open sheets") from the Host Government to occupy vacant land, and, accordingly, legalize their zaimka if it had already been selected by an enterprising Cossack.

Until 1842, the Military Government made no attempt to regulate land use. However, the illegal seizure of significant tracts of yurt land by officials and the increasing number of land users led to a reduction in the yurt land stock, necessitating norm-setting regulation.

The "Regulations on the Black Sea Cossack Host" adopted on July 1, 1842 regulated the military and civil organization of the Host. The document noted: "The Black Sea Cossack Host occupies the entire territory of the lands lying between the eastern shore of the Azov Sea and part of the Black Sea, the Yekaterinoslav Governorate, the Don Host, the Caucasus region, and the mountain inhabitants, from whom it is separated by the Kuban River. All lands belonging to the Black Sea Cossack Host are distributed according to the needs of the Host" [24, p. 6].

The adopted Regulations established a land use procedure based on the algorithms for resolving land issues in the 1835 "Regulations on the Don Army" but the majority of the Black Sea Cossack Host's population knew nothing about this and had no understanding of the document. The land use procedure adopted from the 1835 "Regulations on the Don Army" consisted of allocating the entire public land holding (yurt) into separate plots: arable, hayfield, pasture, vegetable garden, etc., and then dividing each plot into equal land shares based on the number of users.

This system is characteristic of the Greater Russia communal life. The benefits of its implementation, firstly, were the equalization of land allocations among all equal users. Secondly, given the black soil composition, the significant development of livestock farming, and the lack of fertilizers, land depleted by prolonged plowing could be relatively quickly restored by grazing livestock.

Thirdly, all sorts of cultural improvements and agrarian refinements could be introduced and spread more quickly among the rural population, since the plowmen worked next to each other on allocated plots of land and could follow each other's example.

The main sources of income for the Black Sea Cossack army were the development of steppe cattle breeding and fishing, but, unfortunately, the Black Sea Cossacks clearly did not have enough time for these rather profitable trades "due to their continuous defensive position."

Also, due to the army's constant involvement in military conflicts, the mobilization of most Black Sea Cossacks for military operations and the fulfillment of essential border duties, agriculture in the Black Sea region was not sufficiently developed. Although the fertility of the local soils allowed for significantly higher harvests than during the period under study, the Cossacks were at least capable of achieving self-sufficiency in food from the available land resources. In this situation, due to the underdevelopment of its own production, the Host Government was forced to purchase provisions from neighboring provinces to support the Black Sea Cossack border regiments.

Major General G.A. Rashpil (1801–1871) paid great attention to land relations. After arriving in the Black Sea region in the spring of 1841 as chief of staff of the Black Sea Cossack army and before his confirmation in this position on November 3, 1842, he was appointed chairman of the temporary committee for drafting the Regulations on the Land Survey Commission [25, p. 5].

This circumstance compelled him to focus his attention on the current state of affairs in Cossack land use. Having delved into the actual situation of land relations in detail, G.A. Rashpil noted that "the uncertainty of land ownership rights and the grace of extensive self-government led to an extreme imbalance in the use of military (communal) land between farmsteads and stanitsas. The oppressed stanitsa residents became impoverished, were poorly equipped for service, resorted to horse stealing, and, what is most inappropriate, treated their fellow farmstead officials with feelings that should not exist between superiors and subordinates" [26, pp. 316–317].

Land plot sizes were determined based on the rank held: a general was entitled to 1,500 dessiatines, a staff officer to 400 dessiatines, a senior officer to 200 dessiatines, and a Cossack to 30 dessiatines. Paragraph 67 of the "Regulations on the Land Surveying Commission of the Black Sea Cossack Host" outlined the main objectives of land surveying as equalizing land allowances across all stanitsas and demarcating all military land.

However, the consequences of the widespread land survey in the Black Sea Cossack Host were assessed ambiguously. As E.D. Felitsyn noted, over time, "land surveying will destroy large-scale cattle and horse breeding... and this will have a very disadvantageous effect in deep Russia, as land surveying will allow agriculture to spread across the steppe, whereas the purpose of the steppe is not agricultural at all, but pastoral, displacing the horse herds, leaving the Cossacks without horses" [27, p. 317]. Such a prospect was considered unacceptable for the Cossacks.

The internal distribution of land among the village yurts and the allocation of land plots for various military needs remained a practically unresolved problem at that time.

Emperor Nicholas I approved the fundamental "Regulations on the Black Sea Cossack Host" (came into force on July 1, 1842) and accordingly confirmed the well-deserved rights of the Black Sea Cossacks to the land they occupied [28, p. 2]. Under Nicholas I, the Code of Military Regulations began to be published, the third part of which, in its completed version, was dedicated to irregular troops and consisted of three books as follows: Book IX. The structure and composition of the Cossack troops and their administrations; Book X. Service in the Cossack troops. The rights and privileges assigned to these troops; and Book XI. Economy of the Cossack troops.

In the Code of Military Regulations, we found the "Regulation on the Demarcation of Lands of the Black Sea Cossack Host" (Article 3625, Book II, early version).

Based on this legal act, the Land Surveying Commission of the Black Sea Cossack Host distributed and allocated lands into two categories: 1) for stanitsa communities and 2) for military needs. According to paragraph 27 of the "Regulation," the lands allocated to stanitsa communities were divided into two parts as follows: 1) lands of the stanitsa yurts; 2) land plots attached to flour mills. Lands for military needs (item 28) had a more fractional differentiation:

1) hayfields and pastures for the cordon guard on the Line; 2) places for exercises and reviews of the Cossack Life Guards Black Sea Cossack Division; 3) assembly places of Cossack regiments in the districts and on the borders of the army; 4) the pasture of the city of Yekaterinodar; 5) places for oil establishments; 6) places for coal quarries; 7) places for fishing factories; 8) pastures for draft cattle of salt industrialists; 9) land for roads; 10) hayfields for artillery horses; 11) places for post stations; and 12) land for the Yekaterino-Lebyazhskaya Nikolaevskaya Hermitage (operated in the Lebyazh'i Limany tract; now it is a men's monastery of the Yeisk diocese of the Russian Orthodox Church, located in the village of Lebyazhiy Ostrov in the Bryukhovetsky district of the Krasnodar Territory) and for a women's monastery hermitage, established in the name of Saint Mary Magdalene, Equal-to-the-Apostles (here we mean the Mary Magdalene Hermitage, the first Orthodox women's monastery in Kuban, previously located in the bend of the Kirpili River between the villages of Rogovskaya and Timashevskaya, and now it has been revived in the village of Rogovskaya in the Timashevsky district of the Krasnodar Territory, 7 km from the former monastery) [29, p. 10].

The allocation of yurt land allowances to the stanitsa communities of the Black Sea Cossack Host was determined based on the number of males comprising the population of a given stanitsa. The stanitsa population was determined based on paragraph 18 of the "Regulations on the Demarcation of Lands of the Black Sea Cossack Host" at the time the survey commission began its work. The stanitsa population included officials, members of the clergy and church ministers, Cossacks, non-Russian population, and young children.

In 1847, after the completion of a topographic survey of the entire Black Sea region, a summary of the information obtained on the Black Sea Cossack Host's land holdings began, based on the "Regulations on the Demarcation of Lands of the Black Sea Cossack Host" approved on April 12, 1847. The host command prepared a general summary three times: in 1848, 1851, and 1853, ultimately producing a detailed inventory of the amount of land and other holdings.

As a result of land surveying of the Black Sea Cossack Host, the following parameters were revealed: the total land holdings amounted to 2,842,516 dessiatines 1,407 fathoms, of which suitable land amounted to 2,240,591 dessiatines 1,997 fathoms, and unsuitable land amounted to 601,924 dessiatines 1,810 fathoms [30, p. 1 rev]. Of the unsuitable lands, according to the Regulation and land surveying laws, 44,856 dessiatines 100 fathoms were subject to allotment, which, together with the suitable land, amounted to a total of 2,285,447 dessiatines 2,097 fathoms.

It should be emphasized that the division of the Cossack Host land into plots, in accordance with the "Regulations on the Black Sea Cossack Host" of July 1, 1842, led to numerous conflicts. Discord and mutual harassment between stanitsas and farmsteads arose due to land allowances and the fundamental uncertainty of stanitsa and private land use rights.

Rank-and-file Cossacks felt a shortage of land due to the arbitrary expansion of farmsteads and eagerly awaited proper demarcation. As is well known, during the settlement of the Black Sea region, private benefit was preferred over communal benefit. As a result, the best lands ended up in private hands, while the stanitsas were allocated plots that offered no particular amenities or advantages.

Numerous farmstead settlements surrounded the Kuban stanitsas, most of which had access to the field only in one direction, and "it was often necessary to carry a plow and scythe out to the field ten miles away" [31, p. 30-31]. A merging of steppe farmsteads with stanitsas was observed, but at the same time, handicraft and artisan production did not develop, which was the reason for the extreme decline of ordinary rural crafts in the stanitsas.

It was difficult to find a blacksmith or carpenter in the stanitsas. With steppe livestock farming, farmsteads inevitably developed as nomadic yurts, but their location was in the steppe far from the stanitsas. Only with the liberation of the stanitsas from the farmsteads and their provision with regular land allocations did the opportunity arise to establish three-field arable farming, establish forests, stanitsa horse herds, and so on [32 p. 31].

Of course, such royal favor freed the Black Sea Cossacks from the abuses of the onerous monopoly of fishing taxation and became a great help for the development of the economy and the improvement of domestic life, but, nevertheless, the overall distribution of their military personnel was not proportionate to the economic capabilities of the Black Sea Cossack army.

The Military Council believes that concerns about the current land shortage can be addressed, firstly, by abolishing the surveying of reserve land for stanitsas, as proposed by the Commander-in-Chief of the Caucasian Army. Secondly, the problem can be solved by allocating suitable and some unsuitable land to the Cossacks. There are up to 600,000 dessiatines of land in the Black Sea region, of which only 45,000 dessiatines are currently allocated.

Moreover, until an accurate assessment of the troops' land holdings was made, and during the general survey they used a rather arbitrary division of land plots into convenient and inconvenient ones. Therefore, many plots of land currently covered with reeds or marshy swamps could, with time and with some development, be cultivated and could bring profit to the Cossacks.

Thirdly, for some villages, especially coastal ones, where the Cossacks are primarily engaged in fishing rather than farming, the land allowance could be partially replaced by a commensurate right to water areas for fishing, if the Commander-in-Chief of the Caucasian Army deemed this a convenient option for the Cossacks [33, p. 22].

Thus, the process of land management in Kuban dragged on for almost eighty years, and the Cossacks stubbornly defended in public space their ancestral right to the lands of the free Black Sea region granted to them as "eternal possession," and after the formation of the Kuban Cossack Host, they sought to secure the historical continuity of land ownership in the Kuban region.

Conclusion

Our research led us to the following conclusions. The issue of establishing the administrative-territorial border of the Black Sea Cossack Host and delimiting its lands with neighboring Russian provinces was a long-standing debate. On the one hand, there was no pressing need to regulate the situation regarding the borders and boundaries of the lands being occupied by the Cossacks.

Undoubtedly, the "Rules for the Common Good" of 1794 became the first and most important legal act regulating Cossack land ownership and use within the Black Sea Cossack Host. For a long time, the military authorities failed to abolish the traditional (customary) Cossack right to borrow land (usually with the formation of a "khutor" farmstead) and completely eliminate the cultural, historical, and socioeconomic consequences of the ancient land seizures. Thus, during the historical period under review, we observe a virtually insoluble social contradiction within the Cossack community.

It was only 50 years after the Cossacks began actively migrating to Kuban that the question of detailed legal regulation of land relations in the Black Sea Cossack Host was raised. The fundamental, historically key document was the "Regulations on the Black Sea Cossack Host" approved on July 1, 1842 by Russian Emperor Nicholas I.

It took quite a long time to consolidate the concept of a "Cossack allotment-share" in the public consciousness and economic activity of the Black Sea Cossack Army, but the main discussions were conducted not so much about the subject area of the designated definition, but rather about the size of the Cossack's land allotment, and only secondarily did they judge the quality of the land received.

The "Regulations on the Demarcation of Lands of the Black Sea Cossack Host" of April 12, 1847, established the total area of the Cossack land allotment (a symbol of class-based Cossack privileges), the so-called 30-desyatina proportion. However, to distribute the land allowance, it was necessary to determine the total amount of land under the control of the Black Sea Cossack Host.

A significant factor in the development of land relations was the clarification of the qualitative parameters (cadastral valuation, taking into account the opinions of the local population) of land holdings and the distribution of land into specific categories. This factor was associated with attempts to reduce land allowances for Cossacks and to clarify the types and sizes of land plots for military purposes.

In this context, one should consider the historically long-running land disputes between stanitsas and farmsteads over the delimitation of common territorial boundaries and the delimitation of the stanitsa land yurts themselves, as well as the location and relationship of the stanitsa land yurts' plots to the farmstead allotments. Communal land interests were initially secondary to private

land interests, and the tenements with pastures historically triumphed over the stanitsa land wedge.

In general, the system of Cossack land management in the Kuban Cossack army took shape by the second half of the 19th century and became an important element of the Cossack way of life.

REFERENCES

1. Bentkovsky I.V. Materials for the History of the Colonization of the North Caucasus. The Settlement of Chernomoriya from 1792 to 1825 // Memorial Book of the Kuban Region. Published in 1881 / Compiled by E. D. Felitsyn, a full member of the Kuban Regional Statistical Committee. Ekaterinodar: Printing House of the Kuban Regional Government, 1881. Pp. 3–125. Pag.
2. The Statute on the Black Sea Cossack Army, approved by Emperor Nicholas I. July 1, 1842 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2nd. December 12, 1825 – February 28, 1881. Vol. XVII. Section 1. 1842. No. 15188–16047. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1843. Article 15809.
3. State Archives of the Krasnodar Territory (GAKT). F. R-13. Op. 1. D. 138.
4. GAKT. F. R-13. Op. 1. D. 138.
5. GAKT. F. R-13. Op. 1. D. 138.
6. GAKT. F. 249. Op. 1. D. 2830.
7. GAKT. F. 250. Op. 2. D. 70.
8. GAKT. F. 254. Op. 1. D. 1177.
9. GAKT. F. 249. Op. 1. D. 2259.
10. GAKT. F. 249. Op. 1. D. 1701.
11. GAKT. F. 249. Op. 1. D. 2112.
12. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F. 371. Op. 1. D. 11.
13. GASK. F. 371. Op. 1. D. 11.
14. Golobutsky V. A. Zaporozhian Cossacks. Kiev: Publishing House of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. 1956. 415 p.
15. Korolenko P.P. Chernomortsy. Saint Petersburg: Printing House of the Department of Estates, 1874. 288 p.
16. Matveyev O.V. The Historical Worldview of the Kuban Cossacks: Social Aspects of Military Mentality. In: Cossacks of Russia: Past and Present: Collection of Scientific Articles. Issue 1. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2006. Pp. 396–411.
17. Rescript Signed by Catherine II on January 14, 1788. In: Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 22. Saint Petersburg: [B.i.], 1880. P. 468.
18. Popko I.D. Chernomortsy Cossacks in Their Civil and Military Life. Essays on the Region, Society, Armed Forces, and Service. Saint Petersburg: Printing House of P. A. Kulish. 1858. 315 p.
19. Ratushnyak V.N. History of the Kuban Cossacks. Krasnodar: Tradition. 2013. 416 p.
20. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1268. Op. 10. D. 8. L. 22.
21. Stepanova L.G. Land Surveyors' Activities in the Land of the Chernomortsky Cossack Army in the Late 18th Century. In: Historical Journal: Scientific Research. 2019. No. 6. Pp. 77–87.

22. Fadeev A.V. Essays on the Economic Development of the Steppe Ciscaucasia in the Pre-Reform Period. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1957. 259 p.
23. Felitsyn E.D. Koshevye, Vojskovye, and Nakaznye Atamans of the Former Black Sea, Caucasian Line, and Now Kuban Cossack Armies. 1788–1888. Brief Biographical Information with Portraits of Atamans / Kuban Cossack Army. 1696–1888: Collection of Brief Information about the Army. Voronezh: V. I. Isaev Printing House, 1888. 440 p.
24. Frolov B.E. The First Villages and Kurin Settlements of the Black Sea Cossacks in the Kuban // Kuban Collection: Collection of Scientific Articles and Materials on the History of the Region. Krasnodar: Kniga, 2015. Vol. VI (27). Pp. 114–128.
25. Chekmenyov S.A. Socio-Economic Development of the Stavropol Territory and the Kuban in the Late 18th and First Half of the 19th Centuries. Pyatigorsk: PGPIYA, 1967. 351 p.
26. Shapovalov S.N. Development of the Southern Outskirts of the Russian Empire in the Late 18th and Early 19th Centuries (Based on the Materials of the Yeysk District) // Bulletin of the Kuban State University. Historical Sciences. 2026. No. 1. Pp. 11–26.
27. Shcherbina F.A. History of the Kuban Cossack Army. In 2 volumes. Ekaterinodar: Pechatnik, 1913. Vol. 1. 736 p.; Vol. 2. 880 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бентковский И. В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год // Памятная книжка Кубанской области. Издан. 1881 года / сост. действительный член Кубанского областного статистического комитета Е. Д. Фелицын. Екатеринодар: Типография Кубанского областного Правления, 1881. С. 3–125. Паг.
2. Высочайше утверждённое императором Николаем I Положение о Черноморском казачьем войске. 1 июля 1842 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. Т. XVII. Отделение первое 1842 г. № 15188–16047. СПб.: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1843. Ст. 15809.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 138.
4. ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 138.
5. ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 138.
6. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2830.
7. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 70.
8. ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1177.
9. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2259.
10. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1701.
11. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2112.
12. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 371. Оп. 1. Д. 11.
13. ГАСК. Ф. 371. Оп. 1. Д. 11.
14. Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. Киев: Изд-во Академии наук УССР. 1956. 415 с.
15. Короленко П.П. Черноморцы. СПб.: Типография Департамента Уделов, 1874. 288 с.
16. Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества: социальные аспекты воинской ментальности // Казачество России: прошлое и настоящее: сборник научных статей. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. 2006. Вып. 1. С. 396–411.
17. Подписанный Екатериной II Рескрипт 14 января 1788 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: [Б.и.], 1880. Т. 22. С. 468.

18. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооружённой силы и службы. СПб.: Типография П. А. Кулиша. 1858. 315 с.
19. Ратушняк В.Н. История кубанского казачества. Краснодар: Традиция. 2013. 416 с.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА): Ф. 1268. Оп. 10. Д. 8. Л. 22.
21. Степанова Л.Г. Деятельность землемеров на земле Черноморского казачьего войска в конце XVIII в. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 6. С. 77–87.
22. Фадеев А.В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1957. 259 с.
23. Фелицын Е.Д. Кошевые, войсковые и наказные атаманы бывших Черноморского, Кавказского линейного и ныне Кубанского казачьего войск. 1788–1888 гг. Краткие биографические сведения с портретами атаманов/ Кубанское казачье войско. 1696–1888 гг.: Сборник кратких сведений о войске. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1888. 440 с.
24. Фролов Б.Е. Первые слободы и куренные селения Черноморских казаков на Кубани // Кубанский сборник: сборник научных статей и материалов по истории края. Краснодар: Книга, 2015. Т. VI (27). С. 114–128.
25. Чекменёв С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX в. Пятигорск: ПГПИИЯ, 1967. 351 с.
26. Шаповалов С.Н. Освоение южных окраин Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. (на материалах Ейского округа) // Вестник кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. №1. С.11–26.
27. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: в 2 т. Екатеринодар: Печатник, 1913. Т. 1. 736 с. Т. 2. 880 с.

Сведения об авторе

Федина Ирина Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация, ir_Lap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3208-9631>

About the Author

Fedina Irina Mikhailovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Kuban State University, 149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation, ir_Lap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3208-9631>

К ВОПРОСУ О ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИИ ПЕРВОГО И ВТОРОГО СОЗЫВОВ НАЧАЛА XX В. В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ КАВКАЗА)

Карапетян Лева Александрович

Краснодарский государственный институт культуры, Краснодар, Россия.

leva.karapetyan.53@mail.ru

Аннотация. Из системы вопросов, связанных с институтом народного представительства, внимание акцентируется на выборном законодательстве и месте Думы в программных документах политических партий различной направленности. Многопартийность на Кавказе имела свою особенность, связанную со сложными социально-политическими, национальными и конфессиональными условиями. В регионе наряду со структурами общероссийских партий функционировали национальные и религиозные организации, что влияло на отношение партий к Думе и избирательным кампаниям. Для социалистических партий, преследующих цель уничтожения капиталистических общественных отношений, Дума воспринималась в первую очередь в контексте тактических задач. Либеральные партии, особенно кадеты как партия парламентского типа, воспринимали ее как важнейший политический институт. В свою очередь консервативные правомонархические организации, которые в отличие от социалистических и либеральных не ставили цель прихода к власти, видели в Думе лишь совещательное учреждение в помощь монарху. В избирательных кампаниях и итогах выборов имела специфика на Северном и Южном Кавказе. Среди войскового сословия в целом успехом пользовались кадеты, а среди иногородних – социалисты. В западной части Закавказья влиятельной являлась РСДРП (м). В восточной ее части, в Бакинской губернии успех имели кадеты и примыкавшие к ним; в Эриванской губернии с кадетами конкурировала партия «Дашнакцутюн»; в Елисаветпольской губернии из-за национального конфликта депутаты Думы избирались отдельно азербайджанским и армянским населением. В I и II Думу регион избрал соответственно 27 и 29 депутатов.

Ключевые слова: Государственная Дума, политические партии, избирательный закон, выборы.

Для цитирования: Карапетян Л.А. К вопросу о выборах в Государственную Думу России первого и второго созывов начала XX в. в контексте ее значения для политических партий (на материалах Кавказа) // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 2. С. 57–73.

ON THE ELECTIONS TO THE FIRST AND SECOND CONVOCATIONS OF THE STATE DUMA OF RUSSIA IN THE EARLY 20TH CENTURY IN THE CONTEXT OF THEIR SIGNIFICANCE FOR POLITICAL PARTIES (BASED ON THE MATERIALS FROM THE CAUCASUS)

Karapetyan Leva Aleksandrovich

Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russia

leva.karapetyan.53@mail.ru

Abstract. Among the issues related to the institution of popular representation, attention is focused on electoral legislation and the place of the Duma in the programmatic documents of political parties of various persuasions. Multiparty systems in the Caucasus had their own peculiarities, owing to complex socio-political, national, and religious conditions. Alongside the structures of all-Russian parties, national and religious organizations operated in the region, influencing the parties' attitudes toward the Duma and election campaigns. For socialist parties, pursuing the goal of abolishing capitalist social relations, the Duma was perceived primarily in the context of tactical objectives. Liberal parties, especially the Cadets, as a parliamentary party, perceived it as a crucial political institution. Conservative right-monarchist organizations, in turn, which, unlike socialist and liberal organizations, did not aim to come to power, viewed the Duma merely as an advisory body to assist the monarch. Election campaigns and election results had specific characteristics in the North and South Caucasus. Among the military class, the Cadets were generally successful, while among non-residents, the Socialists were. In the western part of Transcaucasia, the RSDLP (M) was influential. In the eastern part, in Baku Province, the Cadets and their allies were successful; in Yerevan Province, the Dashnaktsutyun Party competed with the Cadets; in Elisavtopol Province, due to the national conflict, Duma deputies were elected separately by the Azerbaijani and Armenian populations. The region elected 27 and 29 deputies to the First and Second Dumas, respectively.

Key words: State Duma, political parties, electoral law, elections.

For citation: Karapetyan L.A. On the Elections to the First and Second State Dumas of Russia in the Early 20th Century in the Context of Their Significance for Political Parties (Based on the Caucasus). Journal of the Kuban State University Historical Sciences, 2026, no. 2, p. 57–73.

Введение

В государственно организованном обществе проблема народного представительства является перманентно актуальной. Дело в том, что от механизма его формирования и прав зависит во многом сущность государства. Поэтому исследуемая проблема имеет не только академическое, но и прикладное политическое значение. Цель статьи – изучение вопроса в таком сложном в социально-политическом, национальном и конфессиональном отношениях регионе. Внимание сосредоточено на отношении к Думе, избирательном законодательстве, итогах избирательных кампаний.

Российская империя начала XX в. представляла собой абсолютную монархию по форме правления, унитарное государство в территориальном

устройстве и авторитарный режим с преобладанием административных методов и способов управления. Изменения в социально-экономической, судебной и культурной сферах, являющихся результатом пореформенного развития практически не коснулись политического строя и авторитарного режима. Бюрократия оставалась всемогущим управленческим слоем. Это сказывалось на общественном развитии, практически лишенном возможности легального проявления инициативы, что вызывало социальное недовольство в разных сферах социума, породивших протестное движение. По размаху наиболее сильным было недовольство крестьян и рабочих, средних городских слоев, а также в земском и городском самоуправлении. Государственная власть не могла не реагировать. 18 февраля 1903 г. Николай II издал Рескрипт, который привлекал лучших представителей общества к участию в разработке вопросов по улучшению положения в стране. Начавшаяся 9 января 1905 г. революция заставила власти активизировать свои действия. 6 августа 1905 г. провозглашался созыв законосовещательной Государственной думы. Однако это не успокоило общественность. Итогом всероссийской октябрьской политической стачки 1905 г. было издание Манифеста 17 октября. Он существенно реформировал политическую систему, вводя в государственный механизм парламент и предоставляя подданным ряд прав и свобод, включая и создание политических партий. Начали функционировать общероссийские и региональные партии различной идеологической и тактической направленности: социалистические, либеральные, консервативные.

Изменения нашли отражение в новой редакции Основных государственных законов России от 23 апреля 1906 г., являющейся первой конституцией.

27 апреля 1906 г. начала работу I Государственная дума, т.е. в 2026 г. отмечается ее 120-летие.

В историографии имеется солидная научная литература, в которой освещается деятельность отдельных партий в контексте выборов и деятельности Думы. Однако по-прежнему недостаточным остается изучение проблемы через призму деятельности системы партий на Кавказе. Методологической основой статьи являются принципы объективности, системности, историзма, конкретности. Ведущим, прежде всего, является сравнительный метод, с помощью которого изучается отношение разных партий к Думе, избирательному законодательству, участие в избирательных кампаниях. Источниковую базу составляют партийные документы и материалы, избирательное законодательство, материалы предвыборных собраний, избирательных комиссий, стенографические отчеты Думы, периодическая печать.

Основная часть

1. Многопартийность. Первыми возникли социалистические партии. Они были образованы нелегально еще на рубеже XIX–XX вв. Самой крупной была Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), возникшая в 1898 г. Но программа и устав партии были приняты на II съезде в 1903 г., когда произошло и разделение на течения большевизма и меньшевизма, возглавляемые соответственно В.И. Лениным и Ю.О. Мартовым. Накануне революции на Южном Кавказе действовали ее региональные структуры: Бакинский, Батумский, Имеретинско-Мингрельский (Кутаис), Тифлисский комитеты, Кавказский союз РСДРП (1903 г.), а в Северо-Кавказском регионе – Кубанский, Ставропольский, Черноморский, Терско-Дагестанский комитеты, Северо-Кавказский союз РСДРП (1905 г.). Особенность региона в том, что при наличии идейных расхождений между указанными фракциями сохранялись единые организации. Численно – преобладали меньшевики. Были созданы национальные и религиозные социал-демократические организации: в Баку «Гуммет» (1904 г., с 1905 г. как отдел Бакинского комитета РСДРП) партия азербайджанских трудящихся, ее отделения имелись в 8 городах, в том числе в Тифлисе и «Фарук» («Поборник справедливости»); Украинская социал-демократическая рабочая партия (УСДРП) в Екатеринодаре и Новороссийске; «Гнчак» («Колокол») в Дербенте, Кизляре, Темир-Хан-Шуре, Екатеринодаре, Армавире, Владикавказе, Моздоке, Ставрополе, Новороссийске, Сочи [1, с. 600–603; 2, с. 33, 41; 3, с. 423–424, 461; 4, с. 12–23, 52–56, 60–64].

Другая партия, пользующаяся серьезным влиянием, в первую очередь среди крестьянства, была Партия социалистов-революционеров (ПСР), отдельные группы которой возникли на грани XIX–XX вв. Первый съезд партии состоялся в конце декабря 1905 г. – начале января 1906 г. В Северо-Кавказском регионе функционировала 21 городская организация (в том числе 4 губернских и 6 городских комитетов) и 109 сельских групп (75 в Ставропольской губернии). В Закавказье действовало 4 комитета (Бакинский, Батумский, Кутаисский, Тифлисский) и 11 групп [5, с. 408, 416, 426, 448–449, 455]. Функционировали и национальные партии эсеровского толка. Самая влиятельная – «Дашнакцутюн» («Армянский революционный союз», 1890 г. Тифлис, т.е. возник раньше общероссийских партий). В Закавказье ее комитеты работали в Тифлисе, Баку, Елисаветполе, Ереване, Александрополе. На Северном Кавказе действовало 5 комитетов партии. В с. Христиановском (современное с. Дигори) Терской области работала осетинская группа «Фадисоната». В Тифлисской и Кутаисской губерниях влияние имела Партия грузинских социалистов-федералистов (1904 г.) [6, с. 89, 364–365; 4, с. 171–177].

Октябрьский манифест 1905 г. стимулировал возникновение либеральных и консервативных монархических политических партий [7]. Из

первых наиболее крупной была Конституционно-демократическая партия. Она имела свои отделы по всей стране. На Кавказе крупными по численности и по влиянию были организации, прежде всего в казачьих областях – Кубанской и Терской, а также в восточной части Закавказья. Нераздельные губернские и городские, а также отдельные городские комитеты работали на Северном Кавказе в Екатеринодаре, Владикавказе, Грозном, Пятигорске, Новороссийске, Ставрополе; в Закавказье – в Баку, Тифлисе, Кутаиси, Ереване, Александрополе. Их подавляющее большинство возникло в ноябре – декабре 1905 г. [8, с. 298, 302, 306–307, 309; 6, с. 366].

Из консервативных правомонархических партий, которых было более двадцати [9, с. 5], наиболее крупной и радикальной являлся Союз русского народа (СРН), образованный в ноябре 1905 г. В частности, его отделы действовали в Тифлисе [10. 23.01], Елисаветполе [11. 27.04]. Из организаций Северного Кавказа следует выделить единые областные и городские отделы в Екатеринодаре, Владикавказе, Пятигорске, Ставрополе, Новороссийске, Сочи; городские организации в Майкопе, Минводах, Грозном; 30 сельских групп и 2 группы на железнодорожных станциях [6, с. 369–370]. Относительно понятия правомонархические партии следует пояснить, что в научной литературе используется данная категория. Однако следует заметить, что, несмотря на наличие программных документов и уставов, к ним трудно применить известные критерии (классовые, организационные, целевые) классификации партий. В социальном отношении они представляли все социальные слои общества; в организационном плане у них преобладала децентрализованная система небольших групп и кружков, а главной их целью был не приход к власти. Так, в контексте исследуемой темы основная задача их участия в избирательных кампаниях в Думу заключалась не в законодательной работе, а в преобразовании ее в законосовещательное учреждение или упразднение. Кроме того, правомонархические организации в рассматриваемое время не считали себя партией. Сошлемся, например, на воззрение самой влиятельной – Союза русского народа. Он не признавал законным существование политических партий в среде верноподданных русских граждан, каковыми должны быть все подданные русского царя. Наоборот, СРН главной целью ставил уничтожение всякой политической партийности как основу взаимной вражды и ненависти. Его лидеры неоднократно заявляли, что СРН не партия. В противоположность всем существующим политическим партиям СРН не стремится искусственно изменить исторически сложившийся на Руси государственный строй. Напротив, он желал вернуть государственное устройство России в историческое, самобытное русло, из которого она искусственно выведена Петром Великим. Именно во имя этих начал все честные русские люди, верные долгу и присяге, должны, даже помимо Союза, объединиться [13, с. 282–283; с. 441–442]. Уже после революции 1905–1907 гг., на рубеже

первого и второго десятилетий XX в., в среде правых монархистов были образованы организации в результате раскола СРН (Русский народный союз им. Михаила Архангела во главе с В.М. Пуришкевичем и часть членов Союза, поддержавших Н. Е. Маркова), а также Всероссийский национальный союз во главе с П.Н. Балашовым, признавшие законодательный характер Государственной думы. Однако это остается за хронологическими рамками исследования.

Главная цель политической партии – приход к власти, а также ее удержание. Для этого используются различные средства, включая парламентские, в зависимости от программных установок. Институт народного представительства в принципе ни одной партией не игнорировался, но его сущность понималась и оценивалась по-разному [7].

Включение в государственный механизм парламента оценивалось политическими партиями неоднозначно, что проявилось и в ходе избирательных кампаний в его нижнюю палату – Государственную думу. Для социалистических партий, которые ставили цель свержение монархии и капиталистических общественных отношений путем социальной революции, отношение к нему имело тактическое, а не принципиальное значение. Консервативные организации правомонархического направления не считали себя политическими партиями, поскольку они не стремились к власти, а их задачей являлась борьба с бюрократией и сохранение реформированной православной монархии, а поэтому все представительные учреждения рассматривались лишь в качестве помощников монарху. Только либеральные партии, в первую очередь кадеты, стремились к комплексным преобразованиям на парламентско-конституционной основе. Партией и ее идеологами была разработана парламентская теория. В зависимости от способа получения конституции они отмечали, что в случаях, когда она являлась результатом революции, это было серьезным шагом к парламентаризму. А при предоставлении конституции правящей династией сохранялись большие полномочия монарха. Кроме того отмечалось, что на пути движения к парламентаризму многое зависело и от зрелости партий, их политической культуры в целом [12, с. 434–435]. Систематическое противоборство их друг с другом в парламенте позволяет внепарламентскому министерству воспользоваться этим и создать из противостоящих партий опору в собственных целях. Например, П.А. Столыпин предпринял такую попытку в 1908 г., создав Всероссийский национальный союз во главе С.В. Рухловым, и одновременно правительство делало все возможное по ослаблению популярной правомонархической организации в лице СРН [13, с. 9–10]. Кадеты различали парламентаризм как политическое явление и как правовой институт. По времени первым является политический институт, когда назначение парламентского министерства связано с политической целесообразностью. Партия считала, что современный парламентаризм находится еще в процессе перехода от этой стадии к правовому институту

[12, с. 436–437], тем более в России. Сущность двухпалатного парламента идеологи партии определяли через характер избирательного права. Исторически первым этапом являлось представительство отдельных социальных групп (сословных, территориальных, классовых и др.). В начале XX в. в целом преобладали индивидуальные выборы по избирательным округам. При этом отмечалось, что дискуссии продолжались и что сторонников и тех и других достаточно. Но система представительства интересов позволяет депутату быть выразителем идей лишь своего слоя, а не общих интересов. И в таком случае парламент превращается в арену борьбы, которая завершится коалицией наиболее влиятельных интересов, в ущерб другим. Отмечалась, что избирательное законодательство России 1905 г. близко к австрийской избирательной системе. Однако отличие в том, что в Австрии курии избирали депутатов, а в России – выборщиков губернского избирательного собрания. Представительство по российскому закону названо искусственной конструкцией по сравнению с сословным представительством в прошлом, когда сословия были естественным социальным явлением. Размер представительства интересов является произвольным, ибо нет объективных критериев, кроме количественного, при определении размеров от тех или иных избирательных курий [12, с. 189, 193–194].

2. Избирательное законодательство в контексте идеалов политических партий. Российская конституция была октроированной. Избирательным законодательством в Государственную думу были недовольны все указанные партии. Социалисты и кадеты высказывались за всеобщие, равные, прямые выборы при тайном голосовании. Большинство кадетов были сторонниками пропорционального избирательного права. Об этом свидетельствуют и законопроекты партийной фракции, внесенные в I–II Думу [14, с. 113]. Консервативные партии настаивали на системе сословно-бытового и национального представительства [13, с. 242]. Согласно избирательному закону от 11 декабря 1905 г. в России, как и в других странах, не было всеобщих, равных и прямых выборов. Система базировалась на разделении населения, имеющих избирательные права, по четырем группам избирателей (куриям), созданным на основе социальной принадлежности и имущественного ценза. Депутаты избирались выборщиками указанных курий, процентное соотношение которых от общего числа было следующим: «землевладельцев (34%), городских избирателей (22%), крестьян и казачества (42%), рабочих (ок. 3%). Для избирателей двух первых курий выборы были двухстепенными. В третьей, крестьянской курии выборы проходили в четыре этапа. Для рабочей курии выборы являлись трехступенчатыми. В курии землевладельцев 1 выборщик приходился на 1 тыс. избирателей, в городской – на 4 тыс., крестьянской – 50 тыс., рабочей – 90 тыс.» [15, с. 9,15; 16, с. 27].

Представительство выборщиков основывалось на имущественном цензе. «Для землевладельцев они сводился к тому, что не менее года они

владели в уезде землей, обложенной сбором на земские повинности или иным недвижимым имуществом, "не составляющим торгово-промышленного заведения", стоимостью не менее 15 тыс. руб. Городским избирателям следовало соответствовать требованиям ценза "квартирной самостоятельности", т.е. в течение года нанимать квартиру или платить квартирный налог. Избрание членов Думы производилось на губернских и городских избирательных собраниях выборщиков по большинству голосов. Помимо квартиронанимателей, в городах избирательные права имели собственники недвижимого имущества, обложенного налогом или земским сбором, владельцы торгово-промышленных предприятий, лица, получающие жалование или пенсию от государства, органов местного управления, железных дорог» [15, с. 9,15]. Правительством была определена общая численность членов Государственной думы – 524 чел. и конкретное «расписание» их распределения по 135 округам, в том числе 33 территориально-сословным, конфессиональным и этническим (избирали 40 депутатов), 26 городским округам (34 депутата) [15, с. 9]. Избирательными округами были губернии и области, а также крупные города с населением более 100 тыс. чел. Городов с самостоятельным представительством было 26. Избиралось депутатов от: Европейской России – 79%, Польши – 7%, Кавказа – 6%, Сибири и Дальнего Востока – 4%, Средней Азии и Казахстана – 4% [16, с. 13].

Для Кавказа на основе общего положения были разработаны особые правила, учитывающие его специфику. В административном отношении регион делился на Северный (Предкавказье) и Южный (Закавказье) Кавказ. «Северный Кавказ, кроме Ставропольской губернии, входивший в состав Кавказского наместничества, был разделен на три избирательных округа: Кубанская область и Черноморская губерния, Терская область, Дагестанская область и Закатальский округ. В регионе в отдельную курию выделялось казачество, а рабочая курия предусматривалась лишь для Кубанской области и Черноморской губернии. Неказачье население выбирало 122 выборщика, из которых Кубанская область – 43, Черноморская губерния – 12, Терская область – 34, Дагестанская область и Закатальский округ – 33, а казачество Кубанской и Терской областей соответственно 45 и 15. Составители правил преследовали определенные цели. Во-первых, предпочтение отдавалось казачеству. Это особенно было заметно в Терской области, где 200 тыс. казаков имели больше выборщиков, чем почти 600 – тысячное туземное население, выбиравшее 12 выборщиков. Во-вторых, не было равенства и среди горских народностей, которые выдвигали следующее число выборщиков: 120 тыс. осетин – 1; 90 тыс. кабардинцев – 3; 50 тыс. ингушей – 2; 250 тыс. чеченцев – 6. Здесь рассчитывали на то, что кабардинцы, ингуши, чеченцы не выставят достаточных сил для конкуренции с другими выборщиками. На это обратили внимание, как терские кадеты, так и кадетская «Речь». В Первой и во Второй Думах регион был представлен 13 депутатами. Из них 6 от Кубанской области и

Черноморской губернии (по 3 от казачества и невойскового населения), 3 – от Терской области (по 1 от 200 тыс. казаков, 570 тыс. горцев, 270 тыс. остального нетуземного населения), 1 – от Дагестанской области. 3 депутатов выбирали 47 выборщиков Ставропольской губернии» [6, с. 313]. В состав Закавказья входили избирательные округа: Тифлисская губерния с г. Тифлисом, Бакинская губерния с г. Баку, Елисаветпольская губерния, Эриванская губерния, Кутаисская губерния, Батумская область и Сухумский округ, Карская область. На Кавказе в выборах в I и II Думы участвовало более половины избирателей. То есть Дума в общественном сознании занимала существенное место.

3. Выборы в Думу. Избирательная кампания в Государственную думу первого созыва на Кавказе, кроме Ставропольской губернии, прошла позднее и завершилась в мае, в ходе начавшей 27 апреля работу Думы. Известно, что социалистические партии бойкотировали выборы. Но в регионе в связи со спадом революции к проекту меньшевистской резолюции об отношении к Государственной думе на IV (объединительном) съезде РСДРП (апрель 1906 г.), которая была названа «поддельным конституционализмом», кавказские делегаты (представлены меньшевиками) внесли дополнение. В нем указывалось, что «самоустранение социал-демократов от выборов усилило позиции кадетов... РСДРП в местах, где еще предстояли выборы, должна стремиться провести своих кандидатов в Думу, не вступая в блок с другими партиями» [17, с. 180–181]. Это предложение вошло в окончательный вариант резолюции, отмечавшей важность собственной фракции в Думе, которая должна сыграть революционную роль [17, с. 181]. В сущности, также оценивал Думу и большевистский проект резолюции, назвав ее «грубой подделкой народного представительства», ссылаясь на избирательный закон и объем ее прав. Но в отличие от меньшевиков большевики настаивали на бойкоте Думы и созыве всенародного учредительного собрания [18, с.160–161]. Аналогичные решения принимали партийные организации региона. Были изданы соответствующие листовки Черноморским комитетом РСДРП, Армавирской группой Кубанского комитета РСДРП, Бакинским комитетом, которые распространялись также в Терской и Дагестанской областях [19, с.71–84; 20, с. 90].

При многоступенчатых выборах борьба особенно обострялась на стадии избрания выборщиков и депутатов. Поэтому здесь партийные комитеты придавали большое значение кандидатам и предвыборным соглашениям. Кандидатские списки имеют большое значение, поскольку благодаря своей упорядоченности они проливают свет на внутрипартийную неформальную иерархию, служат источником для определения партийного рейтинга. «На Ставрополье, в губернском центре борьба развернулась между кадетами и октябристами, так как социалисты бойкотировали выборы. Однако в итоге в Ставрополе выборщиками стали представители октябристов, за которых проголосовали 48 %, а за кадетов – 26%. Однако

либеральные партии не пользовались значительной поддержкой в сельской местности. 25 марта 1906 г. состоялось собрание 47 губернских выборщиков. Благодаря позиции 33 демократически настроенных крестьян в Думу были избраны Я. Борисов (за 39, против 7), З. Мишин (за 35, против 11), Ф. Оникко (за 26, против 6). В Думе они вошли в состав Трудовой группы.

От Кубанской области и Черноморской губернии на собраниях выборщиков 26–27 мая 1906 г. от казачьего населения избрали депутатами кадетов К.Л. Бардижа (атаман ст-цы Брюховецкой, окончил юнкерское училище), Н.Г. Кочевского (выборщик от Кавказского отдела, окончил учительскую семинарию, член екатеринодарской горуправы), П.А. Грищай (атаман ст-цы Зеленчукской, домашнее образование). 27–28 мая прошли выборы депутатов от невойскового населения. Кандидатами были выдвинуты К.И. Морев, В.И. Лунин, Л. Мельников, В.К. Константинов, К.Д. Безходарный, П.С. Ширский. В голосовании приняло участие 48–49 выборщиков. Были избраны К. Морев (за 38, против 10, агроном, выборщик от Ейска, трудовик), В.И. Лунин (за 26, против 22, трудовик), В.К. Константинов (за 30, против 19, результаты второго тура). В Думе В. Лунин примкнул к трудовикам, а К. Морев к кадетам» [6, с.320]. В Терской области влиянием, особенно во Владикавказе, пользовались кадеты, где на стадии выбора выборщиков за партийных кандидатов голосовало 62 %. От неказачьего населения 16 мая во Владикавказе депутатами были избраны кадеты А.П. Маслов и Т.Э. Эльдарханов. Войсковое сословие представлял П.П. Демиров [21, 31]. Не состоялись выборы в Думу в Дагестанской области. В Кубанской и Терской областях имели место предвыборные блоки социал-демократов, дашнаков и кадетов.

В западной части Закавказья избиратели в целом отдавали приоритет социал-демократам. В частности, в аграрной Кутаисской губернии партийная принадлежность 46 выборщиков была следующей: 17 социал-демократов, 4 кадет, 3 федералист, 2 автономиста, 2 консерватора, остальные именовали себя беспартийными [11, 05.05]. Газета Кавказ отмечала, что в Тифлисе и Кутаиси РСДРП была самой организованной партией. Этому способствовало и то, что их поддержала на выборах значительная часть армянского и русского населения, поскольку их тревожили программные требования грузинских национальных партий об автономии [11, 18.05]. В г. Тифлисе избран меньшевик Н.Н. Жордания. Из 81 выборщика за него голосовало 75 (сам не голосовал). От Тифлисской губернии избраны социалист-федералист И.А. Баратов (присяжный поверенный), кадет А.Г. Айвазов и меньшевик С.Н. Церетели (на дополнительных выборах за 25 против 23 выборщика). В Кутаисской губернии избраны меньшевики: И.Г. Гомартели, С.Д. Джапаридзе, И.И. Рамишвили [11, 27.05; 28.05]. То есть рабочая партия одержала победу в крестьянской губернии. В этом особенность национального района. От Батумской области и Сухумского округа в Думу избран крупный

землевладелец П.Л. Шервашидзе [22, с. 452]. В восточном Закавказье, наоборот, РСДРП в общем уступала кадетам и близким к ним по политическому сознанию группам. В г. Баку по городской избирательной курии подавляющим большинством выборщиков (74) депутатом избран либерал А. Топчибашев (редактор газет «Каспий» и «Гэят»). В Бакинской губ. в губернском избирательном собрании 38 выборщиков депутатами были избраны агроном М. Алиев (за 30 голосов из 38) и А. Мурадханов (за 24 голосов из 38) [11, 31.05], партийность которых неизвестна. В Эриванской губернии в губернском избирательном собрании членами Думы были избраны: А. Эриванский (чиновник особых поручений при губернаторе) и кадеты Г.М. Тер-Петросян (Александропольский городской голова), Л.Ф. Туманянц (частный присяжный поверенный). В Елисаветопольской губернии азербайджанское и армянское население избирали депутатов отдельно. От первых были избраны дворяне Заидханов Исмаил-хан и Г. Акбердиев [22, с. 453], а от вторых – кадет Х. Багатуров (врач) [11, 18.05]. В Карской области 17 мая 1906 г. депутатом избран помещик З. Аджарский [22, с. 453; 11, 20.05]. В итоге в Государственную думу первого созыва от Кавказа были избраны 27 депутатов. Партийная принадлежность, по нашим подсчетам, была следующей: 8 кадетов, 6 социал-демократов, 2 трудовика, Партийная принадлежность 13 депутатов точно неизвестна. По данным С.В. Дарчиевой, кадеты и примыкавшие к ним преобладали (12), по 5 депутатов имели социал-демократы и трудовики, 3 депутата относились к правым партиям и 2 являлись беспартийными. В социальном отношении преобладали интеллигенция – 12, 6 крупных помещиков, 4 – крупных буржуа, 3 служащих, 2 казака [21, с. 31].

В Первой Думе преобладали кадеты, имевшие треть (179) мест. Второй по численности была фракция трудовиков (97). Правые либеральные партии получили 51 мандат. Было также 103 беспартийных, 70 автономистов и 17 социал-демократов. Каждая фракция выступила с собственной декларацией, обозначив свое отношение к избирательному закону и полномочиям Думы. Кадеты, в лице председателя Думы С.А. Муромцева, сразу во вступительной его речи отметили, что полномочия Думы основаны не на пожалованной конституции, а на естественном праве, из которого вытекала необходимость сосредоточения власти в руках большинства нижней палаты. Это означало пересмотр основных государственных законов, и переход к парламентскому строю, чего, естественно, не хотело и не могло допустить правительство. Максимум, на что оно могло пойти – обсуждение вопроса о коалиционном правительстве с включением туда и представителей кадетской фракции, но здесь отказались кадеты. От имени социал-демократической фракции С.Д. Джапаридзе заявил, что будут отстаивать все требования партийной программы и думают о превращении Думы в центр общенародного движения против самодержавия как этапа борьбы за Учредительное собрание и за переход власти в руки народа [17, с. 198–202]. Наряду с ним

активно проявили себя в Думе и два других представителя фракции. И.Г. Гомартели в одном из выступлений (15.06. 1906 г.) анализировал значение крестьянских организаций в Гурии в освободительном движении, совместной работе с эсерами [17, с. 194–197]. И.И. Рамишвили 12.06. 1906 г. в своей речи внимание акцентировал на межнациональных отношениях на Кавказе и заметил, что Кавказ не требует отделения от России. «...Россия – вот наше спасение, спасение угнетенных классов, спасение всех инородцев, спасение отдельных наций» [17, с. 193]. Известна позиция кубанских эсеров. В частности, она представлена в воззрениях одного из видных членов Кубанского комитета П.С. Ширского. Исходя из избирательного закона и прав Думы, указывалось, что «Обновление страны возможно лишь вне Думы... В конце марта – начале апреля 1906 г. в условиях определившегося доверия населения к Думе и итогов выборов, в отличие от ЦК партии, признал провал тактики бойкота, и призвал к сплочению оппозиционных сил с целью поддержки Думы через близкую к эсерам фракцию Трудовой группы, как руководителя революционной массы. Отмечалась невозможность органической работы в Думе, Конфликт Думы с правительством не разрешим в рамках парламента и настаивал на созыве Учредительного собрания» [23, л. 2, 3; 24, 07.04]. То есть необходимость новой тактики объяснялась оппозиционным составом Думы, где были представлены пролетариат и трудовое крестьянство, и их борьбой с правительством.

Другим вопросом, где правительство также решило не уступать, – был аграрный. В условиях сложившейся конфликтной ситуации правительство видело, что Дума превращалась в центр распространения революционных настроений, поэтому и решило ее распустить 9 июля 1906 г. В манифесте о роспуске говорилось, что «Основные законы», думский устав, избирательный закон не меняются, назывался срок созыва новой Думы. Выборгское воззвание, инициированное господствовавшей в Думе кадетской партией, свидетельствовало о том, что имел место конфликт между Госдумой и не только правительством, но и верховной властью монарха. Последняя конфликт разрешила роспуском Думы. Ее роспуск осудили и социалистические партии, которые призывали к борьбе за всенародное Учредительное собрание. Лишь правомонархические организации поддержали власть.

Выборы во Вторую Думу были единственными, где приняли участие и все революционные партии. Ими ставилась цель использовать Думу как трибуну в интересах революции. Соответствующие решения были приняты партийными комитетами. Принципиально не менялась позиция кадетов. Правомонархические организации, учитывая итоги выборов в Думу I созыва и ее деятельность, настойчиво ходатайствовали перед царем об изменении избирательного законодательства и полномочий Думы [13, с. 242]. Однако власть посчитала тогда это нецелесообразным. 18 января 1907 г. в ходе начавшейся избирательной кампании Наместник Кавказа получил указания

от председателя правительства П.А. Столыпина и министра внутренних дел о тактике местной администрации в избирательный период. Она должна была действовать в соответствии с требованиями программы правительства, утвержденной 24 августа 1906 г. Ее главные положения сводились к следующим принципам:

1. У правительства не было и нет цели вернуться к старым порядкам, осужденным царем.

2. Государственная дума призвана монархом для совместной творческой работы по преобразованию государства.

3. Не следовало вмешиваться в партийную борьбу и оказывать давление на выборы, а наоборот, – охранять свободу выборов, несмотря на то что пропаганда некоторых партий намерено искажает действия власти.

4. Следовало решительно пресекать использование предвыборных публичных собраний в революционных целях [10. 20.01].

Избирательная кампания в регионе началась 11 января и завершилась 28–29 января. Ее итогами было избрание всех 29 депутатов Государственной думы по Кавказу и 3 депутатов от Ставропольской губернии. Как и в период выборов в Первую Думу применительно к Закавказью сохранялось влияние отдельных партий. Социал-демократы (меньшевики) имели явный перевес в западной части Закавказья. В г. Тифлисе и в Тифлисской губернии, в Кутаисской губернии, в Батумской области и Сухумском округе в Думу прошли члены РСДРП. При этом отметим, что в Тифлисе серьезную оппозицию социал-демократам составляли, прежде всего, армянская партия «Дашнакцутюн» и патриотические силы, объединившиеся вокруг Союза русского народа [10, 19.01]. В восточной части Закавказья кадетская партия в целом превалировала в Бакинской и Елисаветпольской губерниях и Карской области, где они провели соответственно по 2 депутата и 1 депутату. Однако здесь серьезное противостояние им оказала партия «Дашнакцутюн», представленная в Думе 3 депутатами (соответственно 2 и 1 депутат от Эриванской и Елисаветпольской губерний). В итоге во Второй Государственной думе Кавказ был представлен 10 социал-демократами, 9 кадетами, 3 дашнаками, 2 эсерами, 2 народными социалистами. Депутат от Терской области М.А. Караулов именовал себя правым. А. Кардашев от Дагестанской области и Закатальского округа называл себя левым, а партийные взгляды депутата от указанного избирательного округа Б. Султанова неизвестны [25, с. 451–478]. Три депутата от Ставропольской губернии являлись трудовиками [25, с. 328–330].

Государственная дума II созыва оказалась еще левее, чем I: в ней было 65 социал-демократов (из 54 членов фракции с решающим голосом 36 были меньшевиками) [17, с. 254], 16 эсеров и народных социалистов, 104 трудовика. На долю левых депутатов приходилось 43%. Кадетов было 99 депутатов, а правых и октябристов – 54.

Правительство изложило свое видение совместной работы с Думой в программном заявлении П.А. Столыпина 6 марта 1907 г. В нем были обозначены наиболее острые проблемы и их законодательное решение, что, по мнению председателя, явилось бы серьезным шагом по пути строительства правового государства. Известна реакция партийных фракций Думы на декларацию правительства. От Кавказа выступил руководитель фракции РСДРП меньшевик И.Г. Церетели. Суть его речи можно свести к следующим положениям:

1. Распустив I Думу, правительство показало свое отношение к народному представительству, которое требовало решения наиболее острых экономических и политических проблем.

2. Законодательство междумского периода свидетельствует о том, что правительство защищает прежде всего интересы дворянства и буржуазии, особенно в аграрном вопросе.

3. Правительство по-прежнему не считается с политической волей народа, выраженной в ходе избирательной кампании, и поэтому в стране нет фактически Конституции, она призрачная.

4. Понимая значение кадетского требования «Исполнительная власть да подчинится власти законодательной», мы говорим: «...в единении с народом, связавшись с народом, законодательная власть да подчинит себе власть исполнительную, ... к этому приведет неустанная работа в Думе, опираясь на ее законные права ... фракция ничего позитивного не ждет от правительства самодержавной бюрократии» [26, стлб. 120–129].

Заключение

Итак, на Кавказе функционировали как организации всероссийских политических партий различной идеологической и тактической ориентации, так и региональные национальные и религиозные. При этом национальные партии социалистического толка были образованы раньше, чем общероссийские. Институт народного представительства не игнорировался никем из них, но имел различное значение. Отношение партий к Думе непосредственно связано от преследуемых целей и методов их достижения. Для социалистов, добывающихся уничтожения капиталистических экономических и политических порядков, Дума имела, прежде всего, значение средства для достижения стратегических задач. Другую крайность представляли консервативные правомонархические организации, видевшие в ней только совещательное учреждение при монархе. Лишь кадеты, как сторонники конституционно-парламентской модели переустройства страны, придавали большое значение Думе, выдвигали систему предложений по ее совершенствованию. Однако выборы в регионе показали, что в целом они уступали социалистам. Все политические партии критиковали избирательное законодательство. Социалистические партии, кадеты отстаивали всеобщие, равные, прямые выборы при тайной подаче голосов,

правомонархические организации настаивали на сословно-бытовом и национальном принципе выборов. Выборы в Государственную думу I созыва изначально бойкотировали социалистические партии. Но на Кавказе, в условиях спада революции весной 1906 г., хотя и с опозданием, было принято решение принять участие в избирательной кампании. Это сказалось на итогах выборов, где в целом преобладало влияние кадетов и разделявших их взгляды либералов. Это имело место в Кубанской и Терской областях, где заключались предвыборные соглашения между социалистами и кадетами. Лишь в Кутаисской губернии и в г. Тифлис депутатами думы были избраны социал-демократы. Результаты выборов в Государственную думу II созыва свидетельствовали о явном социалистическом предпочтении избирателей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи (Воспоминания современников. Материалы и документы) / авторы концепции проекта и сост.: И.Б. Борисов, Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев, В.И. Лысенко; под общ. науч. ред. А.В. Иванченко. М., 2008. 860 с.
2. Гессн В.М. Основы конституционного права. Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», типо-литография товарищества А.Ф. Маркс, 1918. 452 с.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р–411. Оп.2. Д. 352.
4. Государственная Дума. Созыв второй. Стенографические отчеты. СПб.: Государственная типография. 1907. Т.1. Стлб. 120–129.
5. Дарчиева С.В. Выборы депутатов от Кавказа в Первую Государственную думу // Вестник Владикавказского научного центра, 2005. Т.5. №3. С. 29–31.
6. Демин В.А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. М.: Росспэн, 1996. 216 с.
7. История КПСС: 6 т. М.: Изд-во политической литературы, 1965. Т.1. 634 с.
8. История народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1988. 660 с.
9. Кавказ. 1907 г.
10. Кавказ. 1906 г.
11. Карапетян Л.А. У истоков российской многопартийности: Северо-Кавказский регион (конец XIX в. – февраль 1917 г.). Краснодар: КГУКИ, 2001. 376 с.
12. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М.: Росспэн, 2001. 464 с.
13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференция и пленумов ЦК / под общ. ред. П.Н. Федосеева и К.У.Черненко. Т.1.: 1898–1917. М.: Изд-во политической литературы, 1970. 534 с.
14. Кубань и Черноморское побережье. 1907 г.
15. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М.: Росспэн, 1997. 512 с.
16. Листовки большевиков Кубани и Черноморья. 1903–1920. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1979. 159 с.
17. Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1976. 656 с.

18. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие. Правые партии. Документы и материалы. Т.1: 1905–1910 гг. М.: Росспэн, 1998. 720 с.
19. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т.1: 1905–1907 гг. М.: Росспэн, 1997. 744 с.
20. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие. Меншевики. Документы и материалы. 1903–1917 гг. М.: Росспэн, 1996. 408 с.
21. Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.): сб. док.: / сост. В.М. Фомин. М.:РАН, Ин-т научной информации по общественным наукам, 1996. Вып.1. 196 с.
22. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. М.: Росспэн, 1995. 464 с.
23. Революция 1905–1907 гг. на Тереке. Документы и материалы /сост. А.К. Джанаев, Х.Х. Бекузаров, Л.Д. Бирюкова. Орджоникидзе: Изд-во «ИР», 1980. Т.2. 328 с.
24. Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука, 1983. 328 с.
25. Члены Государственной Думы (портреты и биографии). 1906: Первый созыв 1906–1911 гг. (сессия продолжалась с 27 апреля по 9 июля 1906 г.) / сост. М.М. Боиович. М.: Изд-во Тов-во И.Д. Сытина, 1906. 525 с.
26. Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Второй созыв 1907–1912 г. (Сессия продолжалась с 20 февраля по 3 июня 1907 г) / сост. М.М. Боиович. М.: Изд-во Тов-во И.Д. Сытина, 1907. 520 с.

REFERENCES

1. Elections to the I–IV State Dumas of the Russian Empire (Memoirs of Contemporaries. Materials and Documents) / authors of the project concept and compilers: I.B. Borisov, Yu.A. Vedeneyev, I.V. Zaytsev, and V.I. Lysenko; under the general scientific editorship of A.V. Ivanchenko. Moscow, 2008. 860 p.
2. Hessn V.M. Fundamentals of Constitutional Law. Petrograd: Publishing House of the Legal Book Warehouse "Pravo", Printing House of the Partnership A.F. Marks, 1918. 452 p.
3. State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK). F. R–411. OP.2. D. 352.
4. State Duma. Second Convocation. Verbatim Reports. St. Petersburg: State Printing House. 1907. Vol. 1. Pp. 120–129.
5. Darchieva S.V. Elections of Deputies from the Caucasus to the First State Duma // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center, 2005. Vol. 5. No. 3. Pp. 29–31.
6. Demin V.A. The State Duma of Russia (1906–1917): mechanism of functioning. М.: Rosspen, 1996. 216 p.
7. History of the CPSU: 6 vols. М.: Publishing House of Political Literature, 1965. Vol. 1. 634 p.
8. History of the Peoples of the North Caucasus. М.: Nauka, 1988. 660 p.
9. The Caucasus. 1907.
10. The Caucasus. 1906.
11. Karapetyan L.A. At the origins of the Russian multiparty system: The North Caucasus region (late 19th century– February 1917). Krasnodar: KGUKI, 2001. 376 p.
12. Kiryanov Yu.I. Right-wing parties in Russia. 1911–1917. Moscow: Rosspen, 2001. 464 p.

13. The Communist Party of the Soviet Union in the Resolutions and Decisions of the Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee / edited by P.N. Fedoseyev and K.U. Chernenko. Vol. 1. 1898–1917. Moscow: Political Literature Publishing House, 1970. 534 p.
14. Kuban and the Black Sea Coast. 1907.
15. Leonov, M.I. The Socialist Revolutionary Party in 1905–1917. Moscow: Rosspen, 1997. 512 p.
16. Leaflets of the Bolsheviks of the Kuban and the Black Sea. 1903–1920. Krasnodar Book Publishing House, 1979. 159 p.
17. Essays on the History of the Krasnodar Organization of the Communist Party of the Soviet Union. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izd-vo, 1976. 656 p.
18. Political Parties of Russia. The End of the 19th Century – the First Third of the 20th Century. Documentary Heritage. Right-Wing Parties. Documents and Materials. Vol. 1: 1905–1910. Moscow: Rosspen, 1998. 720 p.
19. Political Parties of Russia. The End of the 19th Century – the First Third of the 20th Century. Documentary Heritage. Congresses and Conferences of the Constitutional Democratic Party. Vol. 1: 1905–1907. Moscow: Rosspen, 1997. 744 p.
20. Political Parties in Russia. The End of the 19th Century and the First Third of the 20th Century. Documentary Heritage. The Mensheviks. Documents and Materials. 1903–1917. Moscow: Rosspen, 1996. 408 p.
21. Program documents of national political parties and organizations in Russia (late 19th century – 1917): collection of documents. / compiled by V.M. Fomin. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Scientific Information in the Social Sciences, 1996. Vol. 1. 196 p.
22. Programs of political parties in Russia. Late 19th – early 20th century. Moscow: Rosspean, 1995. 464 p.
23. The Revolution of 1905–1907 on the Terek. Documents and Materials / Compiled by A.K. Dzhanayev, Kh.Kh. Bekuzarov, and L.D. Biryukova. Ordzhonikidze: IR Publishing House, 1980. Vol. 2. 328 p.
24. Shelokhaev V.V. The Cadets – the Main Party of the Liberal Bourgeoisie in the Struggle against the Revolution of 1905–1907. Moscow: Nauka, 1983. 328 p.
25. Members of the State Duma (Portraits and Biographies). 1906: The First Convocation of 1906–1911. (The session lasted from April 27 to July 9, 1906) / compiled by M.M. Boivovich. Moscow: I.D. Sytin Publishing House, 1906. 525 p.
26. Members of the State Duma (portraits and biographies). Second convocation, 1907–1912. (The session lasted from February 20 to June 3, 1907) / compiled by M.M. Boivovich. Moscow: I.D. Sytin Publishing House, 1907. 520 p.

Информация об авторе

Карапетян Лева Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения, Краснодарский государственный институт культуры, ул. 40-летия Победы, 33, 350072, г. Краснодар, Российская Федерация, leva.karapetyan.53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6141-4619>

Information About the Author

Karapetyan Leva Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History, Cultural Studies, and Museum Studies, Krasnodar State Institute of Culture, 33 40-Letiya Pobedy Street, 350072, Krasnodar, Russian Federation, leva.karapetyan.53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6141-4619>

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СТРАТЕГИИ ПРОПАГАНДЫ СССР И ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Малышева Елена Михайловна

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия
emalysheva@yandex.ru

Гаража Наталия Алексеевна

Новороссийский политехнический институт, Новороссийск, Россия
ngarazha@yandex.ru

Аннотация. В статье дается обзор информационного противостояния СССР и Третьего рейха в 1941–1945 гг. в борьбе за массовое сознание гражданского населения и комбатантов. Показана противоположность аксиологических приоритетов и форм пропаганды и контрпропаганды противоборствующих сторон. Особый интерес представляет анализ пропагандистской борьбы за общественное сознание с акцентом на советской национальной политике и оккупационной политике немцев на Кавказе. Подтверждается аргумент о том, что общественное сознание народов СССР зиждилось на убеждённости в справедливом характере Отечественной войны, а главными источниками Победы были патриотизм и межнациональное содружество защитников Отечества, ставшие основанием сопротивления и последующего поражения слаженно действующей пропагандистской программы нацистской Германии. Сегодня, когда приходится преодолевать историческую «амнезию» ревизионистов, воскрешая и реанимируя память о поворотных исторических событиях, добиваться их объективной оценки, проблематика целостности и исторической преемственности миропонимания народа и адекватная идеологическая позиция власти, в том числе в области информационной политики, особенно актуальны в исследовательской практике.

Ключевые слова: война, СССР, Германия, пропаганда, сознание, мировоззрение, аксиологические ценности, контрпропаганда, историческая память, ревизионизм.

Для цитирования: Малышева Е.М., Гаража Н.А. Идеологическое противостояние в годы Великой Отечественной войны: стратегии пропаганды СССР и Третьего рейха // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 2. С. 74–87.

IDEOLOGICAL CONFRONTATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: PROPAGANDA STRATEGIES OF THE USSR AND THE THIRD REICH

Malysheva Elena Mikhailovna
Adygea State University, Maikop, Russia
emalysheva@yandex.ru

Garazha Natalia Alekseevna
Novorossiysk Polytechnic Institute, Novorossiysk, Russia
ngarazha@yandex.ru

Abstract. The article gives an overview of information confrontation between the USSR and the Third Reich in 1941-1945 in the struggle for the mass consciousness of the civilian population and combatants, shows opposite axiological priorities and forms of propaganda and counter-propaganda of the opposing sides.

Of particular interest is the analysis of the struggle for social consciousness, with emphasis on Soviet nationalities policy and the ethnic component of the German occupation regime in the Caucasus. On the one hand, the study and implementation of the thesis about the intellectual, psychosocial and physiological superiority of one people over the other as a natural, more like moral norm was largely propaganda separation of people in order to facilitate the management and maximize the impact of the labor and other forms of cooperation. On the other hand, certain conflict zones, updated by the Nazis in the period between the nations, proved to be viable due to the historical, religious or socio-cultural tension.

Nevertheless, it supported the idea that the social consciousness of the peoples of the USSR was based on the belief in a just character of the war, and the victory was the main source of patriotism and interethnic community of Defenders of the Fatherland, which became the basis of resistance and the subsequent defeat of concerted action advocacy program of Nazi Germany. Soviet propaganda skillfully maintained the spirit of unity and protest accumulated effect for the benefit of the people striving for victory over the invaders of his native land. At the same time without contradiction between the spirit and the word of propaganda; the actions of the government and the people. Today, when it is necessary to overcome the historical "amnesia, revisionists try to revive and resuscitate the memory of turning historical events, to achieve their objective assessment of the integrity and historical continuity outlook of the people and adequate ideological position of power, including in the field of information policy, especially relevant in research practice.

Key words: war, the USSR, Germany, propaganda, consciousness, worldview, axiological values, counter-propaganda, historical memory, revisionism.

For citation: *Malysheva E.M., Garazha N.A.* Ideological Confrontation during the Great Patriotic War: Propaganda Strategies of the USSR and the Third Reich. Journal of the Kuban State University Historical Sciences, 2026, no. 2, p. 75–87.

Введение

Тема идеологического противостояния СССР и нацистской Германии, информационное воздействие пропаганды на сознание остаётся актуальной научной задачей, так как предпринимаются попытки ревизии итогов войны.

Память о подвиге народов СССР служит фундаментом российской ментальности и основой патриотического воспитания.

История Второй мировой войны, как и ее основной части – Великой Отечественной войны, остается, с одной стороны, чрезвычайно мифологизированной в коллективном сознании, с другой – дает богатый методический материал пропагандистской коррекции общественного мнения и настроения, что требует не только детального историко-ретроспективного рассмотрения, но и анализа с точки зрения степени и длительности воздействия.

Как форма социального конфликта война сопровождает всю историю развития цивилизации. XX в. в мировой истории стал наиболее кровавым: планета пережила две страшные мировые войны: безвозвратные потери составили 87 млн чел. Вторая мировая война пронеслась по огромным пространствам Европы, Азии и Африки, по акваториям всех мировых океанов. В войне, продолжавшейся шесть лет, участвовало 61 государство, примерно 80 % общего числа людей, проживавших на планете. В вооруженные силы было мобилизовано около 120 млн наиболее трудоспособного населения. Боевые действия велись на территории 40 стран. По данным германских исследователей, уже после окончания Второй мировой войны, с 1945 по 1985 г., в мире произошло 160 вооруженных конфликтов, общее число погибших составило от 25 до 35 млн чел. [8].

В этом контексте обращение к опыту воздействия пропаганды на общественное сознание в экстремальных условиях войн, Второй мировой войны в частности приобретает особую актуальность. Информационная война велась в контексте событий на фронтах, в периоды отступления, оккупации, освобождения советской территории на протяжении всего трудного пути к Победе. В свою орбиту она вовлекала социальные группы с различными демографическими, профессиональными, этническими характеристиками, для должного воздействия на которые соответственным образом корректировался и пропагандистский инструментарий. При этом изначально в основу мировоззрения комбатантов Третьего рейха и советских красноармейцев были заложены противоположные аксиологические приоритеты. Они получили точное отражение в строках поэта: «За мир и свет мы боремся, они – за царство тьмы».

Для полиэтнического Советского Союза всегда была жизненно важной проблема межнационального общения и национальной политики как составляющих идеологии единства государства и государственной нации. Осознание этого факта лежало в основе национально-государственной политики СССР. За предвоенный период весь мощный механизм государственной системы формулировал массовое общественное сознание россиян с глубочайшей пассионарностью, опорой на особенности российского менталитета, вобравшего в себя специфику многовекового сожительства в одном государственном пространстве 130 наций и народностей.

Этот бесспорный факт, проявивший себя в экстремальных условиях войны как один из источников Победы, был ошибочно недооценен Гитлером, полагавшим, что союз народов СССР – это колосс на глиняных ногах, а советские граждане не могут любить свою Родину и защищать ее: «... Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе» [4, с. 89–98].

Основная часть

Еще до начала войны за выживание, рисуя в своих планах радужную картину освоения природных богатств Советского Союза, немецкие аналитики делали ставку на межнациональную конфронтацию, разрушение дружбы между русскими и нерусскими народами, надеялись на беспрепятственное установление своего господства в оккупированных регионах. В их планы входила задача расколоть советское общество, противопоставить народы друг другу на основе жесткой конкурентной борьбы за выживание. Готовясь к вторжению в пределы Советского Союза, руководство нацистской Германии рассчитывало на отсутствие внутреннего единства народов СССР, рассматривая его как «искусственное и рыхлое объединение огромного числа наций, этнический конгломерат».

Стратегическая установка А. Гитлера относительно народов, населяющих широкие просторы России, – «...поощрять любую форму раскола и разногласий» [17, с. 118]. Предусматривалось проведение массовых мятежей, диверсий, террора, беспорядков с помощью коллаборационистских, этнических формирований из национальных меньшинств СССР. В планы вермахта входила задача силами местного населения с помощью кавказской эмиграции организовать «восстание на территории Кавказа» [15, с. 647]. «На юге использовать в наших интересах возможное наличие противоречий между украинцами и великороссами... На Кавказе... между туземцами – грузинами, армянами, татарами – и русскими... в прибалтийских странах использовать в интересах Германии противоречия между литовцами, эстонцами, латышами и русскими», – гласила одна из директив, адресованных немецким оккупационным частям [3, с. 252].

Нацистская идеологическая машина распространяла свое действие и на угнанных в Третий рейх советских людей и привлекавшихся на работы советских военнопленных. Для них этническая принадлежность стала своеобразным маркером, определяющим отношение к конкретному человеку и к его национальной группе, причиной конфликтной напряженности, показателем отношений с представителями европейских государств, отправным пунктом познания «другого». Но, несмотря на политику этнической сегрегации и дискриминации в пространстве лагеря, несвободы, советские граждане и этот опыт часто находили

положительным: в воспоминаниях восточных рабочих находим примеры взаимопомощи, поддержки, обмена опытом и знаниями между представителями народов СССР и европейских государств. Что важно – эволюционировало восприятие друг друга в главном: в человеческом приятии друг друга вопреки мифам и пропагандистским клише национал-социалистов. Также ощущение сопричастности определенной национальности в отрыве от родины, в замкнутом пространстве лагеря, направленном на нивелирование персонального, выступало в качестве глубинного мотива поиска смысла жизни и презентации себя в малом социуме трудового коллектива, ведь ничто так не укрепляет дух в период испытаний, как опора на традиционную систему ценностей своего народа [5].

В целом действительность военных лет показала иллюзорность и несостоятельность расчетов руководителей рейха на политическую неустойчивость и непрочность советского многонационального государства, мнимое отсутствие патриотизма у россиян. В сознании народов СССР и их политическом статусе произошли изменения, не учтенные нацистским руководством Германии. Характерными чертами межнациональных отношений стали равноправие и коллективизм, интернациональное единство, отсутствие стратовой конфронтации, общность интересов и взаимное уважение. Общественное сознание народов СССР содержало убежденность в справедливом характере Отечественной войны и необходимости идти на жертвы во имя независимости родины, уверенность в победе и ненависть к захватчикам.

Интернациональное содружество народов СССР способствовало слаженной работе тыла. Общие проблемы и заботы, тяготы и неустроенность быта, страдания, боль за потери родных и близких, вера в победу укрепляли в глубоком тылу чувства единения у людей разных национальностей, поддерживающиеся во всех советских средствах массовой информации. Доминирующей чертой массового сознания советского социума в военный период, в том числе с помощью СМИ, стало активное непринятие политики и практики оккупантов, их идеологии и морали, ненависть к ним. Нравственные и мировоззренческие ценности и ориентиры, справедливый характер и цели Великой Отечественной войны, коренная противоположность духовных потенциалов борющихся сторон обусловили широкий размах всенародной, интернациональной по характеру борьбы на временно оккупированной территории СССР. В партизанской борьбе приняли участие более 1 млн чел. Было создано 2 тыс. партизанских отрядов. Только на Северном Кавказе действовало 250 отрядов, в составе которых сражались представители 40 национальностей региона. В 1943 г. вермахт использовал против партизанских формирований около 25 дивизий своей действующей армии [13, с. 26].

184 тыс. боевых орденов и медалей было вручено партизанам и подпольщикам оккупированных районов страны, 190 из них удостоены

звания Героя Советского Союза [19, л. 18]. На средства людей разных национальностей, внесенные в Фонд Красной армии и Фонд обороны, было построено и передано войскам более 2,5 тыс. боевых самолетов, несколько тысяч танков, 20 подлодок и военных катеров, много другой боевой техники и вооружения. Представители более 100 наций и народностей СССР, 7 млн защитников Родины награждены орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны; свыше 11 тысяч из них – представители более 60 наций – удостоены высокого звания Героя Советского Союза [11, с. 197]. Американский историк Дж. Брэдли писал: «Сила России заложена в укреплении союза ее народов, известного под названием Союз Советских Социалистических Республик (СССР) и возглавляемого... сильным правительством... В решающей степени ее сила выражена в любви русских к своей Родине...» [2, с. 210]. Такой стойкости история не знала. Не знала она и такой воли, и силы убеждений. В этой убежденности в правоте своего дела оказались слитыми идея защиты Отечества и национальная идея, вера в справедливость социализма и религиозная вера, доверие к власти.

По мнению ряда ученых, существовавший общественный строй, политическая система, ВКП (б) как директивное звено всей государственной машины смогли обеспечить такой порядок, который в целом отвечал требованиям войны [18].

Великая Отечественная война доказала, что победу может одержать только консолидированное общество, с которым власти удалось достичь консенсус. Первостепенное значение имело осознание людьми, обществом уверенности в справедливом характере войны, в том, что они защищают свое Отечество от иноземного захватчика, врага, посягнувшего на их свободу и независимость, уверенность в правоте своего дела, понимание, за что сражаются и погибают. В современных геополитических реалиях уроки Великой Отечественной войны приобретают все большую актуальность. Поучителен оставленный потомкам нравственный урок поколения победителей, ставший символом любви и верности Отечеству, массового героизма, стойкости и самопожертвования.

Особую остроту информационное противостояние и мобилизационно-психологическая работа с собственным населением приобретали на оккупированных территориях СССР, в период Сталинградской битвы и сражения за Кавказ. Люстрация писем солдат вермахта с фронта в этот период показала, что те больше не пишут о «трусливых русских недочеловеках», как это было в 1941 г. Более того, появились страх и даже уважение к русским. Германские войсковые пропагандистские подразделения немедленно получили указание провести кампанию, разъясняющую, что стойкость большевиков – это «примитивная животная реакция сопротивления у рабов», не идущая ни в какое сравнение с «геройством немецкого солдата».

Еще одной отличительной чертой нацистской пропаганды было ее стремление к тривиальности и примитивизации. Всякая пропаганда в

соответствии с представлением руководства рейха должна быть доступной для массы и максимально простой. К моменту вторжения на советскую территорию в немецких войсках, предназначенных к войне на Восточном фронте, было сформировано 19 рот пропаганды и 6 взводов военных корреспондентов СС. В их состав входили военные журналисты, переводчики, персонал по обслуживанию пропагандистских радиоавтомобилей, сотрудники полевых типографий, специалисты по изданию и распространению антисоветской литературы, плакатов, листовок.

На Кубани нацистами активно использовались провокации и идеологические диверсии, которые не отличались тонкой изобретательностью, наоборот, были вызывающе грубы и невежественны. Так, около станицы Кужорской фашисты повесили пленного красноармейца, затем спустя некоторое время сняли труп, похоронили с почестями и на могиле сделали надпись: «Замучен партизанами» [10]. Или, например, 25 и 26 апреля 1943 г. во время пасхальной службы обстреляли городские церкви города Новороссийска, транслируя по радио, что этот варварский акт якобы совершен советскими частями. Советская пропаганда старалась реагировать по каждому подобному инциденту. И в этом случае партизанами была расклеена листовка «К гражданскому населению города Новороссийска», разоблачавшая провокацию нацистов [9, с. 238].

Ключевую роль в нацистской пропаганде, как на оккупированной территории СССР, так и на фронте, играли печатные материалы: листовки, воззвания, объявления, приказы и т. д. При этом нацистская пропаганда претендовала на всеохватность, воздействие на все слои советского общества. Хотя уровень многих подготовленных материалов был невысок. Например, в штабе пропаганды Крыма оккупационные власти сами осознавали и документировали свои промахи в пропаганде, фиксируя непродуманность киномероприятий, реформирования школьного образования, в целом взаимодействия с местным населением [7, л. 9, 13].

Руководители гитлеровской пропаганды на оккупированной территории работали над подготовкой агитаторов и пропагандистов из местного населения. Для этого создавались особые «политшколы», которые функционировали круглый год, имели специальные помещения с оборудованными залами. Перед такими школами ставились задачи идеологической обработки советского населения, вербовки и подготовки пропагандистско-агитационных кадров. В программе «политшкол» было 10 тем, по которым в течение 10–12 дней читался курс лекций. Примерная тематика лекций: «Хозяйство СССР и хозяйство Германии», «Германская культура и искусство», «Расы и расовая теория». Оккупационные власти в обязательном порядке требовали, чтобы «политшколы» посещали представители интеллигенции и служащие оккупационной администрации [21, с. 55–56].

Немецкая пропаганда явно претерпевала эволюционные изменения в ходе войны: от явных угроз, оскорблений и приказов она иногда переходила

в более мягкую тональность, призывая советское население к сотрудничеству, стараясь убедить его в преимуществах нацистского режима. При составлении листовок основным принципом был патриотизм народов Советского Союза без подразделения его на советский или просто русский патриотизм. Листовки составлялись так, чтобы они привлекали к борьбе и советских патриотов, и просто русских честных людей, любящих свою родину, хотя и несогласных с коммунистами по тем или другим вопросам. Например, на одной из листовок изображался красноармеец, идущий в атаку с криком: «Вперед на врага!», а на обороте уже содержалось фашистское содержание этого лозунга [6, л. 12].

В СССР была одновременно развернута масштабная советская антифашистская пропаганда, призванная поднимать боевой дух и моральную стойкость граждан СССР, а также дезавуировать нацистскую контрпропаганду. Активизируется агитационно-пропагандистская работа военных средств массовой информации: издаются центральные военные газеты, 19 газет фронтов и флота, сотни многотиражек в дивизиях и бригадах; 20 журналов тиражом около 2 млн экземпляров [12, с. 64].

Одним из эффективных средств пропаганды становится информационный политический орган – Советское информационное бюро (СИБ), созданное для руководства освещением в СМИ военных действий на фронтах Великой Отечественной войны, военных сводок по материалам главного командования, а также внутренних событий в СССР и международной жизни. В годы Великой Отечественной войны Совинформбюро осуществляло руководство работой военных корреспондентов, занималось информационным обеспечением посольств и консульств СССР за рубежом, иностранных радиовещательных корпораций и радиостанций, телеграфных и газетных агентств, обществ друзей СССР, газет и журналов различных направлений. В составе СИБ была образована литературная группа, в которую входили Вера Инбер, Валентин Катаев, Евгений Петров, Борис Полевой, Константин Симонов, Николай Тихонов, Алексей Толстой, Александр Фадеев, Константин Федин, Корней Чуковский, Михаил Шолохов, Илья Эренбург и др. В непосредственном ведении СИБ находились антифашистские комитеты: Всеславянский комитет, Еврейский антифашистский комитет, Антифашистский комитет советских ученых, Антифашистский комитет советской молодежи и Антифашистский комитет советских женщин.

В сводках и сообщениях Совинформбюро размещались материалы, опровергавшие выступления руководителей германского рейха и сообщения немецкого информбюро. Программы СИБ «В последний час», «Сводки Совинформбюро», «Письма с фронта и на фронт» и др. выходили до последних дней Великой Отечественной войны: их слушали во всех регионах страны. Оперативные сводки СИБ выпускались ежедневно с 25 июня 1941 г. по 15 мая 1945 г. Всего за годы войны прозвучало более двух тысяч фронтовых сводок.

По радио сводки обычно зачитывал Юрий Левитан, голос которого стал символом важнейших правительственных сообщений. С первых дней Великой Отечественной войны миллионы людей ежедневно замирали у радиоприемников при словах Левитана «От Советского информбюро...». Их перестали выпускать лишь после безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Последняя сводка прозвучала 15 мая 1945 г., когда по московскому радио Ю. Левитан сообщил: «Прием пленных немецких солдат на всех фронтах закончен» [14].

Пламенным антифашистом, призывавшим к борьбе против захватчиков, был Илья Эренбург. За годы войны он написал для Совинформбюро свыше 300 статей, вызывавших широкий резонанс как в СССР, так и на Западе. Его имя всегда вызывало особый интерес и неоднозначные оценки в германской публицистической и исторической литературе, особенно в немецкой историографии Второй мировой войны. В советской пропаганде, особенно после оккупационного военного периода, рассчитанной на бойцов Красной армии, постоянно повторялся лейтмотивный призыв «Убей немца!», который, по широко распространенному мнению, первым в пропагандистский обиход ввел именно Эренбург.

«Это не люди, – убеждал Эренбург красноармейцев. – Это страшные паразиты. ...Их надо уничтожить». «Массовые убийцы мирных граждан с бесстыжими пустыми глазами», – гласит еще одна характеристика от 3 февраля 1942 г. «...Отныне слово “немец” разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать... Убей немца! – это просит старуха мать. Убей немца! – это молит тебя дитя. Убей немца! – это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!» [20].

Когда И. Эренбург писал «Убей немца!», он, как и миллионы советских солдат на фронте, говорил не о «немце» вообще, а о конкретном немце – о захватчике, оккупанте, о том, чьими руками творились чудовищные преступления, нелегальное воплощение человеконенавистнического нацистского режима.

В сознании многих нынешних немцев, даже тех, кого никак не заподозрить в симпатиях к нацистской идеологии, сохраняется стереотип, в соответствии с которым главная ответственность за разжигание ненависти к немцам во время войны, за эксцессы по отношению к немецкому населению на территориях, захваченных Красной армией, возлагается на Эренбурга. На самом же деле в период вторжения в пределы государственных границ СССР войск вермахта, в годы Великой Отечественной войны самым результативным «воспитателем» отношения к оккупантам, немцам, пришедшим на советскую землю, была страшная реальность войны. Это следы нацистских преступлений на выжженной ими земле и преднамеренное убийство почти четырех миллионов советских военнопленных. Это блокада Ленинграда с миллионом погибших от голода, грабеж оккупированных территорий, репрессии против местного населения,

убийства заложников, вывоз и безжалостная эксплуатация оstarбайтеров, плановое уничтожение евреев, газовые камеры, поражающие человеческое воображение.

Английский историк Энтони Бивор описывает в книге «Падение Берлина, 1945 г.», как в январе 1945 г. нацисты приступили к срочной эвакуации концентрационных лагерей и лагерей для военнопленных. Группа британских военнопленных стала бросать в колонну изможденных пленных красноармейцев хлеб, мыло, сигареты. И когда за попытки подобрать сигаретную пачку немецкий охранник стал избивать прикладом винтовки советских пленных, один из англичан сказал: «Я заранее прощаю русским все, что они сделают с этой страной, когда придут сюда. Абсолютно все!» [1].

Существует мнение, что статьи и стихи Эренбурга были яростными настолько, что даже И. Сталину пришлось удерживать Эренбурга от призывов к мщению. Он якобы произнес афористическое высказывание: «Гитлеры приходят и уходят, а германский народ остается».

Война оставила опыт борьбы за общественное сознание – опыт пропаганды и контрпропаганды воюющих сторон с целью деморализовать вражеский тыл и армию. Историческая память россиян и поныне постоянно подвергается атакам со стороны сил, пытающихся обесценить подвиг воевавшего народа. Это обуславливает необходимость строго научного, объективного освещения истории войны. Как подчеркнул Президент РФ В.В. Путин, правдивые знания необходимо отстаивать в борьбе с ревизионистским подходом, сегодня достаточно громко о себе заявляющим, а «историческая память обязывает нас выстроить такую Россию, о которой мечтали победители – фронтовики». Международный русскоязычный информационно-аналитический портал «NewsBalt», повествующий о взаимодействии стран Балтийского региона и Восточной Европы через призму отношений с Россией, отметил, что на торжественном приеме в Кремле, посвященном 70-летию победы под Сталинградом, Президент РФ Владимир Путин заявил о недопустимости попыток переписывания истории, искажения событий Второй мировой войны и перечеркивания подвига советских воинов-освободителей: «Истинная правда в том, что победу в той великой битве обеспечили советские военачальники и рядовые воины. Их мужеством и стойкостью был поражен и восхищен весь мир. И каким цинизмом надо обладать, чтобы “забыть” об их доблести и самопожертвовании! Мы никогда этого не допустим!». В ряде англоязычных СМИ также были даны оценки этому событию. Так, ирландское издание «RTENews» отметило: «Мистер Путин надеется выявить источник сочувствия не только к временам до 1991-го г., предшествовавшим развалу Московской советской империи, но и к диктатору, которого осудили, как тирана-человеконенавистника даже его коммунистические наследники. При всех преступлениях Сталина его победа над Адольфом Гитлером является причиной для огромной гордости в

стране, ищущей новые идеалы» [16]. На самом деле гордость за победу над нацистской Германией является фундаментом российской ментальности всех послевоенных поколений граждан нашей страны.

Задача глубокого осмысления идеологического противостояния военного периода стояла перед авторами нового фундаментального 12 томного академического труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». Реализация названного научно-исторического проекта осуществлялась с 2006 по 2015 г. в соответствии с указом Президента РФ В.В. Путина. Авторы труда призывают активно бороться с фальсификацией истории борьбы с фашизмом и победы над ним, с попытками оправдания нацизма, его преступлений и бесчеловечности.

Заключение

Масштаб, сущность и последствия этой войны, ее место и роль в истории оказались настолько значительными, что они органично навеки вошли в народное сознание как Великая и Отечественная. Исторические реминисценции, которые переплетаются с осмыслением дня текущего, сублимация псевдолиберальных попыток трансформировать итоги войны, дезавуировать решения Нюрнбергского трибунала, ставят конкретную задачу противодействия попыткам ревизии итогов войны и фальсификаций ее истории.

В военный период обострившееся информационное противостояние, пропаганда и контрпропаганда закладывали в сознание народов образ врага, воскрешая старые обиды и выискивая новые, на которые можно опереться в современной ситуации. Несмотря на серьезное внимание, уделявшееся пропаганде со стороны руководителей рейха, ее результативность не соответствовала размаху, затраченным на проведение средствам и усилиям. Даже в период, когда пропаганда вермахта среди советских войск и населения находилась на вершине своих претензий на успех, ей не удалось ослабить моральный дух советских людей. Базируясь на субъективных оценках противника, ложных посылах в содержании, она не могла принести успеха, тем более долговременного. К тому же оккупационная политика гитлеровцев преимущественно строилась на насилии и терроре.

Психология «свой – чужой» в экстремальных условиях обострилась до предела, проходя путь от высокомерно-пренебрежительного отношения до полного непринятия иной культуры, носителем которой является враг. С началом открытия Восточного фронта 22 июня 1941 г. развернулась беспрецедентная в мировой истории война идеологий – мировоззренческих антиподов СССР и нацистской Германии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бивор Э. Падение Берлина 1945. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. 622 с.

2. Величие подвига советского народа. М.: Междунар. отношения, 1985. 383 с.
3. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. 3 т. М.: Гос. изд. полит. лит., 1946. Т. 1. 791 с.
4. Военно-исторический журнал. 1960. №1. С. 89–98.
5. Гаража Н.А. Остарбайтеры и советские военнопленные в нацистской идеологии и практике этнической сегрегации в период Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2015. № 1. С. 46–56.
6. Государственное казенное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея». Коллекция документов (август 1942 – январь 1943 г.). Д. 1.
7. Государственный архив Республики Крым. Ф. П–156. Оп. 1. Д. 26.
8. Дергачев В. А. Мировые войны. «Холодная война» и «гуманитарные интервенции». Ключевые проблемы человечества. URL: <http://dergachev.ru/book-geop-2004/index.html>.
9. Иванов Г.П. В годы суровых испытаний. Краснодар: Краснодар. книж. изд-во, 1967. 302 с.
10. Иванов Г.П. В тылу прифронтовом. М.: Воениздат, 1971. 128 с.
11. Источники победы советского народа в Великой Отечественной войне. 1941–1945 / отв. ред. Г.А. Куманев. М.: Наука, 1985. 311 с.
12. Кондакова Н. И. Идеологическая победа над фашизмом. М.: Политиздат, 1985. 172 с.
13. Куликов В.Г. Всемирно-историческая победа. М.: Знание, 1975. 64 с.
14. Малышева Е.М. Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941–1945 гг.: монография. М.: Вече, 2011. 492 с.
15. Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 7 т. М.: Юрид. лит., 1958. Т. 2. 672 с.
16. Президент РФ Владимир Путин заявил о недопустимости попыток переписывания истории. 03.02.2013. URL: <http://www.newsalt.ru/detailID=8337>
17. «Совершенно секретно! Только для командования!». Документы и материалы. М.: Наука, 1967. 752 с.
18. Тюшкевич С.А. Отечественная военная наука: страница истории, проблемы, тенденции. Краснодар: Критерий, 2001. 736 с.
19. Центральный архив Министерства обороны. Ф. 7. Оп. 2. Д. 47. Л. 18.
20. Эренбург И. Война (апрель 1943 – март 1944). М.: Гослитиздат, 1944. 415 с.
21. Юденков А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941–1944). М.: Мысль, 1971. 358 с.

REFERENCES

1. Bivor E. Padenie Berlina 1945 [Fall of Berlin in 1945]. Moscow, AST Publ.; Tranzitkniga Publ., 2004. 622 p.
2. Velichie podviga sovetского народа [The Greatness of the Feat of the Soviet People]. M., Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1985. 383 p.
3. Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuzа v period Otechestvennoy voyny. V 3 t. T. 1 [Foreign Policy of the Soviet Union in the Period of the Patriotic War. In 3 vols. Vol. 1]. M., Gosudarstvennoe izd-vopoliticheskoy literatury, 1946. 791 p.
4. Voenno-istoricheskiy zhurnal, 1960, no. 1, pp. 89–98.
5. Garazha N.A. Ostarbaytery i sovetskie voennoplennyye v natsistskoy ideologii i praktike etnicheskoy segregatsii v period Velikoy Otechestvennoy voyny [Ostarbeiters and the Soviet Prisoners of War in Nazi Ideology and Practice of Ethnic Segregation in the Period of the Great Patriotic War]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region, 2015, no. 1, pp. 46–56.

6. Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie “Natsionalnyy arkhiv Respubliki Adygeya”. Kolleksiya dokumentov (avgust 1942 – yanvar 1943 gg.) [State Fiscal Institution “National Archive of the Republic of Adygea”. Collection of Documents (August 1942 – January 1943)]. D. 1.
7. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Krym [State Archive of the Republic of Crimea]. F. P–156, Op. 1, D. 26.
8. Dergachev V.A. Mirovyeyoyny. “Kholodnaya voyna” i “gumanitarnye interventsii”. Klyuchevyeproblemychelovechestva [World Wars. “Cold War” and “Humanitarian Interventions”. Key Problems of Mankind]. Available at: [http:// dergachev.ru/book-geop-2004/index.html](http://dergachev.ru/book-geop-2004/index.html) (accessed April 5, 2015).
9. Ivanov G.P. V godysurovykhispytaniy [In the Years of Ordeals]. Krasnodar, Krasnodarskoe knizhnoe izd-vo, 1967.302 p.
10. Ivanov G.P. V tyluprifrontovom [In the Front Rear]. Moscow, Voenizdat Publ., 1971. 128 p.
11. Kumanev G.A., ed. Istochniki pobedy sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne. 1941-1945 [The Sources of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War. 1941-1945]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 311 p.
12. Kondakova N.I. Ideologicheskayapobedanadfashizmom [Ideological Victory Over Fascism]. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 172 p.
13. Kulikov V.G. Vsemirno-istoricheskayapobeda [The Worldwide Historical Victory]. Moscow, Znanie Publ., 1975. 64 p.
14. Malysheva E.M. Vo imya Otechestva. Patriotizmnaroda v 1941-1945 gg. [For the Sake of the Fatherland. Patriotism of the People in 1941-1945]. Monograph/E.M. Malysheva. Moscow, Veche Publ., 2011.492 p.
15. Nyurnbergskiy protsess: sbornik materialov. V 7 t. T. 2 [Nuremberg Process: Collection of Materials. In 7 vols. Vol. 2]. M., Yuridicheskayaliteratura Publ., 1958.672 p.
16. Prezident RF Vladimir Putin zayavil o nedopustimosti popytok perepisyvaniya istorii. 03.02.2013 [The President of the Russian Federation Vladimir Putin Declared Inadmissibility of Attempts of Rewriting History. February 3, 2013]. Available at: <http://www.newsalt.ru/detail ID=8337> (accessed April 6, 2015).
17. “Sovershenno sekretno! Tolko dlya komandovaniya!” Dokumenty i materialy [“Top Secret! Only for Command!” Documents and Materials]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 752 p.
18. Tyushkevich S.A. Otechestvennaya voennaya nauka: stranitsaistorii, problemy, tendentsii [Domestic Military Science: Page of History, Problems, and Tendencies]. Krasnodar, Kriteriy Publ., 2001. 736p.
19. Tsentralnyy arkhiv Ministerstva oborony [Central Archive of the Ministry of Defence]. F. 7, Op.2, D. 47, L. 18.
20. Erenburg I. Voyna (aprel 1943 - mart 1944) [War (April 1943 - March, 1944)]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1944. 415 p.
21. Yudenkov A.F. Politicheskaya rabota partii sredi naseleniya okkupirovannoy sovetskoy territorii (1941-1944) [Political Work of Party Among the Population of the Occupied Soviet Territory (1941-1944)]. M., Mysl Publ., 1971. 358 p.

Информация об авторах

Малышева Елена Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории, историографии, теории и методологии истории, Адыгейский государственный университет, ул. Первомайская, 208, 385000 г. Майкоп, Российская Федерация emalysheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6141-4619>

Гаража Наталия Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент
Новороссийский политехнический институт (филиал) ФГБОУ ВО «КубГТУ», ул. Карла
Маркса, д. 20. 353900 г. Новороссийск, Российская Федерация ngarazha@yandex.ru

Information About the Authors

Malysheva Elena Mikhailovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the
Department of Russian History, Historiography, Theory and Methodology of History, Adygea
State University, 208 Pervomayskaya Street, 385000 Maikop, Russian Federation
emalysheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6141-4619>

Garazha Natalia Alekseevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Novorossiysk Polytechnic Institute (branch) of Kuban State Technological University, 20 Karl
Marx Street, 353900 Novorossiysk, Russian Federation ngarazha@yandex.ru

ИДЕОЛОГИЯ ХОРВАТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ОТ КОНЦЕПЦИИ К РЕАЛИЗАЦИИ

Ратушняк Олег Валерьевич

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
oleg_ratushnyak@mail.ru

Выстороп Роман Сергеевич

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
roma521200@gmail.com

Аннотация. Данная работа посвящена конструированию идейных ориентиров хорватской государственности, их происхождению, эволюции и практической реализации. В рамках исследования анализировались работы идеологов хорватского национализма, Конституция Хорватии, резолюции ООН и данные средств массовой информации. Возникшие во второй половине XIX в. идейно-теоретические основы хорватской государственности имели общую природу с национально-освободительными идеями других балканских народов, однако по своему содержанию носили более националистический характер. Первый опыт создания хорватами современного национального государства – Независимое государство Хорватия. Оно просуществовало недолго и носило марионеточный характер. Дальнейшее развитие идеи хорватской независимости получило во второй половине 1960-х гг., выразившись в так называемой «хорватской (загребской) весне». В полной мере замысел архитекторов хорватской государственности был реализован только в первой половине 1990-х гг. Его идейно-теоретической и идеологической основой стали концепция моноэтнической Хорватии и ревизионизм в отношении усташей. Реализация правительством Ф. Туджамана курса на создание моноэтнического хорватского государства натолкнулась на активное сопротивление сербов и привела к развязыванию кровопролитной и жестокой гражданской войны. В результате войны и последующих переговоров автономия сербов на территории Хорватии была ликвидирована.

Ключевые слова: Хорватия, Югославия, хорваты, сербы, Сербская Крайна, усташы.

Для цитирования: Ратушняк О.В., Выстороп Р.С. Идеология хорватской государственности: от концепции к реализации // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 2. С. 88–102.

THE IDEOLOGY OF CROATIAN STATEHOOD: FROM CONCEPT TO IMPLEMENTATION

Ratushnyak Oleg Valer'evich

Kuban State University, Krasnodar, Russia
oleg_ratushnyak@mail.ru

Vystorop Roman Sergeevich

Kuban State University, Krasnodar, Russia
roma521200@gmail.com

Abstract. This study examines the development of the ideological foundations of Croatian statehood, their origins, evolution, and practical implementation. The research analyzed the works of Croatian nationalist ideologues, the Constitution of Croatia, UN resolutions, and media reports. The ideological and theoretical foundations of Croatian statehood, which were emerged in the second half of the 19th century, shared common ground with the national liberation ideas of other Balkan peoples, however they were more nationalistic. The Croats' first attempt to create a modern state was the Independent State of Croatia. It did not last long and was essentially a puppet state. The idea of Croatian independence gained further momentum in the second half of the 1960s, manifesting itself in the so-called "Croatian (Zagreb) Spring." The architects' vision for Croatian statehood was fully realized only in the first half of the 1990s. Its ideological and theoretical foundation was the concept of a mono-ethnic Croatia and revisionism regarding the Ustaše. The implementation by the government of F. Tudjman of a policy aimed at creating a mono-ethnic Croatian state met with active resistance from the Serbs and led to the outbreak of a bloody and brutal civil war. As a result of the war and subsequent negotiations, Serbian autonomy within Croatian territory was abolished.

Key words: Croatia, Yugoslavia, Croats, Serbs, Serbian Krajina, Ustashe.

For citation: Ratushnyak O.V., Vystorop R.S. The Ideology of Croatian Statehood: From Concept to Implementation. Journal of the Kuban State University Historical Sciences. 2026. No. 2. Pp. 88–102.

Введение

Конец XX в. – начало XXI в. охарактеризовались появлением нескольких новых государств на политической карте мира. Одни из них, добившись суверенитета, получили признание мирового сообщества. Другие – остались на уровне частично признанных государств. Данная ситуация привлекает внимание не только теоретиков международных отношений, но и историков, пытающихся выявить в этом процессе определенные закономерности.

Обретение независимости республиками Югославии в 1990-е гг. кардинально изменило геополитический ландшафт Балкан и определило роль региона в структуре социально-экономического развития, а также безопасности европейского пространства. В череде «парада суверенитетов» особый интерес представляет собой сецессия Хорватии. В отличие от Республики Северная Македония или Боснии и Герцеговины хорватское

государство имело определённый опыт независимого существования. Так, в 925–1102 гг. на политической карте Европы значилось Королевство Хорватия. Краткий период с апреля 1941 г. по май 1945 г. существовало марионеточное коллаборационистское Независимое государство Хорватия (НГХ), созданное усташами. Однако Королевство Хорватия было слишком отдалено по времени и создавалось в совершенно других исторических условиях и на других политических основаниях. Независимое государство Хорватия было только номинально независимым и не успело в столь краткий период существования сформировать устойчивую политическую культуру.

В этой связи особый интерес представляет анализ идейно-теоретических основ хорватской государственности и их роль в ее формировании и становлении. Отметим, что идеология хорватского движения за независимость, с одной стороны, в значительной степени обусловила ожесточенность войны в Хорватии в 1991–1995 гг., с другой – стала фундаментом для построения хорватской государственности.

Изучение идейно-теоретических основ движения к независимости Хорватии дает возможность не только выявить одну из причин создания государственности, но и глубже понять процесс формирования «сепаратистской» идеологии.

Хронологические рамки исследования представлены периодом с 1861 г. по 1998 г. Нижняя граница обусловлена представлением Анте Старчевичем, основоположником идеи об обретении Хорватией независимости, программы, предусматривавшей наделение хорватов широкой автономией в составе Австро-Венгерской империи, на заседании хорватского парламента (Сабора). Выбор верхней границы связан с завершением процесса формирования Республики Хорватия в окончательных границах.

Российские и зарубежные балканисты подробно исследовали причины выхода Хорватии из состава Югославии, культурно-религиозные особенности хорватского этноса, а также влияние идеологии национализма на хорватское общество. Среди подобных работ отметим исследование В.И. Фрейдзона «История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времён до образования республики», а также диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук А.А. Пивоваренко «Становление государственности в современной Хорватии (1990–2001 гг.)» [12]. Отдельные аспекты проявлений хорватского национализма раскрывает С.С. Беляков в работе «Идеология усташского движения как историческая форма хорватского этнического национализма (1929–1945 гг.)» [3]. Среди зарубежных историков выделим монографию британского историка хорватского происхождения Бранки Магаша «Croatia Through History: The Making of a European State», в которой автор анализирует основные вехи в развитии хорватской государственности, приведшие к формированию независимого хорватского государства [22]. В целом проблема

возникновения и влияния идеологических концепций на будущее хорватского народа, которая определяет, в том числе, нынешний идеологический ландшафт Хорватии, изучена не столь подробно, что обуславливает необходимость углублённого анализа данной проблематики.

Источники представлены тремя группами документов. К первой относятся официальные, преимущественно нормативно-правовые, документы. Среди них выделим Конституцию Республики Хорватия, зафиксировавшую основные государственно-правовые черты молодого хорватского государства [9]. Значимыми с точки зрения анализа проблемы представляются и резолюции Совета Безопасности ООН [16] и Генеральной Ассамблеи [15], которые отражают реакцию мирового сообщества на процессы, связанные с сецессией Хорватии и связанные с этим процессом события. Вторая группа источников представляет работы идеологов и идейных вдохновителей хорватского национализма, в первую очередь труды Анте Старчевича [26; 27]. Третья группа источников представлена материалами СМИ, в которых описываются основные события и процессы, связанные с распадом Югославии и обострением межэтнических противоречий в Хорватии, а также содержатся оценки влияния хорватских националистических идей на ход и ожесточённость войны 1991–1995 гг.

Методологической основой данной работы выступают принципы историзма и объективности, а также системный подход, позволивший проанализировать влияние факторов как внешней, так и внутренней среды на формирование идеологии хорватской государственности. В качестве методов были использованы историко-генетический и историко-сравнительный, с помощью которых был раскрыт процесс зарождения и эволюции хорватских националистических идей и выявлены общие черты с итальянским фашизмом и германским национал-социализмом.

Основная часть

Идеология хорватского национализма закладывалась на протяжении нескольких столетий. Главным основоположником хорватской национальной идеи в XIX в. был Анте Старчевич (1823–1896 гг.). Он выдвинул концепцию «исторического права», основная суть которой сводилась к тезису о том, что хорватская государственность, несмотря на продолжительный период вассального существования под эгидой Венгрии, непрерывна со времён Средних веков, а следовательно, сама история диктует необходимость обретения подлинной хорватской независимости. Одним из ключевых и самым радикальным элементом его теории было отрицание самобытности сербов (панхорватизм) [19, с. 89–90]. В основе этой неприязни к сербскому народу лежало стремление создать хорватское национальное государство, в котором сербы, населяющие «Военную Краину», рассматривались как православные хорваты и подлежали ассимиляции, поскольку «дикий азиатский народ» не сможет

сосуществовать с европейской хорватской культурой. Отметим, что ранее в XVI–XVII вв. Юрий Крижанич и Винко Прибоевич формируют идеи панславянизма, в соответствии с которым славянам необходимо объединиться на основе общего языка и культуры для избавления от иноземного гнёта, однако данные взгляды на будущее хорватского народа не нашли отклика у населения Хорватии, в отличие от идей А. Старчевича, проникнутых бескомпромиссным хорватским национализмом.

В последующем идеи А. Старчевича в годы Второй мировой войны разовьёт публицист Анте Павелич в рамках движения усташей, которые вобрали в себя концепцию «исторического права» и довели панхорватизм до степени крайне радикальной нетерпимости не только к сербам, но и другим народам, населявшим Хорватию. Марионеточное «Независимое государство Хорватия» проводило жесточайшую политику уничтожения сербов, евреев и цыган [18]. Находясь в эмиграции в фашистской Италии, А. Павелич заимствовал многие элементы режима Б. Муссолини. Движение усташей, образованное в 1929 г., по своему характеру представляло собой фашистскую организацию, прибегавшую к террору для достижения политических целей практически с момента своего основания. Так, хорватские националисты совместно с террористической организацией ВМРО (Внутренняя македонская революционная организация) организовали покушение на сербского короля Александра I и министра иностранных дел Франции Луи Барту в Марселе в 1934 г. Основную ставку усташа делали на вооружённую борьбу как наиболее эффективный способ достижения хорватской независимости.

Усташа адаптировали под свои цели и «расовую теорию». Идеологи хорватского национализма отрицали славянское происхождение хорватов, выдвинув теорию о якобы готском происхождении, что позволило заявить, что хорваты, пусть и косвенно, но принадлежат к «арийской расе» [10]. В противовес этому сербы выставлялись потомками кочевников-влахов и считались неполноценным народом. Реализовать «хорватский эксперимент» удалось только в апреле 1941 г., когда было основано Независимое государство Хорватия. Проект «Великая Хорватия» по замыслу А. Павелича понимался не как «убежище» для хорватов, а как инструмент достижения исторической справедливости на исконно хорватских землях. К моменту своего создания НГХ включала в свой состав территорию не только Хорватии, но и Боснии и Герцеговины. Практически с момента провозглашения независимости усташа столкнулись с демографическими ограничениями своей концепции: из 6,5 млн чел. хорваты составляли чуть более 3 млн человек, сербы – 2 млн, что было абсолютно не совместимо с идеей моноэтнического государства. В целях решения «сербского вопроса» усташа попытались уничтожить треть населения НГХ [3, с. 16]. Человеконенавистнические идеи получили закрепление уже 4 июня 1941 г., когда был принят Закон о защите национальной арийской культуры хорватского народа, который полностью исключил сербов, евреев и цыган

из социально-экономической, культурной и политической сфер. Примечательно, что к «арийцам» по упомянутому закону также причисляли мусульман, населявших НГХ, а министр по делам религии и образования М. Будах заявлял, что хорваты и мусульмане являются арийскими братскими народами [2, с. 77].

Вождизм, будучи неотъемлемой частью политической жизни фашистских государств в 1920–1940-х гг., также был элементом хорватской националистической идеологии. Культ личности А. Павелича не мог быть подвергнут критике, лидер усташей воспринимался не иначе как «отцом нации», подарившим хорватам независимость, а его образ был практически сакрализован. В последующем аналогичное отношение будет к Франьо Туджману, первому президенту Республики Хорватия.

После окончания Второй мировой войны хорватские националистические концепции не пользовались особой популярностью. Существенная масса населения Югославии разделяла позицию партизан И.Б. Тито, отец которого был хорватом, и не тяготели к созданию национальных государств. Однако по мере появления проблем в управлении Социалистической Федеративной Республикой Югославия (СФРЮ) всё громче раздавались голоса оппозиционных деятелей, призывавших к сохранению национальной идентичности и противостоянию насильственной «югославизации».

Дальнейшее развитие идеи хорватской независимости получили уже в 1960-е гг., когда начались массовые протесты, получившие название «хорватская (загребская) весна» 1968–1971 гг. Сложность данного политического кризиса в истории Югославии выражается, в том числе, в невозможности установить начальную точку отсчёта этого события. В современной историографии, посвящённой данным политическим процессам на территории СФРЮ, считается, что сам кризис начался с 1967 г., когда остро встал вопрос о статусе хорватского языка и его месте в югославском культурном пространстве. Организацией, борющейся за сохранение хорватского языка, стала Матица хорватская, в руководящий состав которой входил Ф. Туджман. Данное движение быстро приобрело популярность, а его лидеры, изначально придерживавшиеся исключительно культурной повестки, в последующем примут участие в обсуждении очередных поправок в союзную конституцию [7, с. 735].

Кризис, продолжавшийся около 4 лет, сопровождался не только волнениями на территории Хорватии, но также и террористическими акциями в отношении югославских дипломатов, находящихся в командировке за рубежом. Апогеем конфликта Белграда и Загреба стала массовая демонстрация 12 мая 1971 г. в Загребе, продемонстрировавшая крепнущую силу движения за хорватскую независимость. Однако кризис был урегулирован без задействования федеральных войск, а Белград ограничился уголовным преследованием лидеров протестов и наиболее ярых активистов (всего было заведено 2300 уголовных дел) [17].

Ф.Туджман вместе с другими лидерами Матицы хорватской был исключён из партии и приговорён к тюремному заключению.

События конца 1960-х – начала 1970-х гг. привели к новой полномасштабной конституционной реформе в 1974 г. Новая Конституция предусматривала не только новые права для автономных краёв Воеводино и Косово, например, право вето в Скупшине, но и закрепляла право всех народов Югославии на самоопределение вплоть до отделения от Федерации. Отметим, что вооружённые силы Югославии также обладали «двуединой» природой: с 1969 г. в стране одновременно существуют федеральные войска (Югославская народная армия – ЮНА) и силы Территориальной обороны, призванные вести партизанскую войну в случае агрессии в отношении Югославии [5, с. 9]. К началу 1980-х гг. вялотекущий политический кризис практически подорвал основы существования единого государства, а Конституция 1974 г. создала национальным республикам правовые основания претендовать на независимость. Все это привело к тому, что в хорватском национальном движении произошел постепенный отход от террористических методов достижения независимости к борьбе в правовом поле с опорой на законодательство Югославии и тот инструментарий, который был конституционно предоставлен национальным республикам для расширения их автономии.

С начала 1980-х гг., несмотря на существенное расширение прав Социалистической Республики Хорватия в составе СФРЮ, на фоне кризисных тенденций в федерации, в Хорватии фиксируется рост националистических настроений, которые активно подогревались политиками с целью завоевания голосов электората. В конце 1980-х гг. властями Хорватии были предприняты активные меры по ассимиляции и сербов: смена названия улиц, отсутствие сербского языка в качестве республиканского, ограничения прав на свободу вероисповедания, введение новых знаков отличия в силовых ведомствах. Данные действия предпринимались на фоне воинственных заявлений первых лиц республики относительно будущего сербов в Хорватии [1, с. 12–13]. Реакция сербского населения была однозначна. Осознавая растущую угрозу, сербы начинают формировать политические партии (Сербская демократическая партия, Югославская самостоятельная политическая партия). В рамках борьбы за свои права начинают образовываться своеобразные сербские общины. Отметим, что лидер сербов Хорватии Й.Рашкович, несмотря на враждебную позицию своих хорватских оппонентов, был настроен на построение диалога и мирное сосуществование между сербами и хорватами.

Ключевой фигурой в осуществлении на практике идейных наработок А. Старчевича и А. Павелича стал ранее упомянутый Ф. Туджман, ставший в 1990 г. первым президентом Республики Хорватия и успешно синтезировавший концепции своих предшественников в полноценную политическую программу [13, с. 206]. Бывший партизан и историк-диссидент разработал идеологию «туджманизма», определявшуюся как

«некоммунистический национализм с пересмотренной хорватской историей». Последнее положение является краеугольным камнем политики Ф. Туджмана. В целях обретения независимости необходимо было «примирить» потомков сторонников партизан И.Б. Тито и усташей, что достигалось путём ревизионизма. Преступления усташского режима преуменьшались, само НГХ преподносилось как законное проявление многовековой борьбы хорватов за собственное государство. На практике подобные намерения вылились в реабилитацию усташей. Многие бывшие усташские функционеры получили возможность вернуться в Хорватию. Кроме того, произошла частичная реабилитация усташской символики. Например, приветствие «За родину готовы», бывшее официальным приветствием в НГХ, стало использоваться некоторыми правыми организациями и вооружёнными формированиями, такими как Хорватские оборонительные силы. К слову, данная организация также переняла символику усташей и называла свои подразделения именами усташских лидеров. Туджман продвигал нарратив о непрерывной «тысячелетней борьбе», что придавало политическим процессам второй половины 1980-х гг. образ исторической предопределённости.

Исторический ревизионизм был взят на вооружение Ф.Туджманом с целью объединить хорватский народ и сгладить определённые противоречия, оставленные Второй мировой войной в хорватском обществе. Героизация нацистских формирований и кампании, направленные против национальных меньшинств, а также сербов, стали массовыми чертами хорватской политики начала 1990-х гг.

Очередное обострение сербо-хорватского противостояния произошло в декабре 1990 г., когда была принята конституция Хорватии, которая помимо положений о восстановлении самобытности и суверенитета содержала в себе упоминание сербов как национального меньшинства, что стало прямым проявлением намерений Ф.Туджмана реализовать идею моноэтнической Хорватии. Сама же Хорватия провозглашалась национальным государством [9]. Практически одновременно в г. Книн на фоне формирования у сербов чувства страха и незащищённости формируется сербская автономия, получившая название «Сербская автономная область Краина». Акции неповиновения сербов Краины хорватским властям получили название «революция брёвен», поскольку сербы порой блокировали проезд частям хорватских силовых структур, заваливая дороги брёвнами и валунами. Данные акции были поддержаны Белградом, а лозунг «все сербы будут жить в одном государстве» на долгие годы станет одним из главных нарративов в войнах на постъюгославском пространстве [25].

В феврале 1991 г. был принят конституционный закон Хорватии, по смыслу которого законы СФРЮ не являлись больше всеобщими на территории Хорватии, республиканские законы отныне стояли выше федеральных законодательных актов. В дополнение к данному закону

Сабор Хорватии принимает резолюцию о выходе из состава СФРЮ, объявляя свою независимость. Только в декабре 1991 г. в Книне будет провозглашена Республика Сербская Краина, что стало свидетельством провала процесса поиска основ для мирного сосуществования сербской автономии и остального хорватского населения государства. Обратим внимание на тот факт, что хорватские власти изначально были настроены на силовой вариант разрешения конфликта, осуществляя политику по искоренению сербов со службы в полиции, армии и других органах государственной власти. Кроме того, особенно болезненно сербы Хорватии восприняли гонения на православную церковь, организованные хорватскими радикалами, которым власти не препятствовали [4, с. 130].

Рост межэтнической напряжённости, ставшей прологом к военному конфликту, не вызвал настороженности у хорватов. Националистические идеи нашли широкий отклик в хорватском обществе на рубеже 1980–1990-х гг. Референдум о независимости 1991 г. чётко обозначил намерения жителей Хорватии, подавляющим большинством высказавшихся за независимость [8]. Годом ранее партия Ф. Туджмана Хорватское демократическое содружество (ХДС) одержала убедительную победу на первых многопартийных выборах, что свидетельствовало о запросе общества на радикальные перемены и сильную национальную идею. Лидеры Хорватии умело использовали националистическую риторику, построенную на создании образа внешнего врага из сербов. Подобные праворадикальные идеи не были маргинальным явлением, так как достаточно быстро проникли в мейнстримную политику. Например, ассоциации ветеранов вооружённых сил Хорватии открыто поддерживали курс ХДС и её наиболее радикальных фракций, продвигая антисербские нарративы. Сам образ правильности действий хорватского руководства подкреплялся позицией Ватикана. Святой Престол стал одним из первых государств мира, признавших независимость Хорватии уже 13 января 1992 г., что придавало этическое оправдание сецессии.

Ярковыраженный ультра реакционный национализм, лежащий в основе идейного обоснования хорватской государственности, обусловил жестокий характер войны в Хорватии 1991–1995 гг. В своей основе идеи хорватской независимости не подразумевали мирного сосуществования нескольких народов в границах независимой Хорватии, которая предполагалась как моноэтническое государство, что в свое время привело к геноциду сербов, евреев и цыган в НГХ. Именно в период Второй мировой войны националистически настроенные хорватские лидеры предприняли попытку реализации идей, заложенных ещё во второй половине XIX в. Однако, несмотря на тяжёлое наследие Второй мировой, на протяжении существования СФРЮ Хорватия являлась лидером по количеству сербо-хорватских браков (19%), о чём свидетельствует статистика [14, с. 55]. Данное сближение двух народов стало возможным благодаря реализуемой через государственные институты политике братства и единства народов

Югославии, сам смешанный брак поощрялся со стороны государства [23]. Свой вклад также внесли урбанизация и ослабление традиционных общинных связей в сельской местности, жители которой демонстрировали большую неприязнь не только к представителям других этносов, но и к своим «соплеменникам», жившим в соседних сёлах.

Реализация правительством Ф. Туджамана курса на создание моноэтнического хорватского государства не могла не встретить сопротивления сербов, ранее сформировавших свои органы власти на территории своего компактного проживания. Сербское руководство, безусловно заинтересованное в присоединении Сербской Краины к Югославии, не рассматривало силовой вариант разрешения кризиса в качестве приоритетного. Об этом свидетельствует ряд эпизодов, когда ЮНА имела возможность вести успешные и стремительные наступательные действия, однако Белград не давал своевременного приказа [21]. Только после нападения на казармы ЮНА, расположенные на территории Краины, сербское руководство приняло решение вступить в военные действия, активная фаза которых окончилась в январе 1992 г., когда было заключено Сараевское перемирие. По условиям прекращения огня, в регион прибыли миротворцы ООН, а Хорватия приобретала независимость [24, с. 443–445]. Юридически статус Сербской Краины не был урегулирован, за властями в Книне признавалась фактическая площадь в непосредственно в Краине и Славонии, занимаемая вооружёнными силами Краины. Сараевское перемирие носило промежуточный характер и явилось ли обоснованием для заморозки конфликта.

Режим прекращения огня был нарушен уже в январе 1993 г., когда хорватские войска попытались провести ряд операций с целью улучшения своих позиций, но не смогли добиться каких-либо существенных результатов. Отсутствие возможности ликвидировать Краину в 1993 г. исследователи связывают со сложностью для Хорватии одновременно вести боевые действия и в Краине, и в соседней Боснии и Герцеговине, где Загреб поддерживал образованную Хорватскую Республику Герцег-Босна [13, с. 345]. Вмешательство Хорватии в войну в Боснии и Герцеговины стало ещё одной попыткой реализовать концепцию «Великой Хорватии», которая стала бы домом для всех хорватов. Однако отсутствие должной международной поддержки и ограниченность хорватских ресурсов обусловили невозможность дальнейшей экспансии хорватского национализма.

Отметим, что были и случаи позитивного взаимодействия Загреба и Книна, например в 1994 г., когда при содействии сотрудников российского посольства в Хорватии было заключено соглашение о свободном пользовании дорогами и нефтяной инфраструктурой в Западной Славонии. В то же время стороны не смогли прийти к компромиссу относительно статуса Сербской Краины. Ситуация осложнялась тем, что Белград, находясь под колоссальным международным давлением из-за боевых

действий в Боснии и Герцеговине, практически сократил свою поддержку сербам в Хорватии.

В этих условиях, используя время перемирия для реорганизации и улучшения армии, а также на фоне кризиса между правящими элитами и оппозицией, Загреб в мае и августе 1995 г. инициирует операции «Молния» и «Буря», в ходе которых Сербская Краина была фактически ликвидирована за исключением территории Восточной Славонии. Этому предшествовал демарш Загреба относительно продления мандата миротворцев ООН на присутствие в зоне конфликта в Хорватии, что было чрезвычайно важно для сербов Краины в преддверии обсуждения статуса республики в составе Хорватии. Обратим внимание на тот факт, что международное сообщество не испытывало каких-то сомнений относительно будущего Краины. Так, Генеральная Ассамблея ООН по вопросу оказания Союзной Республикой Югославия (СРЮ) поддержки властям и населению Сербской Краины в своей резолюции от 9 февраля 1995 г. A/RES/49/43 призвала все стороны конфликта уважать «территориальную целостность» Хорватии, а также прекратить деятельность, направленную на интеграцию Сербской Краины в состав СРЮ [15]. Операция «Буря» была проявлением сербофобской направленности хорватской политики в первой половине 1990-х гг. По различным оценкам за несколько дней с территории Хорватии было изгнано около 250 тыс. сербов [11]. Высылка сопровождалась массовыми убийствами гражданских лиц, что позволяет квалифицировать операцию как акт этнической чистки.

Война в Хорватии закончилась подписанием в ноябре 1995 г. Эрдутского мирного соглашения между представителями Хорватии, Сербской Краины и Союзной Республики Югославия, которое не только утвердило территориальные захваты хорватской армии, но и предусматривало дальнейшую интеграцию оставшейся за сербами территории Восточной Славонии в состав Хорватии в течение двух лет. Позиция руководства Югославии на переговорах была достаточно пассивной и повторно продемонстрировала неспособность Белграда оказать поддержку сербам, проживающим в Хорватии [6, с. 8–9]. В результате автономия сербов была ликвидирована, а Загребу удалось восстановить контроль 100 % территории страны. Военные успехи хорватов получили закрепление на международном уровне. В ноябре 1995 г. Советом Безопасности ООН была принята резолюция 1023, в которой будущее Краины определялось с позиции её постепенной реинтеграции в состав Хорватии [16].

Заключение

Идеи хорватской государственности в своём развитии прошли несколько важных этапов, а влияние на идеи было в существенной степени оказано внешней средой существования хорватского народа в составе

Австро-Венгерской империи, Королевства сербов, хорватов и словенцев и Югославии.

Обретение независимости Хорватии было бы невозможно без мобилизации населения, основанной на ультранационалистических идеях, которые активно распространялись политическими элитами во главе с Ф. Туджманом. Его идеология стала синтезом идей А. Старчевича второй половины XIX в. и опыта усташской НГХ. Влияние А. Павелича проявилось не только в копировании его методов, но и в глубоком историческом ревизионизме, который помог сплотить хорватскую нацию в решающий момент обретения независимости. Однако подобные устремления к моноэтнической Хорватии стали причиной роста напряжённости между хорватами и сербами, что привело к ожесточённому и кровавому конфликту, по окончании которого завершился процесс обретения Хорватией независимости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адамишин А.Л. Югославская прелюдия. С чего начинались современные подходы к «мирному урегулированию» // Россия в глобальной политике М., 2013. № 4. С. 8–21.
2. Беляков С.С. Геноцид сербского народа в независимом государстве Хорватия // ВоенКом: Военный комментатор. 2002. №1 (3). С.77–80.
3. Беляков С.С. Идеология усташского движения как историческая форма хорватского этнического национализма (1929–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. 24 с.
4. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право; Русский национальный фонд, 2001. 720 с.
5. Гуськова Е.Ю. Независимая Хорватия с независимыми сербами // Югославия в XX веке: очерки политической истории / К. В. Никифоров (отв. ред.), А. И. Филимонова, А. Л. Шемякин и др. М.: Индрик, 2011. 801 с.
6. Демьянович Ю.Э. Реинтеграция Хорватии // UNIVERSUM: Общественные науки. Минск, 2021. № 11–12. С. 7–10.
7. Джилас А. Конфедерализация Югославии и демократические реформы (март 1986 г.)//Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Т. II: Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. СПб.: Алетейя, 2013. С. 734–737.
8. История государственности Хорватии // Публикация Посольства Российской Федерации в Республике Хорватии. URL: <https://croatia.mid.ru/ru/countries/croatia/croatia-history/>(дата обращения:26.06.2026).
9. Конституция Хорватии (Республики Хорватия). URL:<https://legalns.com/download/books/cons/croatia.pdf>.
10. Объявили хорватов арийцами: как к власти пришёл режим усташей. URL: https://www.gazeta.ru/science/2021/04/15_a_13558868.shtml.
11. Одна из крупнейших этнических чисток в современной истории Европы»: как была ликвидирована Республики Сербская Краина. URL: <https://russian.rt.com/science/article/769615-25-let-operaciya-burya>.
12. Пивоваренко А.А. Становление государственности в современной Хорватии (1990–2001 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 313 с.

13. Пивоваренко А. А. Хорватия: история, политика, идеология. Конец XX – начало XXI века. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. 408 с.
14. Растегаев Д.О. Дилемма этнической безопасности как аналитическая модель конфликтности: пример гражданской войны в Хорватии (1990–1995) // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. Т. 18. № 1. С. 50–60.
15. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 9 февраля 1995 г. A/RES/49/43 URL:<https://ww12.unhcr.ch/Huridocda/Huridoca.nsf/TestFrame/3feb9ee66c4dad69802567ba00335341?Opendocument&usid=25&utid=10541056782>.
16. Резолюция Совета Безопасности ООН от 22.11.1995. URL:[https://docs.un.org/ru/S/RES/1023\(1995\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/1023(1995)).
17. Трухачев В. «Хорватская весна»: пролог к распаду Югославии // Балканист. URL: <https://balkanist.ru/horvatskaya-vesna-prolog-k-razvalu-yugoslavii/>.
18. Усташи: преступления без наказания // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/38179>.
19. Фрейдзон В.И. Габсбурги и Хорватия во второй половине XIX в.: Анте Старчевич и идея национального суверенитета // Славянский альманах: 1999. М., 2000. С. 88–99.
20. Фрейдзон В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб.: Алетея, 2002. 298 с.
21. Engelberg S. Belgrades end stroop sto Croatiatown. URL: <https://www.nytimes.com/1991/03/03/world/belgrade-sends-troops-to-croatia-town.html?ref=croatia>.
22. Magas B. Croatia Through History: The Making of a European State. L.: Saqi Books. 743 p.
23. Marinković M. Yugoslavia disappears, mixed marriages disappear// International Youth Magazine. URL: <https://tymagazine.net/content/yugoslavia-disappears-mixed-marriages-disappear/>.
24. Marjan D. Oluja. Zagreb, 2007. 445 s.
25. Serbs refuse to negotiate in Croatia. URL: <https://www.nytimes.com/1991/08/05/world/serbs-refuse-to-negotiate-in-croatia.html>.
26. Starčević A. Ime Srba. Zagrab, 1862. 160 s.
27. Starčević A. Narodno pravo. Zagrab, 1873. 300 s.

REFERENCES

1. Adamishin A.L. Yugoslav Prelude. Where Modern Approaches to a “Peaceful Settlement” Began // Russia in Global Affairs, No. 4. Moscow, 2013. P. 8-21.
2. Belyakov S.S. Genocide of the Serbian people in the independent state of Croatia // VoenKom: Military commentator. 2002. No. 1 (3). p 77–80.
3. Belyakov S.S. The Ideology of the Ustasha Movement as a Historical Form of Croatian Ethnic Nationalism (1929–1945) // Abstract of the dissertation for the degree of PhD in History. p. 24.
4. Guskov E.Y. History of the Yugoslav Crisis (1990–2000). Moscow: Russkoe Pravo; Russian National Fund, 2001. p. 720.
5. Guskova E.Y. Independent Croatia with Independent Serbs // Yugoslavia in the 20th Century: Essays on Political History / K.V. Nikiforov (ed.), A.I. Filimonova, A.L. Shemyakin, et al. Moscow, 2011. p.801.
6. Demyanovich, Y.E. The Reintegration of Croatia // UNIVERSUM: Social Sciences No. 11-12. Minsk, 2021. p.7–10.
7. Djilas A. Confederalization of Yugoslavia and Democratic Reforms (March 1986) // Anatomy of Conflicts. Central and South-Eastern Europe. Documents and Materials of

the Last Third of the 20th Century. Vol. II: The Second Half of the 1980s – Early 1990s. St. Petersburg: Aleteya, 2013. 864 p.

8. History of Croatian statehood // Publication of the Embassy of the Russian Federation in the Republic of Croatia. URL: <https://croatia.mid.ru/ru/countries/croatia/croatia-history/>.

9. Constitution of Croatia (Republic of Croatia). URL: <https://legalns.com/download/books/cons/croatia.pdf>.

10. Declared the Croats to be Aryans: How the Ustasha regime came to power. URL: https://www.gazeta.ru/science/2021/04/15_a_13558868.shtml.

11. One of the largest ethnic cleansings in modern European history": How the Republic of Serbian Krajina was liquidated. URL: <https://russian.rt.com/science/article/769615-25-let-operaciya-burya>.

12. Pivovarenko A.A. The Formation of Statehood in Modern Croatia (1990–2001). Dissertations for the PhD in History. Moscow, 2015. 313 p.

13. Pivovarenko A. A. Croatia: History, Politics, Ideology. Late 20th – Early 21st Century. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2017. 408 p.

14. Rastegaev D. O. The Ethnic Security Dilemma as an Analytical Model of Conflict: The Case of the Civil War in Croatia (1990–1995) // Bulletin of Perm University. Political Science. 2024. Vol. 18. No. 1. p.50–60.

15. UN General Assembly Resolution of 9 February 1995. URL: <https://www.unhcr.org/refugees/HR/Huridocda/Huridoca.nsf/TestFrame/3feb9ee66c4dad69802567ba00335341?OpenDocument&usid=25&utid=10541056782>.

16. UN Security Council Resolution of 22.11.1995. URL: [https://docs.un.org/r/S/RES/1023\(1995\)](https://docs.un.org/r/S/RES/1023(1995)).

17. Trukhachev V. "The Croatian Spring": Prologue to the Collapse of Yugoslavia // Balkanist. URL: <https://balkanist.ru/horvatskaya-vesna-prolog-k-razvalu-yugoslavii/>.

18. Ustaše: Crimes Without Punishment // International Affairs. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/38179>.

19. Freidzon V.I. The Habsburgs and Croatia in the Second Half of the 19th Century: Ante Starčević and the Idea of National Sovereignty // Slavic Almanac: 1999. Moscow, 2000. pp. 88–99.

20. Freidzon V.I. History of Croatia. A Brief Essay from Ancient Times to the Formation of the Republic (1991). St. Petersburg: Aleteia. 2001. 298 p.

21. Engelberg S. Belgrade sends troops to Croatia town. URL: <https://www.nytimes.com/1991/03/03/world/belgrade-sends-troops-to-croatia-town.html?ref=croatia>.

22. Magaš B. Croatia Through History: The Making of a European State. L.: Saqi Books. 743 p.

23. Marinković M. Yugoslavia disappears, mixed marriages disappear// International Youth Magazine. URL: <https://tymagazine.net/content/yugoslavia-disappears-mixed-marriages-disappear/>.

24. Marjan D. Oluja. Zagreb, 2007. 445 s.

25. Serbs refuse to negotiate in Croatia. URL: <https://www.nytimes.com/1991/08/05/world/serbs-refuse-to-negotiate-in-croatia.html>.

26. StarčevićA. Ime Srba. Zagreb, 1862. 160 s.

27. StarčevićA. Narodno pravo. Zagreb, 1873. 300 s.

Сведения об авторах

Ратушняк Олег Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный

университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация,
oleg_ratushnyak@mail.ru, orcid.org/0000-0001-9285-3649

Выстороп Роман Сергеевич, аспирант кафедры всеобщей истории и
международных отношений, Кубанский государственный университет,
ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация,
roma521200@gmail.com

About the Authors

Oleg Valerievich Ratushnyak, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of General History and International Relations, Kuban State
University, 149 Stavropolskaya Street, 350040 Krasnodar, Russian Federation,
oleg_ratushnyak@mail.ru, orcid.org/0000-0001-9285-3649

Vystorop Roman Sergeevich, Postgraduate Student of the Department of General
History and International Relations, Kuban State University, 149 Stavropolskaya Street,
350040 Krasnodar, Russian Federation, roma521200@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА ПОЛА НА ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯПОНИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Назарова Вероника Вячеславовна

Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир, Россия
senaza2@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию многогранного влияния гендерных различий на эволюцию и современное состояние японского языка, рассматриваемого через призму социально-исторического развития. Отмечается, что, несмотря на ряд исследований, посвященных вопросам гендерной лингвистики, комплексный анализ динамики языковых норм и практик, обусловленных полом, в японском обществе требует дальнейшего углубления. Исторический экскурс охватывает периоды, когда языковые нормы, связанные с полом, были более ярко выражены и институционализированы. Исследуются архаические формы японского языка, где различия в речи мужчин и женщин зачастую были закреплены в грамматических и лексических особенностях, отражая строгую социальную иерархию. Подчеркивается, как социальные и культурные трансформации, включая модернизацию и западное влияние, постепенно размывали эти жесткие рамки, но не упразднили их полностью. В современном контексте статья анализирует сохраняющиеся, а также новые формы языковых расхождений между полами. Рассматриваются такие явления, как использование частиц вежливости, выбор лексики, грамматические конструкции и даже интонационные особенности, которые могут коррелировать с гендером говорящего. Особое внимание уделяется влиянию медиа, интернет-коммуникаций и изменений в гендерных ролях на языковые практики. Также исследуются социально-психологические аспекты, связанные с усвоением и поддержанием полоролевых языковых стереотипов. В заключение делается вывод, что фактор пола остается значимым, хотя и изменяющимся, элементом, формирующим языковой ландшафт Японии, и дальнейшее изучение этого феномена позволит глубже понять динамику языка и общества.

Ключевые слова: «женская речь», дискриминация, гендер, языковая сегрегация, Япония.

Для цитирования: Назарова В.В. Влияние фактора пола на языковые особенности Японии: история и современность (социально-исторический аспект) // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 2. С. 103–113.

THE INFLUENCE OF THE GENDER FACTOR ON THE LANGUAGE FEATURES OF JAPAN: HISTORY AND MODERNITY (SOCIO-HISTORICAL ASPECT)

Nazarova Veronika Vyacheslavovna
Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia
senaza@yandex.ru

Summary. This article explores the multifaceted influence of gender differences on the evolution and current state of the Japanese language, viewed through the lens of socio-historical development. It is noted that, despite a number of studies devoted to gender linguistics, a comprehensive analysis of the dynamics of gender-specific linguistic norms and practices in Japanese society requires further in-depth analysis. The historical review covers periods when gender-specific linguistic norms were more pronounced and institutionalized. Archaic forms of the Japanese language are examined, where differences in male and female speech were often entrenched in grammatical and lexical features, reflecting a strict social hierarchy. It emphasizes how social and cultural transformations, including modernization and Western influence, gradually blurred these rigid boundaries but did not completely eliminate them. In the contemporary context, the article analyzes persistent as well as emerging forms of linguistic divergence between the sexes. Phenomena such as the use of polite particles, vocabulary choice, grammatical constructions, and even intonation patterns that may correlate with the speaker's gender are examined. Particular attention is paid to the influence of media, online communications, and changing gender roles on linguistic practices. The socio-psychological aspects associated with the acquisition and maintenance of gender-role linguistic stereotypes are also explored. The conclusion is that gender remains a significant, albeit changing, element shaping the Japanese linguistic landscape, and further study of this phenomenon will provide a deeper understanding of the dynamics of language and society.

Key words: «women's speech», discrimination, gender, language segregation, Japan.

For citation: *Nazarova V.V. The Influence of Gender on the Linguistic Features of Japan: History and Modernity (Socio-Historical Aspect). Journal of the Kuban State University Historical Sciences, 2026, no. 2, p103–113.*

Введение

В японском языке существуют гендерные различия в выборе лексических единиц, структуры предложения и тона голоса. Это связано с социальными и историческими факторами, например, с положением женщин в японском обществе в разные исторические эпохи. Общество через язык предоставляет разные возможности полам, при этом возможность у женщины ниже, чем у мужчины. Исследование темы актуально с точки зрения описания японского языка в социально-историческом контексте, учитывающем эволюцию полоролевых отношений в японском обществе. Анализ языковых гендерных особенностей также помогает выявить специфику менталитета народа, способствует лучшему пониманию культуры.

Особенностями мужской и женской речи занимаются учёные самых различных областей: лингвисты, историки, социологи, политологи, экономисты и др. В связи с междисциплинарным характером заявленной в статье темы существует обширный пласт источников и научной литературы, затрагивающих различные аспекты интересующей нас проблемы.

Так, Дж. Аракава исследует отражение социального статуса женщины в японской иероглифике, рассматривая такие иероглифы, как дочь, невестка, жена, мать и др. [1].

Стоит выделить диссертационное исследование Наталии Крнета «Мужская и женская речь в современном японском языке» [3]. Особое внимание автор уделяет анализу средневековой «дамской речи».

О.М. Яцук проводит сравнительный анализ японских мужских и женских местоимений, частиц и междометий в диахроническом аспекте (на материале художественных текстов) [10].

С позиции гендерного подхода женскую речь исследует Р. Лакофф. Использование феминистского дискурса позволяет провести параллели японской женской речи с речевыми практиками других народов [4].

В статье уделяется внимание литературным источникам Японии. Например, анализируется произведение Сэй-Сёнагон «Записки у изголовья» [6].

Для изучения влияния фактора пола на языковые особенности Японии в статье используются следующие научные принципы и методологические подходы: основу исследования составили принципы историзма и социально-культурной обусловленности, которые позволили добиться более глубокого осмысления содержательных и выразительных аспектов отражения гендерного фактора в японской речи. Также были использованы общенаучные и специально-исторические методы научного познания. Принцип объективности предполагает изучение исторической реальности, привлекая к анализу исторические факты. Учёт культурного и общественного контекста позволил рассмотреть влияние разделения общественных ролей на формирование «мужского» и «женского» языков, выявить, какие изменения в речи происходят в связи с эмансипацией японского общества.

Для выявления причинно-следственных связей и закономерностей развития речевого процесса был использован историко-генетический метод. При рассмотрении языковых средств использовался нетрадиционный исторический метод исследования: лингвистический. Принцип системности помог провести анализ изменений в японской речи. Например, анализ социологических исследований, анкет, выявляющих особенности мужской и женской речи (обращения внутри семьи, использование заключительных модально-экспрессивных частиц и др.).

Цель исследования заключается в определении влияния фактора пола на языковые особенности Японии в социально-историческом аспекте.

Для реализации поставленной цели в статье решаются следующие исследовательские задачи: изучить новые тенденции в японском языке и факторы, влияющие на эти изменения, а также обозначить эффект исторической эпохи и её социально-экономического, культурного и политического пространства на мужскую и женскую речь; изучить, насколько социальный статус, который оказывал сильное воздействие на развитие языка в течение истории, продолжает влиять на выбор языковых форм в современном обществе.

При этом важно учитывать, что женская и мужская речь не являются замкнутыми языковыми системами. Пол – один из многих факторов, влияющих на выбор нужной языковой формы.

Основная часть

В современной науке особое внимание стало уделяться языковым практикам в обществе. Язык, уходя своими корнями глубоко в историю, отражает менталитет народа, формирует особое общественное мировоззрение, но при этом развивается вместе с обществом, что приводит к выводу о «живой природе» языка. Данная проблема стала объектом исследования не только филологов, но и социологов, политологов и, конечно же, историков.

Можно ли считать язык народа гендерно нейтральным или в языковом пласте как нельзя лучше нашли проявления проблемы гендерной сегрегации и стереотипов («онна котоба» (女言葉, «женская речь») или «дзёсэйго» (女性語, «женский язык»)? Сталкиваемся ли мы с феноменом влияния пола на нашу речь и общение? Находит ли данное влияние проявление в искусстве (кинематографе, литературе, анимэ и т.д.)?

Исследовательница А. Вранич делает интересное замечание по поводу «женского японского языка»: «Почти с самого начала моего изучения японского языка меня проинструктировали использовать определенные лингвистические элементы, соответствующие моему полу, с чем я ранее не сталкивалась при изучении других языков» [12].

Действительно, на протяжении тысячелетий японский язык соотносился с такими факторами, как социальные роли, возраст, социальные ожидания, нормы и, возможно, самое главное, идентичность и пол.

Существуют два пола (мужской и женский) и два гендера (мужественный и женственный), что не могло не отразиться в японском языке, в условиях развития патриархального общества. «Оннарасий» (女らし) («женственный») – ассоциируется с ожиданиями общества о женском поведении, в том числе включая и женские формы в речи. Японки используют больше вежливых конструкций (вежливая речь «тэйнэйго») и

особые «женские слова» [11, p.189; 193]. Японки используют женственные местоимения, опускают сказуемое «да», оканчивают предложения на «ва». Также в обиходе вежливые префиксы «о-» и «го-» [10, с.229].

«Мужской» способ поведения – «отокорасий» (男らしい) («мужественный»). Для него характерны: замена сказуемого «дэсу» на «да», мужские окончания, более лаконичная и грубая речь, подчёркивание маскулинности.

Отметим, что не только в японском языке сильно проявляется гендерный фактор. Определённые особенности обращения к мужчине и женщине, а также обозначение своего статуса существует во многих языках. В любом обществе существуют и поддерживаются два языка, два стиля общения: грубый – для мальчиков-мужчин и мягкий для девочек-женщин. Нарушение языковых практик осуждается обществом, которое ожидает от каждого пола особое поведение и жизненную стратегию. Несмотря на то что в современном обществе стали нивелироваться многие «сегрегационные» и «дискриминационные» по полу проявления, нельзя считать, что они исчезли из нашей жизни. Так, мы более строго реагируем на нецензурные выражения среди девочек, чем среди мальчиков. К интересным выводам пришла американская исследовательница Р. Лакофф: «если маленькая девочка будет говорить так же невежливо, как мальчик, то, как правило, её высмеют, будут бранить» [4, с.784], т. е. у неё женский склад ума, а поэтому, чтобы достичь карьерных высот, женщине необходимо прикладывать больше усилий и доказывать, что она обладает мужским характером, который во многом также проявляется в речи и стиле поведения.

В Японии малыши обоих полов до пяти лет употребляют особые частицы, которые используют в своей речи женщины, а потом мальчиков начинают высмеивать, если они употребляют эти «женские» частицы, и в дальнейшем они перестают их использовать. По мнению Р. Лакофф, это не гуманно, так как общество через язык предоставляет разные возможности полам, при этом возможность у женщины ниже, чем у мужчины [4, с.785]. Работа Р. Лакофф стала основополагающей в феминистской критике языка. Многочисленные исследования обозначили проблему языковой асимметрии, получившей название «языковой сексизм». В данном разрезе особый интерес представляют восточные общества, в том числе и японское, где ярко выражены женская речь и язык.

В китайской традиции «субстанции инь и ян представляют собой путь — дао неба и земли. Субстанция ян рождает, а субстанция инь взращивает» [7, с.31]. Инь и ян должны быть в гармонии, данная гармония – основа всего мироздания, в том числе и самого человека. Мужское начало должно быть активным, а женское начало пассивным. Исходя из данных представлений складывались и представления не только в китайском, но и японском обществе о женской природе и её предназначении. Эти представления

находили воплощение в иероглифическом письме и в речевых особенностях.

Каждый иероглиф в японском языке имеет свое начертание, чтение и значение. Иероглиф «мужчина» внешне состоит из двух элементов: «поле» («рисовое поле») вверху и «сила» («мощь») внизу (男). Сочетание элементов «поле» и «сила» имеет определённый символизм. Древнее написание элемента «сила» больше напоминало лопату или вилы, а поле и лопата — это земледелие. В древнем Китае и Японии именно мужчины были земледельцами и занимались растениеводством и животноводством.

Иероглиф «женщина» (онна) состоит из одного элемента (女). Древнее написание иероглифа напоминает женщину, сидящую на коленях и сложившую руки на груди. Такая поза — знак покорности своему отцу, мужу, осознания долга перед ними.

Данный иероглиф является частью другого иероглифа. Мусумэ (娘), что значит дочь, и по иероглифу можно узнать, что дочери надо быть хорошей. Ёмэ (嫁) означает невестка, и этот иероглиф составляется из слов «женщина» и «дом», т. е. если девушка вышла замуж «ёме ни ику» (嫁に行), то она ушла из своей семьи и стала членом семьи мужа. Мэтору (娶る) со стороны мужа означает взять кого-то в жёны. Этот иероглиф состоит из понятий «женщина» и «взять». Когда речь заходит о недостатке человека, то многие слова также связаны с женщиной: мэмэ сии (女々しい), онна но кусатта ёна (女の腐ったような) — выражения, оскорбительные для японских мужчин (первое означает женоподобный, т. е. слабый, изнеженный, а второе — испорченная женщина, т. е. трусишка или слабохарактерный). В русском языке есть понятие «подкаблучник», аналог японского «под задом у жены» (сири ни сика-рэта /尻に敷かれた). Когда девушка вышла замуж, то люди называют её окусан (奥さん). Оку (奥) означает дальняя часть или глубина, так как в средневековой Японии жена феодала жила в комнате в самой глубине дома, отсюда такое и название. Когда муж рассказывает кому-то о жене, то он называет её канай (家内) («человек, который находится дома») или нёбо (女房) («комната, где слуги женщины жили во дворе») [1].

Японское общество пошло по пути «японизации» китайской письменности, приспособивая её к особенностям своей речи и своим нуждам. Так возникли хирагана (ひらがな) и катакана (カタカナ), которые использовались как самостоятельно, так и в сочетании с иероглифами (источник был манъёгана (万葉仮名), ранняя форма японской письменности

(V в. н. э.), в которой японские слова записывались схожими по звучанию китайскими иероглифами).

В X в. начинается расцвет литературы на японском языке (эпоха Хэйан). Особая роль в развитии прозаической литературы на японском языке принадлежала японкам аристократического круга. Мужчины продолжали писать чаще всего по-китайски (исключение – японская поэзия вака), поэтому иероглифы в обиходе получили название «мужского письма». Изначально хираганой пользовались преимущественно знатные женщины, так как у них давно уже была потребность в собственном письме, ведь иероглифическое письмо было «привилегией» мужчин. Интересный факт отмечают большинство исследователей. Запрет на знание иероглифов существовал не на официальном уровне, а больше на «бытовом». Японские мужчины были сторонниками того, что женский ум не должен быть «испорчен» интеллектом (по их убеждению это приводило к изменению характера не в лучшую сторону, развивало мужское начало в женщине, нарушало гармонию в отношениях) [2, с. 225]. Если узнавали, что придворная дама владеет иероглификой, то её считали «испорченной», не случайно образованные женщины старались скрыть данный факт, некоторые писали под мужским псевдонимом. Например, Мурасаки Сикибу автор романа-эпопеи «Гендзи моногатари» (源氏物語) очень хорошо понимала последствия для своего положения в обществе, если бы стало известно о её владении иероглификой. Она боялась быть осмеянной и подвергнуться остракизму в высших кругах, хотя её труд приобрёл популярность в обществе. Хирагана – упрощённое письмо, а поэтому доступное для женщин без опасения стать посмешищем в японском обществе, т. е. письмо, соответствующее интеллектуальным способностям женщины, по мнению японского общества. Хирагана использовалась японками и в бытовой переписке. Таким образом, хирагану стали называть онна дэ (女手), что означало «женское письмо», а китайские иероглифы – отоко дэ (男手) — «мужское письмо».

С. Кикусава исследовал нёбо: котоба «дамскую речь» и выявил её особенности. Он утверждал, что речь средневековых аристократок отличалась большим количеством вежливых форм, использованием «изысканных» и «красивых» выражений, употреблением косвенной речи и эвфемизмов, малым количеством «канго» (слов китайского происхождения) [цит. по: 3, с. 14]. Данная оценка нашла отражение в представлениях многих лингвистов о речи современных японских женщин.

Данные различия отмечали и сами аристократки. Сэй Сёнагон писала в «Записках у изголовья»: «Случается, что люди называют одно и то же разными именами. Слова не схожи, а смысл один. Речь буддийского монаха. Речь мужчины. Речь женщины» [6, с. 29].

Усиление влияния процесса вестернизации на развитие японского общества имеет и свои лингвистические особенности в контексте гендера. В статье Е.Л. Фроловой «Термины родства в функции обозначения супругов в японской семье» исследуются особенности обращений супругов в японской семье. Автор проводит анализ употребления терминов родства со значением «муж» и «жена» в функции прямого обращения и функции косвенного обозначения супруга/супруги в беседе с третьими лицами. Проследивая историю отдельных обращений с XIX в. до наших дней, опираясь на данные социологических опросов в Японии, исследовательница выявляет, что среди молодого населения быстрее отмирают некоторые устаревшие формы обращения к партнёру, входят в обиход и европейские заимствования (папа/мама – дети к родителям, дорогой/дорогая; любимый/любимая и т.д.). Среди старшего поколения от 40 и выше уважительные формы встречаются чаще. Также был сделан интересный вывод о том, что, «преобладание «ролевых обращений» ото:сан («господин отец», «отец», «папочка») и ока:сан («госпожа мать», «мать», «человек, который разделяет с тобой обязанности по уходу за детьми», «мамочка») в японских семьях свидетельствует, что после рождения ребёнка супруги воспринимают и позиционируют друг друга не столько как супруги, сколько как родители, и эта социальная роль им представляется более значимой» [8].

Итак, «языковой сексизм» можно рассматривать как минимум в трёх основных аспектах: 1) анализ того, как обозначается женщина в языке и как отношение к ней проявляется в языке; 2) анализ того, как женщины говорят; 3) анализ того, какую коммуникативную стратегию используют женщины в общении.

Нельзя не обратить внимания на то, что большинство исследователей отмечают распространение в современной Японии «гендерно нейтральной» речи (явление было названо тю:сэйка «нивелировка»). Указывается на постепенное исчезновение различий между мужской и женской речью (процесс, начавшийся ещё в 1960-е гг.). Отношение исследователей к этим языковым изменениям неоднозначно. Одни считают, что японский язык в результате становится бедным, теряет часть своей культуры, неповторимости и особой красоты (С. Масимо [13], С. Оиси [16], А. Танака [17]). Другие приветствуют данное явление и относятся к нему как к доказательству равноправия полов в современном японском обществе (Ц. Мацумото [14], М. Накамура [15] и др.).

Многие современные японки хотят реального гендерного равноправия, чтобы общество относилось к ним как самостоятельным личностям, а не как жене и матери. Женщины стали выступать против традиционной системы именовании как в семье, так и вне её пределов (идёт борьба с названием мужа «хозяин», с такими словами, как *skuju* /«хозяйка»; *miboojin* /«вдова» («ещё не умершая»); *bijin* /«красавица» и др.). Многие молодые японки начинают называть мужа по имени. Японские феминистки активно поднимают проблему гендерной языковой дискриминации. Они

выступают против «женственности» и «мужественности», отстаивая право на проявление «самости» [9, с. 96]. В результате этой борьбы стали исчезать или переходить в разряд устаревших некоторые названия женщин, что проявилось не только на бытовом уровне и в общении, но и нашло отражение на телевидении, в манге, в современной литературе, газетах и т.д. Особенно остро идёт борьба в обозначении профессиональной деятельности, например, полицейский /полицейский-женщина или «полицейская»? профессор /профессор-женщина или «профессорша»? Должна ли быть речь гендерно-нейтральной? И почему в таком случае чаще всего нейтральное подменяется «мужским». Почему мужчин ассоциируют с профессиональной деятельностью или должностью, а женщин с семьёй, даже после смерти? (до последнего времени некрологи именно писались по этому принципу: shi — для мужчин, а для женщин – san; сейчас нейтрально, так как shi многие ведущие японские газеты упразднили. Теперь и к мужчинам, и к женщинам употребляется san).

Данные языковые новшества связаны с тем, что в Японии меняются облик и стиль жизни японской женщины, многие начинают осваивать мужские профессии и строить собственную карьеру, не ограничивая себя рамками традиционных занятий и семейной сферой. Многие японки становятся экономически независимыми [5].

Заключение

Итак, современное японское общество меняется, на официальном уровне поддерживается политика гендерного равенства, в стране развито феминистское движение, что определило не только изменения отношения к женщинам и японок к самим себе, но и серьёзные сдвиги в языковой практике японского общества. Тем не менее, до полного равенства полов (если оно вообще возможно) ещё долгий путь и наличие языковой сегрегации является тому подтверждением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аракава Дж. Отражение социального статуса женщины в японской иероглифике. URL: <https://www.jp-club.ru/otrazhenie-sotsialnogo-statusa-zhenschinyi-v-yaponskoy-ieroglifike/>.
2. Горегляд В.Н. Рукописная книга в культуре Японии // Рукописная книга в культуре народов Востока (очерки). М.: Главная редакция восточной литературы, 1988. Кн. 2. С. 223–270.
3. Крнета Н. Мужская и женская речь в современном японском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 159 с.
4. Лакофф Р. Язык и место женщины // Введение в гендерные исследования: хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. Ч. II. С. 784–798.
5. Назарова В.В. Гендерные отношения в японском обществе во второй половине XX века: монография. Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2007. 251 с.

6. Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья. М.: Художественная литература, 1988. 477 с.
7. Трактат Жёлтого императора о внутреннем. Ч. 1: Вопросы о простейшем. М.: «Профит Стайл», 2007. 384 с.
8. Фролова Е.Л. Термины родства в функции обозначения супругов в японской семье. URL: <https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/6465/20.pdf>.
9. Хеллингс М. Контрастивная феминистская лингвистика // Феминизм и гендерные исследования: хрестоматия. Тверь: Алексей Ушаков и К°, 1999. С.91–98.
10. Яцук О.М. О японских мужских и женских местоимениях, частицах и междометиях в диахроническом аспекте (на материале художественных текстов) // Актуальные проблемы востоковедения: сборник научных трудов по итогам работы VIII Междунар. науч.-практ. конф. по востоковедению. Хабаровск: Издательство Тихоокеанский государственный университет, 2019. Вып. 8. С.228–233.
11. Sasaki, Mizue. *Otoko to onna no nihongojiten*. Vol. 1-2. Tokyo: Tookyoodoo, 2000–2003.
12. Vranic, A. Japanese Women's Language Identity, gender, and real language use in contrast to language ideology. EAL4090 Master's Thesis in East Asian Linguistics 60 credits Fall 2013. UNIVERSITY OF OSLO Department of Culture Studies and Oriental Languages November 18, 2013. /URL: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/38807/Vranic-Master.pdf?sequence=1> (дата обращения: 11.02.2026).
13. Масимо С., Дзёсэйго дзитэн (Словарь женской речи), То:кё:до:, 1994.
14. Мацумото Ц., Онна котобаси (Записки о женской речи), Осуямакаку, 1986.
15. Накамура М., Гэнго то дзэнда: кэнкю: (исследование связи языка и пола) // Асахи симбун, 1997.
16. Оиси С., Гэндай кэйго кэнкю: (исследование современной вежливой речи), Тикума бунко:, 1983.
17. Танака А., Нихонго но исо: то исо:са (японский язык – стили и стилевые различия), Мэйдзи сёин, 1999.

REFERENCES

1. Arakava Dzh. Otrazhenie social'nogo statusa zhenshchiny v yaponskoj ierog-lifike [Reflection of a woman's social status in Japanese hieroglyphs]. URL: <https://www.jp-club.ru/otrazhenie-sotsialnogo-statusa-zhenschinyi-v-yaponskoy-ieroglifike/>. (In Russian).
2. Goreglyad V.N. Rukopisnaya kniga v kul'ture YAponii [Handwritten book in Japanese culture]. Rukopisnaya kniga v kul'ture narodov Vostoka (ocherki). Kniga vtoraya. M.: Main editorial office of oriental literature. 1988. P.223-270. (In Russian).
3. Krneta N. Muzhskaya i zhenskaya rech' v sovremennom yaponskom yazyke. [Male and female speech in modern Japanese]. M., 2003. 159 p. (In Russian).
4. Lakoff R. YAzyk i mesto zhenshchiny [Language and a woman's place]. Vvedenie v gendernye issledovaniya. CH.II: Hrestomatiya. Kharkov: KhTSGI, 2001; SPb.: Aletheia, 2001. P.784-798. (In Russian).
5. Nazarova V.V. Gendernye otnosheniya v yaponskom obshchestve vo vtoroj polovine HKH veka. [Gender relations in Japanese society in the second half of the twentieth century]. Armavir: IP Shurygin V.E., 2007. 251 p. (In Russian).
6. Sej-Syonagon. Zapiski u izgolov'ya [Notes at the Headboard]. M.: "Profit Style", 2007. 384 p. (In Russian).
7. Traktat ZHyoltogo imperatora o vnutrennem. CHast' pervaya: Voprosy o prostejshem. [Treatise of the Yellow Emperor on the inner. Part one: Questions about the simplest]. M.: "Profit Style", 2007. 384 p. (In Russian).

8. Frolova E.L. Terminy rodstva v funkcii oboznacheniya suprugov v yaponskoj sem'e [Kinship terms as a function of designating spouses in a Japanese family]. URL: <https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/6465/20.pdf>. (In Russian).
9. Hellinger M. Kontrastivnaya feministskaya lingvistika [Contrastive feminist linguistics]. Feminizm i gendernye issledovaniya: Hrestomatiya. Tver: Alexey Usha-kov and Co., 1999. P.91-98. (In Russian).
10. YAcuk O.M. O yaponskih muzhskih i zhenskih mestoimeniyah, chasticah i mezhdometiyah v diahronicheskom aspekte (na materiale hudozhestvennyh tekstov) [On Japanese male and female pronouns, particles and interjections in the diachronic aspect (based on literary texts)]. Aktual'nye problemy vostokovedeniya. Sbornik nauchnyh trudov po itogam raboty VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii po vostokovedeniyu. Vypusk 8. Khabarovsk: Publishing house: Pacific State University, 2019. P.228-233. (In Russian).
11. Sasaki Mizue. Otoko to onna no nihongojiten. Vol. 1-2. Tokyo: Tookyoo-doo, 2000-2003.
12. Vranic A. Japanese Women's Language Identity, gender, and real language use in contrast to language ideology. EAL4090 Master's Thesis in East Asian Linguistics 60 credits Fall 2013. UNIVERSITY OF OSLO Department of Culture Studies and Oriental Languages November 18, 2013. URL: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/38807/Vranic-Master.pdf?sequence=1>.
13. Masimo S., Dzyosejgo dziten (Slovar' zhenskoj rechi), To:kyo:do:, 1994.
14. Macumoto C., Onna kotobasi (Zapiski o zhenskoj rechi), Osuyamakaku, 1986.
15. Nakamura M., Gengo to dzenda: kenkyu: (Issledovanie svyazi yazyka i pola) In Asahi simbun, 1997.
16. Oisi S., Gendaj keigo kenkyu: (Issledovanie sovremennoj vezhlivoj rechi), Tikuma bunko:, 1983.
17. Tanaka A., Nihongo no iso: to iso:sa (Yaponskij yazyk – stili i stilevye razli-chiya), Mejdzi syoin, 1999.

Сведения об авторе

Назарова Вероника Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Армавирский государственный педагогический университет, ул. Розы Люксембург, 159, 352901, г. Армавир, Российская Федерация, senaza2@yandex.ru, orcid.org/0000-0002-8473-2115

About the Author

Nazarova Veronika Vyacheslavovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and World History, Armavir State Pedagogical University, 159 Roza Lyuksemburg Street, 352901 Armavir, Russian Federation, senaza2@yandex.ru, orcid.org/0000-0002-8473-2115

СУИЦИД И ЕГО ПРОФИЛАКТИКА В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЛЕ СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И РОССИИ

Ткачева Татьяна Олеговна

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

totkacheva2002@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме возрастания прецедентов суицида в обществах стран Восточной Азии и России. Эмпирические исследования на основе контент-анализа и критического дискурс-анализа дают основание говорить о различном отношении к формированию суицидального поведения молодых людей Китая, Японии, Республики Корея и России ввиду различного восприятия актов самоубийства, связанных с различием ментальных, исторических и религиозных установок. Стратегии противодействия формированию суицидального поведения имеют страновые отличия. Теоретическая база исследования по различным направлениям изучения данного феномена разрабатывалась в исследованиях Э. Дюркгейма, Р. Мертон, Я.И. Гилинского, А.Г. Амбрумовой, Е.Б. Любова, П.Б. Зотова, Л.З. Трегубова, Г. Чхартишвили, А.Б. Лярского, В.Е. Квашиса, Т.А. Гоноховой, М.И. Кошеновой, В.И. Волоховой, В.А. Малышевой, Е.Р. Слободской, Б.С. Положий, Е.А. Панченко и др. Суицидальное поведение является неотъемлемой составляющей истории и культуры конкретного общества. При этом каждая общность формирует виды деятельности, присущие только ей. Так как самоубийство является общечеловеческим, общекультурным феноменом, то можно говорить о различном отношении к самоубийству, на которое влияют ментальные традиции, поведенческие стереотипы, передающиеся из поколения в поколение на различных уровнях социализации. В современном мире проблема профилактики суицидального поведения стала не только важным аспектом внутренней политики многих государств, столкнувшихся с беспрецедентным увеличением числа самоубийств, но и международной общественности.

Ключевые слова: суицидальное поведение, самоубийство, Россия, Китайская Народная Республика, Республика Корея, Япония, меры профилактики самоубийств, контент-анализ.

Для цитирования: Ткачева Т.О. Суицид и его профилактика в культурно-историческом поле стран Восточной Азии и России // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 2. С. 114–135.

SUICIDE AND ITS PREVENTION IN THE CULTURAL AND HISTORICAL FIELD OF THE COUNTRIES OF EAST ASIA AND RUSSIA

Tkacheva Tatyana Olegovna
Kuban State University, Krasnodar, Russia
totkacheva2002@gmail.com

Summary. The article is devoted to the problem of the increasing number of suicide cases in the societies of the countries of East Asia and Russia. Empirical studies based on content analysis and critical discourse analysis provide grounds to speak about different attitudes towards the formation of suicidal behavior of young people in China, Japan, the Republic of Korea and Russia in view of different perceptions of acts of suicide associated with different mental, historical and religious attitudes. Strategies for countering the development of suicidal behavior vary by country. The theoretical basis of research in various areas of the study of this phenomenon was developed in the studies of E. Durkheim, R. Merton, Ya.I. Gilinsky, A.G. Ambrumova, E.B. Lyubov, P.B. Zotov, L.Z. Tregubov, G. Chkhartishvili, A.B. Lyarsky, V.E. Kvashis, T.A. Gonokhova, M.I. Koshenova, V.I. Volokhova, V.A. Malysheva, E.R. Slobodskaya, B.S. Polozhii, E.A. Panchenko, etc. Suicidal behavior is an integral part of the history and culture of a particular society. At the same time, each community forms activities that are unique to it. Since suicide is a universal and cultural phenomenon, we can talk about different attitudes towards suicide, which are influenced by mental traditions and behavioral stereotypes that are passed down from generation to generation at various levels of socialization. In the modern world, the problem of suicide prevention has become not only an important aspect of the domestic policy of many countries that have faced an unprecedented increase in the number of suicides, but also an issue of international concern.

Key words: suicide behavior, suicide, Russia, People's Republic of China, Republic of Korea, Japan, suicide prevention measures, content analysis.

For citation: *Tkacheva T.O.* Suicide and Its Prevention in the Cultural and Historical Field of East Asian and Russian Countries. *Journal of the Kuban State University Historical Sciences*, 2026, no. 2, P. 115–136.

Введение

Суицидальное поведение представляет собой неотъемлемый компонент социокультурной системы конкретного общества. Поскольку культура аккумулирует все социально значимые формы человеческой активности, каждая культурная общность продуцирует специфические, уникальные модели поведения. Несмотря на универсальный характер суицида как общечеловеческого феномена, отношение к нему носит культурно-вариативный характер и детерминруется ментальными традициями, а также поведенческими стереотипами, транслируемыми из поколения в поколение через институты социализации. Именно в рамках данных трансгенерационных культурных механизмов формируются нормативно-ценностные установки, регулирующие восприятие и оценку суицидального поведения. В этой связи значимым элементом исследования

проблемы формирования суицидального поведения является анализ оценки общественным мнением общества актов самоубийства и факторов его воспроизводства с учетом социокультурного аспекта.

В текущем социокультурном контексте проблематика превенции суицидального поведения выступает не только приоритетным направлением внутренней политики ряда государств, столкнувшихся с беспрецедентной динамикой роста суицидальной активности, но и значимым элементом повестки международного сообщества. Комплексные интервенции и нормативно-методические рекомендации по минимизации рисков суицидальных практик разрабатываются как на международном уровне (структурами ООН, ВОЗ, ЮНИСЕФ), так и на национальном уровне с учетом локальной социокультурной специфики.

Особенности формирования суицидального поведения и методов профилактики представлены достаточно значительным количеством работ. В нашем исследовании были использованы труды Э. Дюркгейма, Я.И. Гишинского, Т.А. Хагурова, Р. Бенедикт, Т. Энтая, Ван Сюфэя, И. Хтроши, Е.Ю. Стрельцовой и др.

Эмпирическую базу исследования составили:

источники, отражающие становление и реализацию мер по профилактике суицидального поведения в странах Восточной Азии и России. Значительное количество документов представлены на японском и китайском языке:

– нормативно-правовые акты: Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р; Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2017–2022 гг.»; Распоряжение Правительства РФ от 26 апреля 2021 г. № 1058-р. Об утверждении комплекса мер до 2025 г. по совершенствованию системы профилактики суицида среди несовершеннолетних; Уголовный кодекс Российской Федерации; Уголовный кодекс Японии (на японском языке); Livelife: руководство для стран по предотвращению самоубийств; Основной закон о предотвращении самоубийств (Закон № 85 от 2006 г.) (на японском языке); 14-й пятилетний национальный план здравоохранения (на китайском языке); Закон Китайской Народной Республики о психическом здоровье (пересмотрен в 2018 г.) (на китайском языке);

– материалы собственного прикладного исследования (опросы, проведенный среди студентов Китая, Японии, Южной Кореи и России, интервьюирование представителей различных религиозных конфессий г. Краснодара. Опросы и интервьюирование позволили определить различное отношение к самоубийствам представителей различных стран и культурные особенности мотивации формирования суицидального поведения.

Методологическую базу составляет смешанный подход (mixed methods), с комбинированным применением процедуры количественного контент-анализа и интерпретированный критический дискурс-анализ.

Цель работы – выявить отношение к суицидальному поведению в ментальных традициях христианской России и культурах стран Восточной Азии и традиционные сценарии решений в кризисных ситуациях, меры профилактики самоубийств.

Поставлены задачи: проанализировать отношение к самоубийству в социокультурном контексте; на основе эмпирических данных выявить является ли «потеря лица»/«потеря чести» поводом для совершения суицида для современной молодежи из России и стран Восточной Азии; дать сравнительную характеристику профилактических мер по предупреждению суицидального поведения в России и странах Восточной Азии.

Основная часть

Отношение к самоубийствам в христианской традиции.

Суицидальное поведение выступает имманентным компонентом социокультурной системы конкретной социокультурной общности. Как справедливо отмечает Я. И. Гишинский: «Самоубийства в разных обществах и в различное время приобретали различную религиозную, нравственную и правовую оценку: от безусловного религиозного (у католиков, мусульман) и правового запрета (в дореволюционной России была предусмотрена уголовная ответственность за покушение на самоубийство) до ритуальных, социально одобряемых или же обязательных самоубийств (сати, сэппуку – харакири и т.п.)» [1, с.184].

С исторической точки зрения можно констатировать волнообразное развитие отношения к актам самоубийства. Если касаться европейской традиции, то начать следует с эллинистической традиции, согласно которой самоубийство считалось правом на свободу. В связи с этим будет справедливым утверждение Э. Дюркгейма, что «эволюция самоубийства выражается в волнообразных, последовательных и ясно различаемых движениях, совершающихся толчками, то усиливающимися, то приостанавливающимися, чтобы тотчас же начаться снова» [2, с.8].

В христианской традиции отношение к суициду эволюционировало. Первоначально христианская церковь относилась к суицидам благосклонно, так как это считалось достойным деянием среди первых христианских мучеников, которые подвергались гонениям. Но уже в 452 г. по решению Церковного собора в Арле самоубийство было объявлено вне закона.

Мы взяли интервью у представителей трех христианских конфессий – православия, католичества и армяно-апостольской церкви в г. Краснодаре. В отношении к суициду все были единодушны в том, что это греховное деяние, которое заслуживает безусловного осуждения. Наиболее

развернутое обоснование дал отец Вячеслав Клименко, иерей храма в честь иконы Божьей Матери «Целительница» г. Краснодара.

По его словам, православная традиция призывает называть всё своими словами. Суицид – слово, эмоционально не окрашенное, а вот самоубийство несет в себе негатив. Сама по себе табуированность, навешанность дополнительного страха, порой способствует решению проблемы. Самоубийство – это грех, причем грех двойной. Во-первых, совершается грех против святости жизни. Жизнь является святой, потому что ее дал бог. Во-вторых, человек создан по образу и подобию божьему. Цель человека – уподобиться богу. Значит, если отнимается любая человеческая жизнь, то происходит посягательство на этот божий образ, «это посягательство не только на человека, но и хула против бога» [3].

В случае, если произошло убийство, то у убийцы есть возможность искренне раскаяться в содеянном, оплакивать свой поступок, совершать благодеяния в надежде заслужить божье прощение. В случае самоубийства человек достигает состояния смерти, совершая грех, т.е. в случае самоубийства человек достигает момента суда его совести через совершение греха – хулы на бога и греха убийства. Здесь невозможно покаяние, невозможно прощение. Тем самым человек обрекает себя на муки, которые люди называют муками адскими.

Терминологически понятие ада сформировалось несколько позднее, в период позднего времени формирования христианства. Большую роль в этом отношении сыграл Данте Алигьери. В «Божественной комедии» он описывает в одном из кругов ада то, как себя там чувствуют самоубийцы [4, с. 55–60]. Когда он с Вергилием посещает некий лес, то спрашивает у Вергилия, что это за лес. Вергилий предлагает ему сломать ветвь. Из сломанной ветви терновника начинает проистекать кровь, раздается стон и дерево говорит, что он тот гордец, который осмелился поднять руку на самого господа бога и наши души. Это, конечно, художественное произведение, не догматическое учение, но оно иллюстрирует отношение христиан к самоубийцам. Их не отпевают, они не благословляются ни в храме, ни в домашней молитве людей. Таким образом, как показывает беседа с отцом Вячеславом, заповедь «не убий» имеет более глубокий смысл.

Подтверждением этого можно считать слова Фомы Аквинского, который подчеркивал, что самоубийство является смертным грехом, попыткой узурпировать власть бога над жизнью и смертью. Упрощенное восприятие этого постулата ведет к не восприятию самоубийства в качестве зла [5, с. 84].

Также негативно относится к самоубийству и католическая церковь. Настоятель храма св. Либория в г. Краснодаре отец Сергей отметил, что в Катехизисе Католической Церкви самоубийству посвящено несколько статей.

Из них видно, что самоубийство также позиционируется как двойной грех. Призывы к самоубийству, особенно молодежи, недопустимы как по религиозным, так и по нравственным законам.

Хотя проблема суицида, как выяснилось из интервью, стоит не так остро в армяно-апостольской конфессии [6]. Конечно же, этот акт осуждается, но в интервью с настоятелем Церкви Святых Саака и Месропа Армянской Апостольской Церкви Епархии Юга отцом Тер-Даниилом (Кукуян Вартан Григорьевич) был сделан акцент на том, что проблема самоубийства не стоит так остро у их прихожан, так как армяне – в основной своей массе – народ позитивный, не склонный к депрессиям [7]. Они сосредоточены на том, чтобы оставить после себя что-то достойное, вырастить и воспитать детей и внуков. Кроме того, у армян сильные семейно-родственные связи, что дает человеку поддержку в трудную минуту. Как справедливо отметил Я.И. Гишинский, наличие семьи – в целом антисуицидальный фактор [8, с. 357].

Отношение к суициду в восточноазиатской культуре.

Принципиально иная культурная константа отношения к самоубийству фиксируется в Японии. В широком спектре различного рода публикаций представителей японского социума нередко характеризуют как этнос с устойчиво высокой суицидальной активностью. Данная характеристика обладает определённой эмпирической обоснованностью. Несмотря на функциональное сосуществование в японском обществе различных христианских конфессий, данный факт не препятствует сохранению приверженности населения традиционным религиозным системам – синтоизму и буддизму, нормативно-ценностное влияние которых в современной японской социокультурной реальности остаётся значительным. Вероятно, именно этим обосновано отсутствие в рамках данной культурной парадигмы интерпретации суицида в категориях религиозного греха. В соответствии с буддийской традицией, смерть списывает человеку грехи, совершенные при жизни, и потомки не должны вспоминать о них. В современной общественной практике человек, искупивший вину ценой жизни, таким образом смывает с себя позорное пятно.

Согласно конфуцианству, которое долгое время являлось идеологической основой восточноазиатских стран, в японском варианте акцент был сделан на беззаветную преданность и верность своему господину, даже в ущерб интересам собственной семьи. Древние японские традиции самопожертвования и безусловной преданности под влиянием конфуцианских идей преобразовались в этическую систему поведения, выраженную в кодексе самурайской чести бусидо. Известный постулат Ямамото Цунэтомо «Я постиг, что Путь самурая – это смерть» стал на долгое время руководством к действию, первоначально для военной аристократии, а затем распространился на все слои японского общества [9, с. 312].

Снисходительное отношение к самоубийству сохраняется и в наше время. Достаточно широко распространено мнение, что достойная смерть лучше, чем недостойная жизнь [10].

По свидетельству Томомацу Энтая, в большинстве своем японцы прибегают к самоубийствам по причинам общечеловеческого характера, но довольно часто счеты с жизнью носят национальную окраску, что позволяет говорить о «суициде с японским лицом» [11].

«Потеря лица» и неразрывно связанная с ней «культура стыда» являются теми причинами, которые определяют особенности японской суицидальности. Именно стыд за общественное порицание заставляет японцев вести себя в соответствии с общепринятой этической конструкцией [12].

«Потеря лица» является причиной так называемых «почетных самоубийств» (инсэкидзисацу), к которым прибегают высокопоставленные чиновники. Например, самое известное самоубийство японского писателя, неоднократного номинанта Нобелевской премии, Юкио Мисима. Он покончил жизнь самоубийством в соответствии с классическими средневековыми канонами. Причин ритуализованного самоубийства называют несколько, но главной считают протест Мисима против «культурной колонизации» Японии западом [13, с. 45–62]. Он совершил сэпуку (харакири). Но это уже отживший японский способ самоубийства, поэтому изредка происходящие такие случаи становятся объектом пристального внимания общественности и носят характер сенсации.

Более поздним примером «почетного самоубийства» можно считать смерть в 2001 г. дзюдоиста, Олимпийского чемпиона Исао Инокума. Закончив спортивную карьеру, Инокума основал строительную компанию. В конце 1990-х гг. в Японии разразился экономический кризис, который серьезно подорвал финансовое положение компании. Инокума воспринял банкротство как потерю чести, так как в японской деловой этике руководитель несет персональную ответственность за неспособность исполнить взятые на себя обязательства. Воспитанный в традиции бусидо, Инокума способом искупления вины и спасением чести избрал смерть в традициях кодекса самураев. Способ его самоубийства не был классическим сэпуку, но по духу и мотивации акт был детерминирован культурой ответственности и чести.

Другой, чисто японской, причиной самоубийства, и в настоящее время самой распространенной, аналитики называют «кароси» – смерть от переутомления на работе. В 2017 г. «кароси» было названо официальной причиной смерти почти 200 человек (в предыдущие годы такое число жертв было равно суммарной статистике за 2–3 года).

Наличие работы для современного японца является самым главным в жизни, а ее потеря – равнозначна невероятной трагедии. Как утверждает статистика, более 65% самоубийц покончили с жизнью из-за переработок, потери работы и невозможности найти новую.

Специалисты часто говорят о том, что суицид – это достаточно часто спонтанное решение, принимаемое в состоянии аффекта. Но это утверждение не про Японию. Отличительной особенностью практически всех видов самоубийств в Японии является тщательная подготовка к этому акту.

Самым популярным местом для самоубийств в Японии является национальный парк Аокигахара. Место прекрасное по своей величественности, находящееся рядом с легендарным вулканом Фудзи, имеет дурную репутацию. Издревле оно считалось обиталищем злых духов и демонов. Возможно, самоубийства имели место в этом лесу, но массовое паломничество тех, кто решил расстаться с жизнью, началось во второй половине XX в. В 1960 г. вышла книга Сэйтё Мацумото «Пагода волн». В ней главная героиня покончила с собой в этом лесу. По сюжету её призрак навсегда остался бродить по тропинкам. Это послужило поводом для взлета сомнительной популярности Аокигахара. Окончательно назначил местом смерти парк автор бестселлера «Полное руководство по самоубийству» Ватару Цуруми. Он назвал Аокигахару «прекрасным местом, чтобы умереть». В Японии купили больше 1,2 млн экземпляров, и до сих пор рядом с телами иногда находят эту книгу.

Для предотвращения суицидов в лесу власти повесили камеры видеонаблюдения, оборудовали лес табличками и регулярно проводят патрулирование как полицейские наряды, так и волонтеры. В близлежащих к лесу Аокигахара магазинах не продаются веревки и сильнодействующие лекарственные препараты, способные вызвать передозировку. При малейшем подозрении, что человек намеревается убить себя, продавцы незамедлительно вызывают полицию.

Несмотря на негативное отношение к самоубийствам на государственном уровне, романтизация «культы смерти» продолжается. Например, Аокигахара упоминается во многих произведениях культуры и искусства: литература, кино, музыка, аниме, манга, видеоигры и т. п. Это ведет к волне подражательных действий.

С развитием интернет-пространства появляются новые виды самоубийств. Происходит групповое информационное воздействие деструктивного характера на членов определённого неформального сообщества («клубы самоубийц», «группы смерти») или неопределённый круг лиц с целью побуждения их к индивидуальным или коллективным актам самоубийств, в том числе с использованием информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей («криминальный киберсуицид»).

Дискурс суицидального поведения в китайском обществе обнаруживает значительную дифференциацию относительно аналогичных паттернов в странах с высоким уровнем социально-экономического развития. Эпистемологические конструкты западных экспертов в сфере психического благополучия сложно адаптировать к китайской

социокультурной парадигме. В Китае практически не проводилось исследований о самоубийствах, общедоступные данные были отрывочные. Только в 1991 г. Министерство здравоохранения Китая впервые предоставило данные о смертности. Китайские исследователи отмечают, что реформы конца 1970–1980-х гг. сильно изменили размеренную жизнь китайских обывателей. Высокоскоростное производство, внедрение компьютеризации и роботизации, повлекшие рост безработицы, негативным образом сказались на эмоциональном фоне китайского общества [14].

В Японии, Китае и Южной Корее статистической информации по самоубийствам посвящаются ежегодно выпускаемые Синие книги [16], Белые книги [15] и т.д. Главным их достоинством является тщательная статистическая обработка подобного рода информации по различным критериям. Но отмечается, что большинство самоубийств имеют разнообразные и сложные причины и предпосылки и происходят в результате складывания цепочки различных факторов.

В Китае процесс формирования суицидального поведения делят на три этапа. Первый этап – стадия формирования суицидальной мотивации или суицидальных мыслей. Это проявляется как столкновение с трудной проблемой, желание убежать от реальности и восприятие самоубийства как средства решения проблемы, чтобы освободиться, окончить страдания.

Второй этап – стадия конфликта. После возникновения суицидальных мыслей инстинкт выживания заставит человека, намеревающегося совершить самоубийство, оказаться в противоречивом конфликте между жизнью и смертью, что приведет к появлению таких сигналов, как разговоры о самоубийстве, намеки на самоубийство и другие, прямые или косвенные проявления суицидальных попыток.

Третий этап – стадия выбора суицидального поведения. Освободившись от противоречивого конфликта, решительно настроен на смерть, воля к смерти тверда, настроение постепенно восстанавливается, проявляется ненормальное спокойствие, обдумывается способ совершения самоубийства, проводятся приготовления к суициду. Например, покупают веревку, собирают снотворное и т.д. Ждут, когда придет время, т.е. принимают решение покончить с жизнью.

Фэй Липэн, исполнительный директор Пекинского центра исследования и вмешательства в психологические кризисы, сказал, что за последние 20 лет уровень самоубийств в Китае сохраняется на отметке 23 на 100 000 человек, без значительного роста или снижения, но выше, чем в среднем по миру (10 на 100 000). Это подтвердили на форуме по освещению самоубийств в СМИ, состоявшемся в Университете Цинхуа 16 декабря 2007 г. Отличительной особенностью является то, что доля сельских самоубийц составляет 90 % от общего числа самоубийств в Китае [17].

Резюмируя изложенное, констатируем, что, во-первых, на динамику суицидальной активности существенное воздействие оказывает социокультурный детерминант, обусловленный степенью, в которой

конкретный культурный комплекс легитимирует суицидогенный паттерн в качестве альтернативного механизма преодоления кризисного состояния. Ввиду гетерогенности этнокультурных контекстов и специфических социально-исторических условий мотивационные предикторы и поведенческие сценарии, детерминирующие суицидальные практики, характеризуются выраженной вариативностью. Во-вторых, существенную прогностическую значимость демонстрирует макроэкономическая конъюнктура. В-третьих, требуются разработка и имплементация высокоэффективных превентивных интервенций, поскольку указанный феномен представляет собой приоритетную медико-демографическую и социально значимую проблему.

«Потеря лица» / «потеря чести» как мотив самоубийства в молодежной среде стран Восточной Азии и России

Одной, нетрадиционной для других стран, причиной самоубийства в современных государствах Восточной Азии является непоступление в вуз. Это рассматривается молодыми людьми как «потеря лица» перед родителями и социумом, которое является референтной группой. Статистики по этому виду самоубийств мы не нашли, по крайней мере ее нет в доступных нам источниках, поэтому позволили себе провести опрос и интервьюирование в социальных сетях, по поводу отношения японцев, китайцев и корейцев к «потере лица» и самоубийству. В опросе приняли участие японцы, корейцы и китайцы возрастом 20 лет – 23 года. Нами были предложены 3 вопроса:

1. Является ли «потеря лица» поводом для самоубийства?
2. Можно ли считать «потерей лица» непоступление в вуз?
3. Может ли не поступление в вуз стать причиной самоубийства?

Общее число опрошенных 360 человек. Количество опрошенных молодых людей из Японии, Китая и Республики Корея составили 180 человек и 180 студентов Кубанского государственного университета.

На основе опроса мы составили график мотивации суицидального поведения студентов стран Восточной Азии (на примере Японии, Китая и Республики Корея).

Как видно из опроса (рис. 1), на вопрос, является ли «потеря лица» поводом для суицида, положительно ответили 162 человека из 180 [18]. Это связано прежде всего с культурной константой, детерминированной конфуцианством, где одна из основных категорий – чувство стыда (чи), которое должно быть перманентным [19].

Конфуцианство в Китае, Корее и Японии имело страновые отличия. По мнению Э.С. Кульпина, различия заключаются в значимости отдельно взятой ценности. В конфуцианстве каждой из этих ценностей придается этическая сакральность [20]. И именно в Японии категория чи стала основой формирования культуры стыда. При интервьюировании респонденты были настроены достаточно пессимистично относительно последствий «потери лица»:

– «Когда ты теряешь лицо, ты, на самом деле, теряешь всё. Я не думаю, что смог бы выдержать сильное давление со стороны общества...»;

– «Если ты теряешь лицо, путь к успешному будущему тебе перекрыт. Это позор на всю жизнь!»;

– «Потеря лица может привести к унижениям, а унижение может привести к самоубийству»;

– «Да. Многим людям не хватает смелости положиться на других, и они не могут найти способ решить проблему самостоятельно, поэтому выбирают самоубийство. Особенно это касается моих соотечественников».

Здесь хотелось бы отметить тот факт, что наиболее пессимистично были настроены более молодые респонденты [18].

Второй вопрос имел целью соотнести «потерю лица» с неудачной попыткой поступления в вуз. Взаимосвязь очевидна.

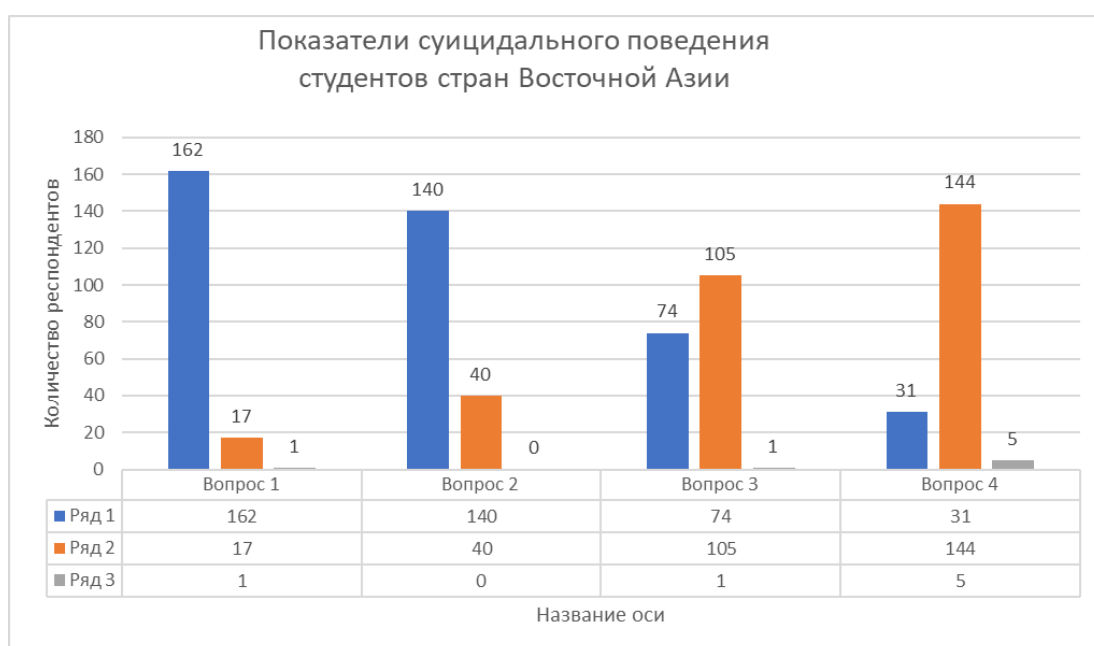

Рис. 1. Показатели суицидального поведения студентов из стран Восточной Азии
1-й ряд – да; 2-й ряд – нет; 3-й ряд – воздержались от ответа

Сформированный конфуцианством «культ учителя», человека высокообразованного, наложил свой отпечаток на восточноазиатский социум. Ввиду того, что в учении Конфуция образование, знания (вэнь) напрямую соотносились с успешной карьерой и достижением материального благополучия, поступление в вуз является главной целью для молодого человека и его семьи, причем необходимо поступить только в престижный вуз. В этом контексте давление со стороны общества, в первую очередь семьи, достигает наивысшей степени накала. Например, в Японии, около 80% детей начальной и 95% средней школы посещают по вечерам и воскресеньям репетиторские школы дзюку [21, с.121].

Непоступление в вуз всё еще является огромным стрессом для современного поколения. В Корее, например, большое количество

студентов с оптимизмом смотрят в будущее, но даже они считают, что жизнь может быть провалена из-за непоступления в вуз и огромной конкуренции. Поступление в престижный вуз – один из главных этапов в жизни.

Третий вопрос направлен на выяснение взаимосвязи непоступления в вуз и формирования суицидального поведения у молодежи. Здесь только 74 из 180 респондентов ответили положительно на вопрос о том, что мотивом формирования суицидального поведения и реализации акта самоубийства может быть непоступление в вуз. В интервью с этой группой были высказаны мнения, что:

– «На самом деле, поступление в вуз, а особенно в престижный, – это уже полпути к успеху. Ты никогда ничего не добьешься без образования, поэтому жить смысла просто нет»;

– «Да. Японцы, как правило, очень обеспокоены тем, что о них думают другие, и испытывают сильную тревогу, когда оказываются в ситуации, отличной от той, что их окружает. С другой стороны, я чувствую, что если бы окружающие меня люди были в такой же ситуации, как я, у них было бы меньше шансов совершить самоубийство» [18].

Другая группа респондентов в количестве 105 человек уверена, и это показывают результаты опроса, что не все так мрачно:

– «Я считаю, что нужно смотреть шире на мир и на свои возможности. Если не поступил в своей стране, попробуй в другой, если есть финансовые возможности. Либо попробуй заняться чем-то, что поможет тебе добиться успеха. Хоть это и не заменит наличия образования и не прекратит давления со стороны общества, это отвлечет тебя, и может принести новые возможности» [18].

На фоне отношения к репутационным потерям студентов стран Восточной Азии российские студенты (Кубанский государственный университет, направления подготовки «Востоковедение и африканистика», «Педагогическое образование», «История») по результатам опросов показали практически полное отсутствие условий для формирования суицидального поведения в контексте задаваемых вопросов [18] (рис. 2).

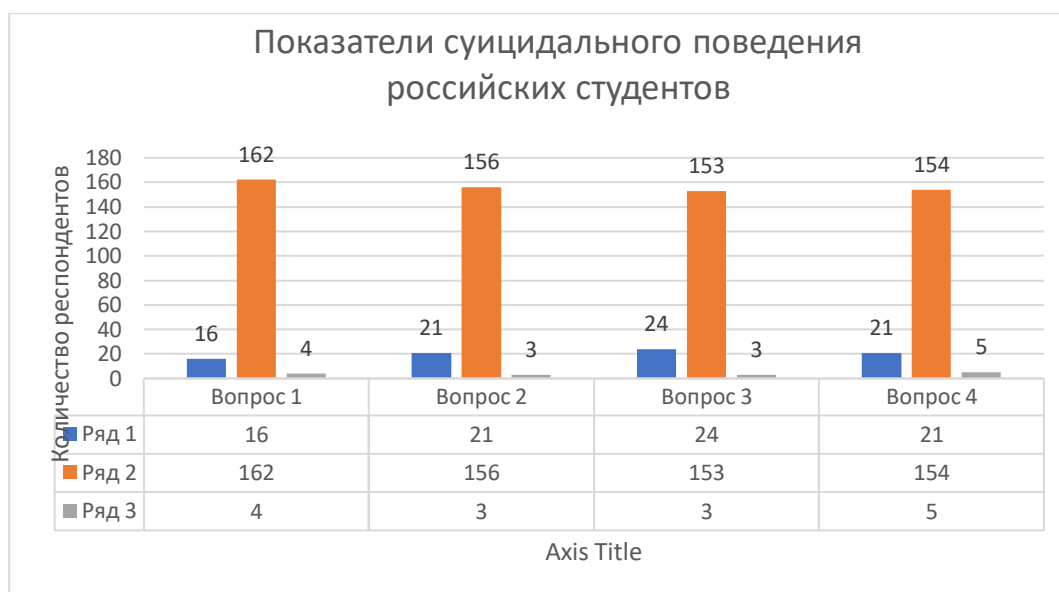

Рис. 2. Показатели суицидального поведения российских студентов 1-й ряд – да; 2-й ряд – нет; 3-й ряд – воздержались от ответа

«Потеря лица», непоступление в вуз и, как следствие, суицид не являются основными мотивами формирования предпосылок к самоубийству опрошенных студентов КубГУ.

По первому вопросу опрос показал, что репутация не является каким-то значимым мотивом самоубийства. Из 180 студентов только 11 указали, что репутационные потери могут спровоцировать акт самоубийства.

Ответы на второй вопрос показали, что непоступление в вуз все-таки имеет некоторое значение для имиджа респондентов, 17 человек ответили на вопрос положительно.

Вопрос связи неудачной попытки поступления с мотивом для самоубийства вызвал наибольший резонанс. 20 человек ответили на вопрос положительно. Но способ извинения за неоправданные ожидания семьи не должен быть актом суицида, это показало количество отрицательно ответивших на этот вопрос (143 человека).

Подводя некоторые итоги, можем констатировать, что нормативно-ценностное восприятие суицидального поведения детерминировано социокультурными аспектами: в российском социокультурном контексте оно представлено в рамках аксиологического каркаса христианской традиции, тогда как в социокультурных системах стран Восточной Азии фундировано нормативно-ценностными парадигмами буддизма, конфуцианства и синтоизма. В частности, неуспех при поступлении в высшее учебное заведение выступает для молодёжи стран Восточной Азии фактором «утраты лица» / «репутационной стигматизации» и формированием суицидального поведения, тогда как в дискурсе российской молодёжной выборки указанный детерминант не характеризуется высокой частотностью в структуре суицидогенных мотиваций.

Профилактика суицидального поведения в России и странах Восточной Азии.

В отношении государственных институтов к феномену суицидального поведения наблюдается определённое типологическое сходство. В XVIII в. императором Петром I самоубийство было криминализировано. Свод законов Российской империи 1832 г. за оконченное самоубийство предусматривал церковное наказание – лишение христианского погребения, а за покушение на самоубийство – ссылку на каторгу.

Подобное отношение к некоторым видам самоубийств было и у властей Японии. Клятва верности своему господину толкала его вассалов на акт самоубийства (дзюнси – смерть во след). Если в средние века это было приемлемым, то с наступлением нового времени отношение изменилось. В 1663 г. правительство Японии запретило дзюнси и ответственность за нарушение возлагалась на старшего сына скончавшегося сюзерена.

Также порицанию подвергались двойные самоубийства влюбленных (синдзю), которые расценивались как уход от ответственности. Ставить личные интересы выше общественных считалось высшей степенью безответственности.

Считается, что страны Восточной Азии занимают ведущие места по уровню самоубийств с 2004 г. Россия неизменно занимает второе место в мире по степени завершённых самоубийств. По данным ВОЗ, уровень самоубийств 20 (на 100 тыс. населения) считается критическим, в России этот показатель устойчиво выше в 1,5–2 раза [22, с. 75]

В отечественном научном дискурсе вопрос о профилактике суицидального поведения основывается на комплексе нормативно-правовых актов, а также теоретических подходах к этой проблеме. Суицидальной активности могут быть подвержены любые группы граждан, но самыми незащищенными, в этом отношении, считаются несовершеннолетние члены общества [23, с. 39].

В основе профилактики самоубийств среди несовершеннолетних лежат принципы государственной семейной политики РФ. Также в систему государственной политики по профилактике суицидального поведения можно отнести Национальную стратегию действий в интересах детей на 2017–2022 гг. [24]. Решить многие вопросы в данной сфере призваны национальные программы «Образование», «Здоровье».

С 2018 г. в России стартовала программа «Десятилетие детства» (2018–2027 гг.). В рамках этой программы отдельное внимание уделено превентивным мерам по профилактике суицида среди несовершеннолетних. Распоряжение Правительства РФ от 26 апреля 2021 г. содержит подробный комплекс мер по совершенствованию системы профилактики суицида среди несовершеннолетних [25]. Комплекс предложенных мер был рассчитан до 2025 г.

Криминализация суицида повлекла за собой внесение в 2017 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 110.1 Склонение к

совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства [26]. Сроки наказания достаточно серьезные – от 6 до 20 лет лишения свободы. Но эта статья применяется нечасто ввиду того, что доказать доведение до самоубийства достаточно сложно.

В контексте актуализации современных социокультурных трансформаций приоритетный вектор в предупреждении суицидального поведения отводится институтам массовой коммуникации. Обязательным элементом типовых программ предупреждения суицида стало ответственное, этичное освещение темы самоубийств в медиадискусе. Руководства для СМИ содержат ряд принципов, выработанных ВОЗ и Международной ассоциацией предупреждения суицидов (МАПС) [27].

Несмотря на попытки профилактики суицидального поведения как на государственном, так и на региональном уровне отсутствует системность и слаженность работы задействованных структур, что ведет лишь к частичной действенности проводимых мероприятий.

В ответ на высокий уровень самоубийств в Японии предпринимается целый комплекс мер по предотвращению самоубийств, многие из которых достаточно эффективны и могут быть взяты на вооружение другими странами.

Характерными чертами самоубийств в Японии считается старение, гендерные трагические взаимоотношения, буллинг, завышенные ожидания родителей, неспособность реализовать ответственность перед семьей в связи экономическими трудностями, деструктивные контакты в сети Интернет, коллективное сведение счетов с жизнью, романтизация смерти в древних и современных произведениях японской литературы, кинематографе, аниме, пропаганда духа бусидо.

В ответ на серьезную ситуацию с самоубийствами японское правительство было вынуждено ужесточить законодательство. В уголовном кодексе Японии в ст. 202 «Участие в самоубийстве и убийстве с согласия» подготовка «человека к убийству, или убил человека по его настоянию или с его согласия, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом или тюремным заключением на срок от шести месяцев до семи лет» [28].

Кроме того, в 2006 г. правительство Японии было первым участником Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), которое приняло закон «Основной акт по предотвращению самоубийств», предусматривающий целый комплекс профилактических мер, и объявило о планируемом снижении суицида на 20% до 2030 г. Основными направлениями работы были меры в рамках стратегии LIVE LIFE; мониторинг и оценка проводятся для оценки эффективности принятых мер [29].

С целью реализации рекомендаций ВОЗ в 2006 г. японское правительство издало Основной закон о мерах по борьбе с самоубийствами [30], а затем ежегодно стало издавать Белую книгу о мерах по борьбе с самоубийствами [15].

В рамках мероприятий по предотвращению самоубийств ежегодно проводится Неделя профилактики самоубийств с 10 сентября по 16 сентября, а месячник профилактики самоубийств – в марте. Власти страны и местные общественные организации проводят различные мероприятия, направленные на повышение осведомленности людей о самоубийствах. Например, в Токио, Осаке и других местах Японии также есть некоммерческие арендуемые Центры профилактики самоубийств, которые специализируются на телефонных консультациях людей, попавших в беду.

В 2009 г. правительство выделило 15,8 млрд йен на политику предотвращения самоубийств. Среди тех, кто свел счеты с жизнью в Японии в 2009 г., более 21% покончили с собой из-за депрессии. Каждый год март становится месяцем, в котором в Японии происходит наибольшее количество самоубийств. В марте каждого года, во время Месяца усиления мер по предотвращению самоубийств, японское правительство запускает по всей стране кампанию «Папа, ты хорошо спишь?». В этой кампании принимают участие не только рядовые граждане и волонтеры, но и видные политические деятели.

В школах проводятся тематические мероприятия, направленные на профилактику возникновения условий, могущих спровоцировать акт самоубийства подростков.

В качестве одной из мер по предотвращению самоубийств среди работающих японцев среднего возраста в мае 2017 г. правительство впервые опубликовало «черный список» японских компаний, где от сотрудников незаконно требуют выработки большого количества сверхурочных часов. Страховые компании отказывают в выплатах, если причиной смерти является самоубийство.

Большое внимание правительством Японии уделяется усовершенствованию системы социального обеспечения пожилых людей. Разрушение традиционных конфуцианских отношений к родителям, а также традиционное нежелание старших быть обузой – все это способствовало появлению группы самоубийц престарелого возраста. В связи с этим японское правительство постоянно укрепляет и совершенствует систему социального обеспечения пожилых людей. Лозунг «Пусть пожилые люди проведут счастливую старость» стал приоритетом в этом направлении борьбы с суицидальным поведением.

Несмотря на активное претворение в жизнь директив и мероприятий по профилактике суицидального поведения, ситуация не сильно улучшилась. Это сподвигло правительство Японии в июле 2017 г. принять Новые руководящие указания по предупреждению самоубийств, в соответствии с которыми к 2026 г. планируется дальнейшее снижение числа суицидов на 30% [31].

В Белой книге по минимизации суицидальных рисков представлена сжатая информация по макросоциальной динамике суицидального

поведения, наряду с реализацией превентивных стратегий в течение текущего отчётного периода.

Правительство КНР также озабочено проблемами самоубийства, несмотря на то что показатели самоубийств в стране остаются примерно на одном уровне (примерно 22 000 на 100 000), но в сравнении с общемировыми показателями являются одними из самых высоких.

Особенностью суицидов с «китайской спецификой» является то, что самоубийцы относятся к числу психически неустойчивых. Для них существует термин психически недееспособных. В 2001 г. был обнародован Закон Китайской Народной Республики о психическом здоровье (пересмотрен в 2018 г.) [32]. В начале 2024 г. была обнародована очередная Синяя книга «Психическое здоровье Китая в 2023». Издание направлено на содействие качественному развитию индустрии психического здоровья, подкреплено подробными данными и статистическими материалами [16].

Посредством таких мер, как укрепление служб психологической горячей линии, ускорение строительства учреждений психосоциального обслуживания, использование искусственного интеллекта и содействие интеграции психосоциальных служб и их объединению, декларируется продвижение и ускорение построения системы психосоциального обслуживания.

Заключение

Восприятие суицидальных практик обусловлено этнокультурными детерминантами: в российском аксиологическом поле оно репрезентируется через ценностную матрицу христианской традиции, тогда как в культурных комплексах Восточной Азии детерминировано нормативными системами буддизма, конфуцианства и синтоизма.

Эмпирические исследования дают основание говорить о различном отношении к формированию суицидального поведения молодых людей Китая, Японии, Республики Корея и России ввиду различного восприятия актов самоубийства, связанных с различием ментальных и религиозных установок. Непоступление в вуз является для молодежи стран Восточной Азии «потерей лица» / «потерей чести» и поводом для самоубийства, в то время как для российской молодежи это не является мотивом.

Суицидогенный дискурс, позиционируемый как одна из модальностей информационно-психологического воздействия в цифровой коммуникационной среде, привлекает индивидов, находящихся в состоянии психоэмоциональной уязвимости. Деструктивное медиавоздействие деформирует когнитивные репрезентации социальной реальности, актуализируя риск суицидального поведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гилинский Я.И. Криминология и девиантология (профессорская лекция) // Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире»: сборник статей. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 147–191.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 316 с.
3. Интервью с отцом Вячеславом Клименко (иерей храма в честь иконы Божьей Матери «Целительница» г. Краснодара). 23.04.2024 г. / Личный архив автора.
4. Данте Алигьери. Божественная комедия. М.: Эксмо, 2021. 219 с.
5. Хагуров Т.А. Девиантология – социология и психология зла. М.: ИНФРА, 2023. 412 с.
6. Интервью с отцом Сергием (настоятель храма св. Либория г. Краснодара) 29.03. 2024 г. / Личный архив автора
7. Интервью с отцом Тер-Даниилом (Кукуян Вартан Григорьевич) настоятелем Церкви Святых Саака и Месропа Армянской Апостольской Церкви Епархии Юга. 18.06.2024 г. / Личный архив автора
8. Гилинский Я.И. Девиантология. СПб.: Юридический центр, 2004. 420 с.
9. Ямамото Цунэтомо. «Хагакурэ» // Хироаки Сато. Самураи: история и легенды. СПб.: «Евразия», 1999. С. 255–268.
10. Прасол А. Япония. Лики времени. Менталитет и традиции в современном интерьере. URL: <http://www.trinlib.ru/kulturologija/japonijalirivremeni.../p17.php>.
11. Томомацу Энтай. Отношение японцев к смерти. URL: <https://poisk.ru.ru/s33404t2.html>.
12. Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2004. 234 с.
13. Стрельцова Е. Ю. Феномен Юкио Мисимы: между традицией и модерном // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2015. № 2. С. 45–62.
14. Сяо Ли. Каковы особенности наших самоубийц? URL: https://m.baidu.com/bh/m/detail/ar_9985453025162697766.
15. Белая книга о мерах по борьбе с самоубийствами. URL: https://www.mhlw.go.jp/stf/seisakunitsuite/bunya/hukushi_kaigo/seikatsuhogo/jisatsu/jisatsuhakusyo2023.html.
16. Синяя книга «Психическое здоровье Китая в 2023». URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1779335620674703231&wfr=spider&for=pc>.
17. Ван Сюэфэй, Мэн Цинпу. Характеристика самоубийств в Китае отличаются от западных // Новости здравоохранения. 2007. 18 дек. URL: https://wenku.baidu.com/view/988dd60f0a12a21614791711cc7931b764ce7b4b.html?_wkts_=1733912289845&bdQuery&needWelcomeRecommand=1&unResetStore=1.
18. Данные опроса. Январь – июнь 2024 г. / Личный архив автора
19. Ткачева Т.О. Конфуцианство в странах Восточной Азии: исторический выбор и социальная практика (вторая половина XX в. – начало XXI в.): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009. 233 с.
20. Кульпин Э.С. Феномен России в системе координат социоестественной истории. URL: <http://www.russ.ru/antolog/inoe/kulpin>.
21. Ишида Хироши. Академическая квалификация и достижение социально-политического статуса. Токио, 2005. 329 с.
22. Гилинский Я.И. Преступность в обществе потребления // Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире»: сборник статей. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 79–96.

23. Нечаева И.И., Шевченко А.Н. Социально-правовой анализ государственного и муниципального управления суицидальными процессами // Коммуникология: электронный научный журнал. 2019. Т.4. № 3. С. 37–50.
24. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2017–2022 годы». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130516/.
25. Распоряжение Правительства РФ от 26 апреля 2021 г. № 1058-р. Об утверждении комплекса мер до 2025 г. по совершенствованию системы профилактики суицида среди несовершеннолетних. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104300075>.
26. Уголовный кодекс РФ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/bddefeedee59e3a0cd80ee378c510bee13dabeb0/.
27. World Health Organization and International Association for suicide prevention. Preventingsuicide: A resource for mediaprofessionals. Geneva: WHO; 2008.
28. Уголовный кодекс Японии. Ст. 202. URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/140AC0000000045>.
29. Live life: руководство для стран по предотвращению самоубийств. Резюме. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/341816/9789240029644-rus.pdf>.
30. Основной закон о предотвращении самоубийств (Закон № 85 от 2006 г.). URL: [file:///C:/Users/fismo207/Downloads/000527996%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/fismo207/Downloads/000527996%20(1).pdf).
31. Квашис В.Е., Настуев Е.В. Самоубийства и убийства в современной Японии (к проблеме взаимосвязи тенденций). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoubiystva-i-ubiystva-v-sovremennoy-yaponii-k-probleme-vzaimosvyazi-tendentsiy/viewer>.
32. Закон Китайской Народной Республики о психическом здоровье (пересмотрен в 2018 г.). URL: <https://www.shouxian.gov.cn/grassroots/118322644/1259127835.html>.

REFERENCES

1. Belaya kniga o meraxporborbe s samoubijstvami. [The White Paper on Suicide Prevention Measures]. URL: https://www.mhlw.go.jp/stf/seisakunitsuite/bunya/hukushi_kaigo/seikatsuhogo/jisatsu/jisatsuhakusyo2023.html. (in Russian).
2. Benedikt R. Xrizantema i mech: modeli yaponskoj kultury [Chrysanthemum and Sword: Models of Japanese Culture]. Moscow, St. Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2004. (in Russian).
3. Gilinskij Ya.I. Deviantologiya. [Deviantology]. St. Petersburg: Yuridicheskij centr, 2004. (in Russian).
4. Gilinskij Ya.I. Kriminologiya i deviantologiya (professorskayalekciya) [Criminology and Deviantology (Professor's Lecture)]. In Deviantnost, prestupnost i socialnyj kontrol v «novom mire». Sbornik statej. St. Petersburg: Izdatelskij Dom «Alef-Press», 2012. 147-161. (in Russian).
5. Gilinskij Ya.I. Prestupnost v obshhestve potrebleniya. [Crime in a consumer society]. In Deviantnost, prestupnost i socialnyj kontrol v «novom mire». St. Petersburg: Izdatelskij Dom «Alef-Press», 2012. pp. 79–96. (in Russian).
6. Dannye oprosa. Yanvar – iyun` 2024 g. [Survey data. 18. Survey data. January – June 2024]. Lichnyj arxiv avtora. (in Russian).
7. Dante Aligeri. Bozhestvennaya komediya. [The Divine Comedy]. Moscow: Eksmo, 2021. (in Russian).

8. Dyurkgejm E. Samoubijstvo: Sociologicheskijetyud [A Sociological Study]. Moscow: Mysl, 1994. (in Russian).
9. Intervyu s otczom Vyacheslavom Klimenko (ierej xrama v chest ikony Bozhej Materi «Celitelnicza» g. Krasnodara). 23.04.2024 g. [Interview with Father Vyacheslav Klimenko (priest of the Church of Our Lady of the Sign of the Healer in Krasnodar. 23.04.2024]. Personal archive of the author. (in Russian).
10. Intervyu s otczom Sergiem (nastoyatel xrama sv. Liboriya g. Krasnodara). 29.03.2024 g. [Interview with Father Sergius (Rector of the Church of St. Liboria in Krasnodar) on March 29, 2024]. Lichny`j arxiv avtora. (in Russian).
11. Intervyu s otczom Ter-Daniilom (Kukuyan Vartan Grigor`evich) nastoyatel Cerkvi Svyatyx Saaka i Mesropa Armyanskoj Apostolskoj Cerkvi Eparxii Yuga. 18.06.2024 g. [Kukuyan Vartan Grigorievich), Rector of the Church of Saints Sahak and Mesrop of the Armenian Apostolic Church of the Diocese of the South. 18.06.2024]. Lichnyj arxiv avtora. (in Russian).
12. Ishida Xiroshi. Akademicheskaya kvalifikaciya i dostizhenie socialno-politicheskogo sostoyaniya. [Academic Qualification and Achievement of Socio-Political Status]. Tokio, 2005. (in Russian).
13. Kulpin E.S. Fenomen Rossii v sisteme koordinat socio-estestvennoj istorii. [The Phenomenon of Russia in the Coordinates of Socio-Natural History]. URL: <http://www.russ.ru/antolog/inoe/kulpin>. (in Russian).
14. Kvashis V.E., Nastuev E.V. Samoubijstva i ubijstva v sovremennoj Yaponii (k problem v zaimosvyazi tendencij). [Suicides and Murders in Modern Japan (on the Problem of the Relationship between Trends)]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoubijstva-i-ubijstva-v-sovremennoj-yaponii-k-probleme-vzaimosvyazi-tendentsiy/viewer>. (in Russian).
15. Nechaeva I.I. Shevchenko A.N. Socialno-pravovoj analiz gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya suicidalnymi processami. [Socio-legal Analysis of State and Municipal Management of Suicidal Processes]. In *Kommunikologiya: elektronnyj nauchnyj zhurnal*, vol. 4, no. 3(2019): 37-50. (in Russian).
16. Live life: rukovodstvo dlya stran po predotvrashheniyu samoubijstv. Rezyume. [Live life: A guide for countries on suicide prevention. Summary]. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/341816/9789240029644-rus.pdf>. (in Russian).
17. Osnovnoj zakon o predotvrashhenii samoubijstv. [The Basic Law on Suicide Prevention]. (Zakon № 85 ot 2006 g.). URL: [file:///C:/Users/fismo207/Downloads/000527996%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/fismo207/Downloads/000527996%20(1).pdf). (in Russian).
18. Prasol A. Yaponiya. Likivremeni. Mentalitet i tradicii v sovremennoy interiore. [Japan. Faces of Time. Mentality and Traditions in the Modern Interior]. URL: <http://www.trinlib.ru/kulturologiya/japonijalivremeni/p17.php>. (in Russian).
19. Rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 26 aprelya 2021 g. N 1058-r. Ob utverzhdenii kompleksa mer do 2025 g. po sovershenstvovaniyu sistemy` profilaktiki suicida sredi nesovershennoletnix. [On approval of a set of measures until 2025 to improve the system of suicide prevention among minors]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104300075>. (in Russian).
20. Sinyaya kniga «Psixicheskoe zdorove Kitaya v 2023». [The Blue Book on China's Mental Health in 2023]. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1779335620674703231&wfr=s_pider&for=pc. (in Russian).
21. Strelczova E. Yu. Fenomen Yukio Misimy: mezhdutradiciej i modernom [The Phenomenon of Yukio Mishima: Between Tradition and Modernity]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedenie*, no. 2 (2015): 45–62. (in Russian).
22. Syao Li. Kakovy osobennosti nashix samoubijcz? [What are the characteristics of our suicides?]. URL: https://m.baidu.com/bh/m/detail/ar_9985453025162697766. (in Russian).

23. Tkacheva T.O. Konfucianstvo v stranax vostochnoj Azii: istoricheskij vybor i socialnaya praktika (vtoraya polovina XX v. – nachalo XXI v.). [Confucianism in the Countries of East Asia: Historical Choice and Social Practice (Second Half of the 20th Century – Early 21st Century)]. Kand. diss. na soiskanie uchenoj stepeni kand. ist. nauk. Stavropol', 2009. (in Russian).
24. Tomomaczu Entaj. Otnosheniya poncev k smerti [The Japanese attitude towards death]. URL: <https://poisk-ru.ru/s33404t2.html>. (in Russian).
25. Ugolovnyj Kodeks RF. [Criminal Code of the Russian Federation]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/bddefeedee59e3a0cd80ee378c510bee13dabeb0/. (in Russian).
26. Ugolovnyj kodeks Yaponii. St. 202 // URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/140AC0000000045> (Japanese Criminal Code. Article 202) (in Russian).
27. Ukaz Prezidenta RF ot 1 iyunya 2012 g. № 761 «O Nacionalnoj strategii dejstvij v interesax detej na 2017 – 2022 gody». [Presidential Decree No. 761 dated June 1, 2012, "On the National Strategy for Action in the Interests of Children for 2017-2022"]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130516/. (in Russian).
28. Van Syuefej, Men Cinpu. Xarakteristika samoubijstv v Kitae otlichayutsya ot zapadnyx. [Suicide Characteristics in China Differ from Those in the West]. In Novosti zdavooxraneniya. 2007. 18 dekabrya. URL: https://wenku.baidu.com/view/988dd60f0a12a21614791711cc7931b764ce7b4b.html?_wkts_=1733912289845&bdQuery&needWelcomeRecommand=1&unResetStore=1. (in Russian).
29. World Health Organization and International Association for suicide prevention. Preventing suicide: A resource for media professionals. Geneva: WHO; 2008 (World Health Organization and International Association for suicide prevention. Preventing suicide: A resource for media professionals. Geneva: WHO; 2008)(in Russian).
30. Xagurov T.A. Deviantologiya – sociologiya i psixologiyazla. [Deviantology: Sociology and Psychology of Evil]. Moscow: INFRA, 2023.(in Russian).
31. Yamamoto Czunetomo. «Xagakure» ["Hagakure"]. In Xiroaki Sato. Samurai: Istoriya i legendy. St. Petersburg: «Evraziya», 1999, pp. 255-268.(in Russian).
32. Zakon Kitajskoj Narodnoj Respubliki o psixicheskomzdorove.[Mental Health Law of the People's Republic of China]. (peresmotren v 2018 g.). URL: <https://www.shouxian.gov.cn/grassroots/118322644/1259127835.html>.(in Russian).

Сведения об авторе

Ткачева Татьяна Олеговна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация, totkacheva2002@gmail.com, orcid.org/0009-0000-1387-8304

About the Author

Tkacheva Tatyana Olegovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Oriental Studies, Kuban State University, 149 Stavropolskaya Street, 350040 Krasnodar, Russian Federation, totkacheva2002@gmail.com, orcid.org/0009-0000-1387-8304

**ПЕСНЯ «ХВАЛА СМЕРТИ» КАК ОТРАЖЕНИЕ
НАСТРОЕНИЙ КОРЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В 1920–1930-Е ГГ.**

Федоренко Кристина Сергеевна

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

fedorenko.k.s@yandex.ru

Аннотация. Автор анализирует проявление настроений корейской молодежи в 1920–1930-е гг. в популярной музыке. В качестве материала для анализа была выбрана песня «Хвала смерти». Эта композиция была одной из самых популярных песен среди молодежи в Корее 1920-х гг. Появление популярной музыки как таковой связано с модернизационными процессами, происходящими в стране во время японской оккупации. В ходе исследования изучается биография автора песни и певицы Юн Симдок. Вокалистка была представителем молодого поколения, образцом «новой женщины», получившей образование, строящей карьеру в обществе, переживающем трансформацию перехода к современности. Находясь в публичном пространстве, она стала объектом критики консервативно настроенных граждан своей страны. Расследуются обстоятельства, при которых создана песня «Хвала смерти», какие события в корейской истории предшествовали её созданию, как композиция повлияла на дальнейшую корейскую культуру. В указанный период меланхолическое настроение было присуще целому ряду произведений популярной музыки, обусловленное внутренними и внешним факторами. В выводах автор приходит к мнению, что меланхоличные чувства, выраженные в композиции «Хвала смерти», разделяла образованная корейская молодежь, которая не смогла найти себе места в Японской империи. Причинами этого были проникновение западного мировоззрения через образование, сопротивление модернизации традиционного общества, уничижительное отношение японцев, провал студенческих движений за независимость.

Ключевые слова: трот, Юн Симдок, «Хвала смерти», японская оккупация, массовая культура, популярная корейская музыка.

Для цитирования: Федоренко К.С. Песня «Хвала смерти» как отражение настроений корейской молодежи в 1920–1930-е гг. // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 2. С.135–150.

THE SONG «PRAISE OF DEATH» AS A REFLECTION OF THE MOOD OF KOREAN YOUTH IN THE 1920S AND 1930 S.

Fedorenko Kristina Sergeevna

Kuban State University, Krasnodar, Russia

fedorenko.k.s@yandex.ru

Summary. In this paper, the author analyzes the expression of youth sentiment in popular music during the 1920s and 1930s. The song "Praise of Death" was chosen as the material for analysis. This composition was one of the most famous popular songs among young people in Korea in the 1920s. The emergence of popular music as such is associated with the modernization processes occurring in the country during the Japanese occupation. The study examines the biography of the song's author and singer, Yun Sim-deok. The vocalist represented the younger generation, a model of the "new woman," educated and building a career in a society undergoing the transformation of the transition to modernity. Being in public space, she became the target of criticism from conservative-minded citizens of her country. The study examines the circumstances under which "Praise of Death" was created, the events in Korean history that preceded its creation, and how the composition influenced subsequent Korean culture. During this period, a melancholy mood permeated a number of popular music pieces, driven by internal and external factors. The author concludes that the melancholy sentiments expressed in "Praise of Death" were shared by educated Korean youth who were unable to find a place for themselves in either their ancestral society or the Japanese Empire. The reasons for this included the penetration of Western worldviews through education, resistance to the modernization of traditional society, the derogatory attitude of the Japanese, and the failure of student independence movements.

Key words: trot, Yun Sim-deok, Praise of Death, Japanese occupation, popular culture, Korean popular music.

For citation: Fedorenko K.S. "Praise of Death" as a Reflection of the Sentiments of Korean Youth in the 1920s and 1930s. Journal of the Kuban State University Historical Sciences, 2026, no. 2, P. 136–151.

Введение

Корейская популярная музыка, или К-поп, известна по всему миру, а такие группы, как BTS и Black Pink, неоднократно выигрывали призовые места в различных категориях на международной музыкальной премии Billboard Music Awards [19, 21]. Являясь частью «Корейской волны» (процесса распространения массовой корейской культуры за рубежом), популярная музыка приносит экономические и политические выгоды Республике Корея [2, с. 62; 11]. Поэтому важно изучать южнокорейский опыт развития популярной культуры, повлиявшие на него национальные особенности для использования полученных знаний в культурной политике своей страны.

Между тем корейская популярная музыка зародилась в период японской оккупации полуострова 1910–1945 гг. с жанра трот, популярного среди молодежи. Одним из значимых произведений данного периода стала

композиция «Хвала смерти» (также используются названия «Гимн смерти» и «Ода смерти»), записанная в 1926 г. на японской студии «Нито». Автором текста и исполнительницей выступила Юн Симдок – первое сопрано в Корее. Текст был наложен на музыку вальса «Дунайские волны» румынского композитора Иосифа Ивановича. Тираж альбома составил более 100 тыс. копий [26]. В XXI в. трот снова набирает популярность через такие телепрограммы, как «Мисс Трот», вышедшей в 2019 г., имеющей несколько сезонов и высокие рейтинги среди телезрителей [22, 33]. Личность певицы Юн Симдок также до сих пор привлекает внимание. О судьбе первой стипендиатки администрации генерал-губернаторства, первого профессионального сопрано Кореи, одной из первых «новых женщин» (женщин, получивших образование и самостоятельно зарабатывавших) снято несколько фильмов во второй половине XX в. [12, 18], а в 2018 г. вышел мини-сериал [4].

Из-за цензуры со стороны японской администрации, не имея возможности выразить свои переживания в народных песнях, корейцы с этой целью использовали популярную музыку. Отраженные в них переживания позволяют по-новому взглянуть историю Корею в 1920–1930-е гг., на то, как масштабные события отразились на судьбе поколения и отдельно взятого человека. Молодые корейцы оказались в момент крушения старого традиционного общества своих отцов и создания нового. На этот процесс накладывались колониальные реалии. Новое общество находилось в подчинении, где корейцем отводилась незавидная доля. «Хвала смерти» зафиксировала момент экзистенциального кризиса и поиска идентичности в новых реалиях молодежи. Эти проблемы в той или иной мере касаются молодого поколения по всему миру и сегодня в условиях глобальной экономической и политической нестабильности. Изучая, как выраженные в искусстве переживания помогают найти выход из ситуации, мы приближаемся к пониманию универсальных механизмов адаптации поколения, запертого в историческом тупике.

Сегодня в отечественной историографии можно отметить работы А.А. Груздева [5], И. Чжен [16], которые обращаются к истории корейской популярной музыки. Однако они описывают события начиная с 1945 г. Стоит отметить упоминание певицы Юн Симдок в статьях М.А. Афанасьевой [1, с. 52] и Ф.К. Тertiцкого [14, с. 297] как пример «новой женщины». Известный кореевед А. Ланьков посвятил в своей книге «Не только кимчи: история, культура и повседневная жизнь Кореи» целую главу истории Юн Симдок и её возлюбленному Ким Уджину [7, с. 234–301]. Приведенные труды показывают, что тема истории корейской популярной музыки вызывает интерес и требует дальнейшего изучения. Вместе с этим автор использовал работы по различным аспектам жизни Кореи во время японской оккупации: от проблем модернизации до положения женщин [1, 3, 6, 8–10, 13, 23, 24]. Источниками для данного исследования послужили

корейские газеты 1920–1930-х гг. [26, 27, 29, 30, 31, 33–39, 41], данные из Энциклопедия корейской культуры [28, 40].

Цель исследования – изучение через популярные корейские песни настроений корейской молодежи в 1920–1930-е гг. Задачи: 1) рассмотреть трудности молодого поколения корейцев эпохи песни «Хвала смерти» Юн Симдок; 2) проанализировать, какие события повлияли на появление целой череды меланхолических песен, самой известной из которых является «Хвала смерти».

Автор руководствовался принципами историзма и объективности, а также использовал следующие методы: историко-сравнительный, историко-биографический, микроисторический. Принцип объективности реализован через критический анализ источников и многофакторное изучение причин настроений молодёжи вне контекста современного мировоззрения. Принцип историзма применен при анализе судьбы Юн Симдок и её современников в рамках конкретной исторической реальности 1920-х – 1930-х гг. Историко-сравнительный метод позволил сопоставить биографию певицы с судьбами Ким Уджина, Чжон Эсик и других молодых корейцев, а песню «Хвала смерти» — с произведениями ранней популярной музыки для выявления общих черт, свойственных поколению и жанру трот. Историко-биографический метод использован для рассмотрения Юн Симдок не просто как исполнительницы, а как представителя своего времени. Микроисторический метод позволил через призму судьбы одного человека и его произведения раскрыть экзистенциальный кризис корейской молодёжи.

Юн Симдок и её сверстники в меняющемся корейском обществе

Юн Симдок родилась в бедной христианской семье в Пхеньяне в 1897г. Училась в школе для девочек в родном городе, а затем продолжила обучение в педагогическом отделении женской высшей общеобразовательной школы Кёнсон [40]. Она стала одной из немногих женщин, которые получили хорошее образование. В конце XIX в. Корея традиционно для девочек предполагалось либо домашнее обучение, либо обучение в небольших частных школах. Институт женского образования отсутствовал. Женщина рассматривалась в первую очередь как жена и мать. Девочки рано выходили замуж (12–13 лет), а до этого были активно вовлечены в домашнее хозяйство [10, с. 68]. Родителям было трудно решиться отправлять своих дочерей на обучение. Девочкам из аристократического сословия янбан давали образование, направленное на ведение домашнего хозяйства. При этом соблюдение норм и морали конфуцианского общества ставилось выше, чем умение писать [23, с. 275].

Юн Симдок смогла получить образование, вероятно, из-за приверженности её семьи христианству. С конца XIX в. христианские проповедники воспринимались не столько как служители культа, сколько

как носители знаний о науке, технике и медицине Запада. Именно благодаря христианским миссионерам стало развиваться не просто образование, а женское образование. Проповедники активно поощряли желание девочек и девушек учиться, ведь став христианками, они могли способствовать распространению христианства в своих семьях. В 1886 г. миссионерка Мэри Ф. Скрэнтон учредила первую женскую школу в Корее – Ихва, впоследствии ставшую фундаментом для знаменитого женского университета Ихва. Однако император Коджон запретил набирать учениц из дворянского сословия [23, с. 286]. Первыми ученицами стали наложница чиновника и бездомная девочка, а вскоре учениц стало 7 [10, с. 67]. По большей части это были дети из бедных семей, вдовы, дети из семей, чьи родители работали с иностранцами [23, с. 286]. Одно из образовательных учреждений, в котором училась Юн Симдок, также было открыто миссионерами. Женская школа Суни была учреждена в Пхеньяне в 1903 г. американской пресвитерианской миссией. Основателем школы считается миссионер Сэмюэл Остин Моффетт, известный также как Мапхо Самель. Школа подготавливала девочек и женщин к получению высшего образования [10, 68].

После окончания женской школы Кёнсон девушка получила стипендию от администрации генерал-губернаторства, и стала одной из первых кореянок, изучавших вокал в Токийской музыкальной школе [40]. Во время обучения в 1921 г. Юн Симдок в составе театральной труппы отправилась в гастрольный тур по Корее, целью которого был сбор средств для корейских рабочих, проживающих в Японии. Положение корейских рабочих в Японии было тяжелым. Японцы рассматривали их как низшую расу, зарплата у корейских рабочих всегда была намного ниже, чем у японцев. Мест для работы было немного и все они подразумевали тяжелый физический труд на текстильных фабриках, металлургических заводах, стекольном производстве, в рудниках и шахтах [3, с. 141].

Труппа прибыла на полуостров 8 июля 1921 г., а первый концерт был дан в Пусане на следующий день. Несмотря на дождь, выступление пришли посмотреть более 1 тыс. человек. Из-за строгого контроля со стороны властей актерам не разрешалось даже на одно слово отступать от сценария. Труппа продолжила свой путь выступлениями в 8 городах вдоль железнодорожной линии Кёнбу и должна была закончить тур в столице [31, с. 3]. Концерт в Сеуле (в то время Кёнсон) состоялся 28 июля 1921 г. На нём особо отметили выступление Юн Симдок. Пение девушки очаровало публику и собрало бурные овации и аплодисменты [29, с. 3].

В 1923 г. Юн Симдок вернулась на родину после завершения обучения с надеждой найти работу. Обычно студенты, отправленные правительством за границу, могли рассчитывать после возвращения на работу в государственных школах. Например, Чжон Эсик отправилась в Японию для изучения западной музыки. Она вернулась в 1923 г. и начала работать в школе Ихва, став первой учительницей западной музыки в Корее

[9, с. 146]. Но шли месяцы, а мечты не осуществлялись. Тем не менее девушка смогла дебютировать в качестве профессиональной певицы сопрано в стране. Первый концерт состоялся 26 июня 1923 г. в Сеуле в Центральном молодежном зале на улице Чонно на праздничном концерте в честь трехлетней годовщины женской ассоциации Тон-А [30, с. 3; 33, с. 3]. В газетных статьях подчеркивалось, что госпожа Юн является выпускницей Токийской музыкальной школы. После успешного дебюта в столице не было ни одного концерта без упоминания вокалистки, после первого выступления её неизменно приглашали на второе, третье и т.д. [37, с. 3]. На концерте 19 мая 1924 г. выступления Юн Симдок зрители ждали весь вечер. Певицу встретили бурными аплодисментами и вызывали на бис [26, с. 3]. В статье о благотворительном концерте в пользу голодающих соотечественников девушку называли звездой женского музыкального мира [27, с. 3].

Однако выступления не приносили существенного дохода. В то время ее родная страна была не готова к классической западной музыке. Девушке пришлось сменить репертуар и стать поп-певицей и актрисой. За ней стали ухаживать мужчины, её окружили слухи и сплетни, скандал следовал за скандалом. В пример можно привести статью «Первоклассная вокалистка Чосона» от 16 декабря 1924 г. В ней хоть и признается вокальный талант и усердие девушки, дается краткая биография, вместе с этим акцент делается на её неуклюжести и неумении красиво одеться в погоне за модой. Завершается заметка намеками на долгие остановки певицы в домах богатых мужчин и призывами к соблюдению нравственности [41, с. 3]. В газете «Тон-А Ильбо» вышло 5 статей, посвященных анализу личной жизни Юн Симдок и слухам вокруг нее [34, с. 2]. Рассмотрению подлежала вся её жизнь, от начала учебы в школе для девочек в Пхеньяне и мечты стать врачом, до последних скандальных событий в жизни певицы. В целом её описывали как добродетельную, нравственную, открытую, мужественную девушку, которая всегда привлекала мужчин, что порождало сплетни [35, с. 3; 36, с. 3]. Скандал разгорелся после случая, когда вокалистка одна вошла в дом богача Ли Ёнмуна [37, с. 3], а после этого смогла оплатить учебу своего брата Юн Чжисона в Америке. Она уехала в Харбин, что породило сплетни о её встрече там с настоящим любовником [38, с. 3]. Из-за случившегося Юн Симдок разорвала связи с труппой Чосон, где блистала как вокалистка. Вернувшись в столицу, она приняла решение дебютировать как актриса театральной труппы Товольхо. По этому случаю девушка дала интервью газете «Донг-А Ильбо». Вместо оправданий она заявила, что в корейском обществе пока не принято, чтобы женщины учились, работали и становились добродетельными матерями, и что для неё женский успех заключается в учебе и получении профессии [39, с. 3]. Театральная деятельность Юн Симдок оказалась безуспешной ввиду недостаточного уровня её актёрского мастерства [40].

Возлюбленному Юн Симдок также не повезло на профессиональном поприще. Ким Уджин должен был продолжить дело своей семьи и управлять сельскохозяйственными угодьями, однако для себя он выбрал театр. Он изучал английскую литературу в университете Васэде в Японии, а вернувшись в Корею, стал известным драматургом и теоретиком театра. Последним произведением драматурга стало написанное весной 1926 г. «Кораблекрушение». Произведение автобиографично. В нем описывается конфликт между молодым поэтом с современными западными взглядами и его семьей, приверженной конфуцианским порядкам. Финал произведения знаменуется идейным и жизненным поражением главного героя [28].

Конфликт между конфуцианскими законами и новыми западными идеями прослеживается и в литературе начала XX в. В повести «Кровавые слезы» Ли Инчжика автор клеймит старинный обычай договорного брака. В своих произведениях автор хоть и критикует существующие порядки в обществе, но не предлагает никаких решений. В романе Ли Гвансу «Бесчувственность» также критикуются конфуцианские моральные законы, но главные герои ставят целью не личное счастье, а служение своему народу [8].

1 августа 1926 г. Юн Симдок записала в Японии свой будущий хит «Хвала Смерти». Всего через три дня после этого, возвращаясь из Японии на родину, она прыгнула в воды Корейского пролива вместе со своим возлюбленным Ким Уджином. Двойное самоубийство одинокой девушки и женатого мужчины стало шоком для жителей полуострова. Любовь певицы и драматурга была взаимной, однако Ким Уджин уже был женат и происходил из семьи богатого землевладельца. Юн Симдок родилась в бедной христианской семье, была одинока, но окружена слухами о многочисленных поклонниках. Согласно конфуцианским традициям, регламентировавшим все сферы жизни корейского общества начала XX в., их союз был невозможен. Этот случай спровоцировал «Эффект Вертера», и многие молодые корейцы последовали примеру этой пары [25].

Общественность была встревожена пессимистическими настроениями молодёжи. В СМИ активно критиковались поступки людей, добровольно уходящих из жизни. После смерти Юн Симдок её осуждали за то, что она не исполнила свой женский долг, не стала матерью и женой, и не исполнила гражданский долг, не успела прославить страну талантом первого сопрано Кореи. Её смерть сочли эгоистичной: совершив самоубийство по личным причинам, она подавала плохой пример корейской молодёжи. Критики требовали перестать считать её соотечественницей [24, с. 10]. Но осуждались действия не только Юн Симдок. В 1931 г. ещё две молодые кореянки свели счёты с жизнью. Хон Оким было 20 лет, она происходила из богатой семьи и была ученицей женской школы Ихва. Её девятнадцатилетняя подруга Ким Инджу также родилась в обеспеченной семье и успела выйти замуж за состоятельного человека. В предсмертной записке Хон Оким просила своего отца простить ее за эгоистичный

поступок, вызванный трудностями жизни в таком бесполезном мире. Поступок Хон Оким и Ким Инчжу был осужден как эгоистичный и бессмысленный. Они противопоставлялись мужественным молодым женщинам и мужчинам, которые помнят о своем долге перед Родиной [24, с. 14].

«Хвала смерти» в череде меланхолических песен 1920–1930-х гг.

«Хвала смерти» считается одним из первых произведений в стиле «трот» (트로트, тхыротхы). Трот представляет собой жанр ранней популярной музыки, сформировавшийся на Корейском полуострове в 1920-х гг. В условиях японской оккупации корейцы были лишены возможности свободно сочинять и исполнять свои народные песни, вследствие чего популярная музыка стала своеобразной формой их замещения. В Корею из Японии проник жанр «модной песни», или «рюкока», являющийся гибридной формой народной японской и популярной западной музыки. По корейскому прочтению японских иероглифов популярные песни на полуострове стали называться «юхэнга». В 1950-х гг. популярную музыку переименовали в трот, что является сокращением от слова «фокстрот» [15, с. 16]. Трот мало подвергся изменениям с течением времени. Основные его темы – воспоминания о любви, близких, Родине. Незатейливый ритм и текст являются главными составляющими элементами музыкального жанра. Самой яркой чертой трота является техника исполнения. Высокие ноты поют «ломающимся голосом», а при исполнении низких нот используется прием вибрато [16, с. 184].

Трот в 1920-х гг. воспринимался как модная музыка для молодежи. Виниловые пластинки оставались товаром, который могли позволить себе только состоятельные корейцы. К середине 1930-х гг. большинство пластинок продавалось по цене от 1,35 до 2,5 вон, самый дешевый проигрыватель по-прежнему стоил не менее 25 вон. Эта сумма в семь или восемь раз превышала стоимость радио, включая требуемую лицензию [22, с. 57]. Получается, что хоть пластинки и были относительно доступны, сами граммофоны были предметом роскоши. Так что основными слушателями модных песен была молодёжь из достаточно зажиточных семей. Получив образование по западному образцу, она должна была стать основой для процветания корейского общества.

Если мы обратимся к самому тексту «Хвала смерти», то его лирика наполнена меланхолией, пессимизмом, тщетностью бытия:

*Жизнь несется сквозь бескрайний простор
Куда ты направишься сегодня?
В угрюмом мире, отвратительном мире страданий
Что ты пытаешься отыскать?*

*Этот мир, сотканный из слёз,
Переполнится ими, если я умру?
Всю жизнь ищущий счастья
Ты нашёл пустоту
Эти улыбающиеся цветы, эти поющие птицы
С одинаковой судьбой
Увлеченная существованием жалкая жизнь
Ты дремлешь, танцуя на лезвии ножа.
Этот мир, сотканный из слёз,
Переполнится ими, если я умру?
Всю жизнь ищущий счастья
Ты нашёл тоску-печаль
Бегущая за днём тщеславия жизнь
Ты знаешь, что обманута?
Для тебя в этом мире всё уничтожено
После твоей смерти останется ничего
Этот мир, сотканный из слёз,
Переполнится ими, если я умру?
Всю жизнь ищущий счастья
Ты нашёл пустоту.*

Учитывая, что альбом с песней разошелся рекордным тиражом в 100 тыс. копий, то эта песня была достаточно популярна среди обеспеченной и прогрессивной молодежи. Так почему же новое поколение корейцев, которое должно было стать будущим для своей страны, разделяло такие мрачные настроения?

Одной причиной упаднических настроений в среде молодежи был провал борьбы за независимость Кореи, ведь именно студенчество стало авангардом в деле освобождения Родины.

Первым масштабным выступлением за независимость Кореи стало «Движение 1 марта». Ещё в феврале 1919 г. корейскими студентами, обучавшимися в Токио, была составлена и напечатана Декларация независимости. Её огласили 8 февраля 1919 г., после чего в Японии начались демонстрации. Многие их участники впоследствии были арестованы. Выступления в Корее были приурочены к похоронам бывшего императора Коджона. 1 марта 1919 г. Декларация независимости была зачитана в парке «Пагода» [13, с. 36]. По всей стране рабочие, учителя, служащие не выходили на работу следующие несколько дней. Митинги и забастовки охватили полуостров. Японские власти бросили все силы на борьбу с движением. Выступления по всей стране жестоко подавлялись, вплоть до массовых физических расправ. Первомартовское движение было сломлено. Японское правление в Корее несколько смягчилось, наступил период «культурного правления», но страна так и осталась в колониальной зависимости.

Уже в этот момент появляется первая популярная песня, которая отражала тщетность надежд на перемены. В 1923 г. была записана песня «Это беспокойное время», также известная как «Песня Надежды», вдохновленная «Движением 1 марта» [22, с. 58]. Ниже приведен один из куплетов песни.

*Столкнувшись с миром проблем, каковы твои надежды?
Довольно ли у тебя надежды наслаждаться славой и властью?
Под яркой луной на голубом небе глубоко задумавшись
Весь мир – фантазия среди повторяющихся одинаковых снов.*

Здесь отражается настроение той части корейского общества, которая надеялась на модернизацию страны под японским управлением и дальнейшее процветание. Все их надежды обернулись сном.

Вероятно, на появление песни «Хвала смерти» повлиял провал «Движения 10 июня» в 1926 г. Оно было очень схоже с «Движением 1 марта». Во-первых, его основой выступило студенчество, но теперь уже Сеульского государственного университета. Во-вторых, оно также было приурочено к похоронам императора Кореи, но теперь Сунджона. Но «Движение 10 июня» не получило такой широкой поддержки населения и было быстро подавлено. «Хвала смерти» была записана всего через пару месяцев.

Упаднические настроения продолжали расти и усиливаться после выхода песни «Хвала смерти». В песне «Бродяга», выпущенной в 1931 г., они достигли своей вершины. Её исполнила певица Кан Согён. Ниже приведен один из куплетов:

*Замерзший юноша, облитый слезами,
С телом, больным от печали и тревог,
Бесконечно идущий к северному сиянию по арктически холодным
снегам,
Кто знает, что за горечь в твоей душе.*

В песне поется о чувствах молодого человека, ушедшего за пределы страны из-за безнадежной реальности его родины. Эта песня прославила свою исполнительницу и положила начало «бродячим песням» конца 1930 – начала 1940-х гг.

Время появления песни «Бродяга» совпало с мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг., захватившим Японию, а вместе с ней и Корею. На полуострове сократилось промышленное производство, заработная плата рабочих снизилась на 30–50%, число безработных достигло 200 тыс. человек [6, с. 389]. В это же время потерпело крах ещё одно студенческое движение за независимость, начавшееся в Кванджу в ноябре 1929 г. и длившееся до начала 1930 г. В акциях протеста участвовали

более 54 тыс. человек, были арестованы 1462 человек, отчислены – 582 человек [6, с. 395]. Все эти события стали ещё одной причиной для недовольства японскими властями.

Популярность песни «Хвала Смерти» вызывала беспокойство у японских властей. Чувства неудовлетворенности жизнью могли привести к новым попыткам мятежа в среде молодежи. В 1934 г. вышла песня «Дар беспокойства», призванная заменить песню «Хвала смерти». Она была записана на той же студии – «Нито». Её исполнила певица Пак Кёнхи [19]. Она, как и Юн Симдок, была певицей-сопрано и прошла обучение в Токийской музыкальной школе. Как и Юн Симдок, Пак Кёнхи родилась в Пхеньяне. Девушка была известна как единственная корейка, получившая приз на японском музыкальном конкурсе новых исполнителей. Музыкой для текста песни служила та же, что и в песне «Хвала Смерти», вальс «Дунайские волны», да и тексты были похожи. Однако смысл у песни «Дар беспокойства» был совсем другим. Через текст была сделана попытка раскритиковать и высмеять мрачные настроения в песне «Хвала смерти». Вместо строки в песне «Хвала смерти» «Всю жизнь ищущий счастья ты нашёл пустоту» в песне «Дар беспокойства» её заменила строка «Всю жизнь ищущий счастья ты беспокоишься напрасно». Таким образом, новое произведение высмеивало чувства потерянных и обескураженных людей. На пластинке вместе с песней «Дар беспокойства» на второй стороне была записана песня «Ариран» в исполнении той же Пак Кёнхи. Вероятно, студия Нито хотела сыграть ещё и на национальных чувствах корейцев. Песня «Дар беспокойства» не получила популярности, в то время как «Хвала смерти» стала легендарной

Заключение

Таким образом, «Хвала смерти» стала своеобразным итогом жизненного опыта Юн Симдок. Получив образование, имея возможность работать, она не смогла найти своё место в обществе и реализовать себя как профессиональная классическая певица, сталкиваясь с остатками традиционализма. Слухи о безнравственности девушки звучали громче, чем её талант и убеждения. Не только Юн Симдок была в подобном положении. Её возлюбленный Ким Уджин, подруги Хон Оким и Ким Инчжу не смогли найти свой путь в мире, где родились. Конфликт между старыми порядками и новыми идеями прослеживается и в литературе, что показывает данную проблему как задачу, которая стояла перед молодёжью в целом.

Проанализировав обстоятельства, в которых были написаны «Хвала смерти» и ряд подобных ей песен, можно заметить ещё одну проблему поиска идентичности молодого поколения. Несмотря на то что Корея считалась частью Японской империи, самим корейцам была уготована незавидная судьба. Освободить свою Родину от колониальных оков и обеспечить ей достойное будущее не представлялось возможным. Все

попытки переломить ситуацию в виде студенческих демонстраций были подавлены. Эти обстоятельства приводили молодёжь к мыслям о тщетности жизни, что явно видно из текстов песен. Депрессивные чувства только усилились с течением времени, что отразилось в появлении песни «Бродяга» в 1931 г., неудачной попытке затмить песню «Хвала смерти» песней «Дар беспокойства» в 1934 г.

Таким образом даже самые талантливые, образованные и обеспеченные молодые корейцы находились в поиске своего жизненного пути, оказавшись на распутье между традиционным обществом их отцов и современным обществом, но под японским владычеством. Невозможность выбора между двумя вариантами толкала корейскую молодёжь иногда на последний протест в их жизни и выбор третьего варианта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Афанасьева М.А. Антифеминизм и реальное положение женщин как актуальные проблемы Южной Кореи // Женщина в российском обществе. 2022. Специальный выпуск. С. 50–61.
2. Ваулина М.В., Гайнуллина Е.Ю. «Корейская волна» как инструмент «мягкой силы» Южной Кореи // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27, № 10. С. 55–64.
3. Гайкин В.А. Трудовая миграция корейцев в Японию // Россия и АТР. Владивосток. 2010. №3. С.139–147.
4. Гимн смерти (мини-сериал 2018). URL: https://www.kinopoisk.ru/series/1113026/?utm_referrer=www.google.com.
5. Груздев А.А. Развитие музыкально-песенного творчества и социально-политическая обстановка на Корейском полуострове с периода освобождения до корейской войны // Genesis: исторические исследования. 2020. № 12. С. 161–170.
6. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб., 2024. 752 с.
7. Ланьков А. Не только кимчи: история, культура и повседневная жизнь Кореи. М., 2024. 608 с.
8. Ли С.Ю. К вопросу о категории «сыновняя почтительность» хё в корейской литературе (традиции и современность) // Материалы XVI научной конференции корееведов России и стран СНГ. М., 2012. URL: <https://koryo-saram.site/li-san-yun-k-voprosu-o-kategorii-synovnyaya-pochtitelnost-hyo-v-korejskoj-literature-traditsii>.
9. Ли Ю. Влияние христианства на распространение европейской музыкальной культуры в Корею // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2011. № 132. С. 144–147.
10. Лим С.Ч., Шестопап С.А. Проблемы модернизации образования в доколониальной Корею в 1883–1910 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток, 2018. №3. С. 61–72.
11. Матосян А. Э. Особенности становления «мягкой силы» как инструмента внешней политики Республики Корея // Международные отношения. 2024. № 2. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70864.
12. Песня смерти. URL: <https://www.kmdb.or.kr/db/kor/detail/movie/K/04484>.
13. Петров А.И. Первоапрельское движение корейского народа за независимость // Россия и АТР. 2000. № 1. С. 29–39.

14. Тертицкий Ф. К. Образовательная политика Японии в колониальной Корее // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. №20 (100). С. 290–302.
15. Чан Ю. Трот, баллады и танцевальная музыка // Кореана. 2020. Т. 16, № 2. С. 16–21.
16. Чжен И. А. K-popmusic: взаимодействие культур // Культурные институции и медиации художественной жизни: творчество художника в социальных координатах: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Чита, 2020. С. 184–185.
17. Юн Симдок. URL: <https://www.kmdb.or.kr/db/kor/detail/movie/K/01862>
18. Atkinson K. Billboard Music Awards 2023 Winners: Full List // Billboard. 11.09.2023 URL: <https://www.billboard.com/music/awards/2023-billboard-music-awards-bbmas-winners-list-1235491435>.
19. Cheon S. Depressing lyrics during the Japanese colonial era // The Dong-a Ilbo. 09.02.2018 URL: <https://www.donga.com/en/article/all/20180209/1220501/1>.
20. Haring B., Rodrigo O. Scored Seven Wins At 2022 Billboard Music Award – Winners List // Billboard. 15.05.2022 URL: <https://deadline.com/2022/05/2022-billboard-music-awards-unveils-non-televised-winners-with-olivia-rodrigo-ye-tied-at-six-1235024226/>.
21. Kim G., Hong S. 200-Point Win Drives 'Miss Trot 4' to 16.6% Peak // The Chosun Daily. 13.02.2026. URL: <https://www.chosun.com/english/kpop-culture-en/2026/02/13>
22. Maliangkay R. Their Masters' Voice: Korean Traditional Music SPs (Standard Play Records) under Japanese Colonial Rule // The World of Music. Music and Politics on the Korean Peninsula, 2007. Vol. 49, No. 3. p. 57.
23. Yuh L. Korean Female Education, Social Status, and Early Transitions, 1898 to 1910 // Korea Journal, vol. 61, no. 4 (winter 2021). P. 271–305.
24. Yuh L. The Nationalist Critique of Female Double Suicide in Colonial Korea International Journal of Korean History. Seoul, 2022. 27(2). P. 1-30.
25. Yun Sim-deok, Korea's First Professional Soprano // KBS World. 23.08.2012. URL: http://world.kbs.co.kr/serviceChunSu-jin/contents_view.htm?lang=e&men.
26. 교외음악회의성황 // 조선일보.19.05.1924. 4 면 (Большой успех загородного музыкального концерта // Чосон Ильбо 19.05.1924. 19 мая. 4 с.).
27. 기아에우는삼백만동포! 여류의손으로자선음악 // 조선일보.19.10.1924. 4 면(Три миллиона соотечественников плачут от голода! Благотворительная музыка в исполнении женщин 1924. 19 октября. 4 с.).
28. 김우진 // 한국민족문화대백과사전 (Ким Уджин // Энциклопедия корейской культуры). URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0010000>
29. 대호평의동우극 // 동아일보.30.07.1921. 4 면(Получившая признание труппа «Тонухве» // Тон-А Ильбо. 1921. 30 июля. 4 с.).
30. 동아상회기념 // 조선일보.26.06.1923. 4 면(Памятное мероприятие компании «Тон-А» // Чосон Ильбо.1923. 26 июня. 4 с.).
31. 동우회극단래 // 동아일보.27.07.1921. 4 면 (Прибытие театральной труппы «Тонухве» // Тон-А Ильбо. 1921. 27 июля. 4 с.).
32. 미스트롯 회 (Мисс Трот 1 серия). URL: https://vod.tvchosun.com/vod/2/C201800100/14703/vod.cstv?_gl=1*d10ik0*_ga*OTUwNjkxNTAuMTc3ODc5MDYxMQ..*_ga_D5GZR50LJV*czE3Nzg3OTA2MTAkzEkZzEkdDE3Nzg3OTExNzYkajIyJGwwJGgw.
33. 삼주년을영하는동아부인상회의기념덕대음악회 // 동아일보.25.06.1923. 4 면 (Большой юбилейный концерт в честь третьей годовщины Женской ассоциации Тон-А // Тон-А Ильбо. 1923. 25 июня. 4 с.).
34. 석일악단의명성윤심덕양 // 동아일보.01.08.1925. 4 면 (Юн Сим-док, звезда музыкального мира прошлых лет // Тон-А Ильбо. 1925. 01 августа 4 с.).

35. 석일은악단의명성윤심덕양 (이) // 동아일보.02.08.1925. 4 면 (Юн Сим-док, звезда музыкального мира прошлых лет (2) // Тон-А Ильбо. 1925. 02 августа. 4 с.).
36. 석일은악단의명성윤심덕양 (삼) // 동아일보. 04.08.1925. 4 면 (Юн Сим-док, звезда музыкального мира прошлых лет (3) // Тон-А Ильбо. 1925 г. 4 августа. 4 с.).
37. 석일은악단의명성윤심덕양 (사) // 동아일보.05.08.1925. 4 면 (Юн Сим-док, звезда музыкального мира прошлых лет (4) // Тон-А Ильбо. 05.08.1925. 05 августа. 4 с.).
38. 석일은악단의명성윤심덕양 (오) // 동아일보.07.08.1925. 4 면 (Юн Сим-док, звезда музыкального мира прошлых лет (5) // Тон-А Ильбо 1925. 07 августа 4 с.).
39. 예술을 탐 하야배우생활 // 동아일보.06.02.1926. 6 면 (Жизнь актрисы, движимая стремлением к искусству // Тон-А Ильбо. 1926. 06 февраля 6 с.).
40. 유민영윤심덕 // 한국민족문화대백과사전 (Ю Минён Юн Сидок // Энциклопедия корейской культуры). URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0042442>.
41. 조선의일류성악가윤심덕양 // 조선일보.16.12.1924. 4 면 (Мисс Юн Симдок, первоклассная вокалистка эпохи Чосон // Чосон Ильбо. 1924. 16 декабря 4 с.).

REFERENCES

1. Afanas'eva M.A. Antifeminizm i real'noe polozhenie zhenshchin kak aktual'nye problem Y Uzhnoj Korei [Afanasyeva M.A. Antifeminism and the real situation of women as current problems in South Korea]. In ZHenshchina v rossijskom obshchestve. 2022. Special'nyjvypusk: 50–61. (In Russian)
2. Vaulina M.V., Gajnullina E.YU. "Korejskaya volna" kak instrument "myagkoj sily" YUzhnoj Korei. [Vaulina M.V., Gainullina E.Yu. "The Korean Wave" as an Instrument of South Korea's "Soft Power"] In Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. T. 27, no 10: 55–64 (In Russian)
3. Gajkin V.A. Trudovaya migraciya korejcev v Yaponiyu [Gaikin V.A. Labor migration of Koreans to Japan]. In Rossiya i ATR. Vladivostok, 2010. no 3: 139–147. (In Russian)
4. Gimnsmerti (mini–serial 2018) [Death Hymn (miniseries 2018)] URL: https://www.kinopoisk.ru/series/1113026/?utm_referrer=www.google.com (In Russian)
5. Gruzdev A.A. Razvitie muzykal'no-pesennogo tvorchestva i social'no-politicheskaya obstanovka na korejskom poluostrove s periodaosvobozhdeniya do korejskojvojny. [Gruzdev A.A. Development of musical and song creativity and the socio-political situation on the Korean Peninsula from the period of liberation to the Korean War] In Genesis: istoricheskieissledovaniya. 2020. no 12: 161–170. (In Russian).
6. Kurbanov S.O. Istoriya Korei: s drevnosti do nachala XXI v. [Kurbanov S.O. History of Korea: from ancient times to the beginning of the 21st century]. Sankt-Peterburg, 2024. 752 p. (In Russian)
7. Lan'kov A. Netol'kokimchkh: istoriya, kul'tura i povsednevnayazhizn' Korei. [Lankov A. Not just kimchi: history, culture and everyday life of Korea.] Moskva, 2024. 608 p. (In Russian).
8. Li S.YU. K voprosu o kategorii «synovnyaya pochtitel'nost'» hyo v korejskoj literature (tradicii i sovremennost'). [Lee S.Yu. On the Category of "Filial Piety" Hyo in Korean Literature (Traditions and Modernity)]. In Materialy XVI nauchnoj konferencii koreevedov Rossii istran SNG. Institut Dal'nego Vostoka RAN. Moskva, 2012. URL: <https://koryo-saram.site/li-san-yun-k-voprosu-o-kategorii-synovnyaya-pochtitel'nost-hyo-v-korejskoj-literature-traditsii-i-sovremennost/> (In Russian)
9. Li YU. Vliyanie hristianstva na rasprostranenie evropejskoj muzykal'noj kul'tury v Koree [Lee Yu. The Influence of Christianity on the Spread of European Musical Culture in

- Korea] In *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gercena*. 2011. no 132: 144–147. (In Russian)
10. Lim S.CH., SHestopal S.A. Problemy modernizacii obrazovaniya v dokolonial'noj Koree v 1883–1910 gg. [Lim S.Ch., Shestopal S.A. Problems of modernization of education in pre-colonial Korea in 1883–1910]. In *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. Vladivostok, 2018. no 3: 61–72. (In Russian)
11. Matosyan A.E. Osobennosti stanovleniya "myagkoj sily" kak instrumenta vneshnej politiki Respubliki Koreya. [Matosyan A.E. Features of the formation of "soft power" as an instrument of foreign policy of the Republic of Korea]. In *Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2024. No 2. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70864 (In Russian)
12. Pesnyasmerti. [Song of Death]. URL: <https://www.kmdb.or.kr/db/kor/detail/movie/K/04484> (In Russian)
13. Petrov A.I. Pervomartovskoe dvizhenie korejskogo naroda za nezavisimost'. [Petrov A.I. The March 1st Movement of the Korean People for Independence]. In *Rossiya i ATR*. 2000, no 1: 29–39. (In Russian)
14. Tertickij F. K. Obrazovatel'naya politika Yaponii v kolonial'noj Koree. [Tertitsky F.K. Educational policy of Japan in colonial Korea]. In *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 2012. no 20 (100): 290–302. (In Russian)
15. Fedorenko K.S. Predposylki fenomena korejskoj volny (konec 1950-h – nachalo 1970-h godov). [Prerequisites for the "korean wave" phenomenon (late 1950s - early 1970s)]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022. T. 44, no 8: 20–26. (In Russian)
16. CHan YU. Trot, ballady i tanceval'naya muzyka. [Chan Yu Trot, Ballads, and Dance Music]. In *Koreana*. 2020. T. 16, no 2: 16–21. (In Russian)
17. CHzhen I.A. K-pop music: vzaimodejstviekul'tur. [Zheng I. A. K-pop music: the interaction of cultures]. In *Kul'turnye institucii i mediacii hudozhestvennoj zhizni: tvorchestvo hudozhnika v social'nyh koordinatah. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: Zabajkal'skij gosudarstvennyj universitet (CHita)*. P. 184–185. (In Russian)
18. YUn Simdok. [Yun Simdok]. URL: <https://www.kmdb.or.kr/db/kor/detail/movie/K/01862> (In Russian)
19. Atkinson K. Billboard Music Awards 2023 Winners: Full List // Billboard. 11.19.2023 URL: <https://www.billboard.com/music/awards/2023-billboard-music-awards-bbmas-winners-list-1235491435/> (дата обращения: 03.03.2026).
20. Cheon S. Depressing lyrics during the Japanese colonial era // The Dong-a Ilbo. 09.02.2018 URL: <https://www.donga.com/en/article/all/20180209/1220501/1> (дата обращения: 14.01.2026).
21. Haring B., Rodrigo O. Scored Seven Wins At 2022 Billboard Music Award – Winners List // Billboard. 15.05.2022 URL: <https://deadline.com/2022/05/2022-billboard-music-awards-unveils-non-televised-winners-with-olivia-rodigo-ye-tied-at-six-1235024226/> (дата обращения: 03.03.2026).
22. Kim G., Hong S. 200-Point Win Drives 'Miss Trot 4' to 16.6% Peak // The Chosun Daily. 13.02.2026. URL: <https://www.chosun.com/english/kpop-culture-en/2026/02/13/>.
23. Maliangkay R. Their Masters' Voice: Korean Traditional Music SPs (Standard Play Records) under Japanese Colonial Rule // *The World of Music. Music and Politics on the Korean Peninsula*, 2007. Vol. 49, No. 3. p. 57.
24. Yuh L. Korean Female Education, Social Status, and Early Transitions, 1898 to 1910 // *Korea Journal*, vol. 61, no. 4 (winter 2021). P. 271–305.
25. Yuh L. The Nationalist Critique of Female Double Suicide in Colonial Korea *International Journal of Korean History*. Seoul, 2022. 27(2). P. 1-30.

26. Yun Sim-deok, Korea's First Professional Soprano // KBS World. 23.08.2012. URL: http://world.kbs.co.kr/serviceChunSu-jin/contents_view.htm?lang=e&menu_cate=history&id=&board_seq=60870&page=0.
27. Gyo'oe'eumakhoe'uisseonghwang. [The success of the suburban music concert]. In JoseonIlbo. 19.05.1924. 4 p. (In Korean)
28. Gi'a'euneunsambaengmandongpo! yeoryu'uisoneurojaseoneumak. [Three Million Compatriots Weeping Over Starvation! Charity Music by Women's Hands]. In Joseon Ilbo. 19.10.1924. 4 p. (In Korean)
29. Gim Ujin. [Kim Woo-jin]. In HangungMinjongMunhwaDaebaekgwaSajeon. URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0010000> (In Korean)
30. Daehopyeong-ui dong-ugeuk. [Highly acclaimed Dongwoo Theater]. In Dong-a Ilbo. 30.07.1921. 4 p. (In Korean)
31. Dong-asanghoeginyeom. [Dong-A Trading Company Commemorative]. In Joseon Ilbo. 26.06.1923. 4 p. (In Korean)
32. Dong-uhoegeukdalrae. [Arrival of the Dongwoo Theatre Troupe]. In Dong-a Ilbo. 27.07.1921. 4 p. (In Korean)
33. Miseu Teurot 1 hoe. [Miss Trot Episode 1]. URL: https://vod.tvchosun.com/vod/2/C201800100/14703/vod.cstv?_gl=1*d10ik0*_ga*OTUwNjkxNTAuMTc3ODc5MDYxMQ..*_ga_D5GZR50LJV*czE3Nzg3OTA2MTAkbnZzEkdDE3Nzg3OTEExNzYkajlyJGwwJGgw (In Korean)
34. Samjunyeoneulyeonghaneun dong-abu'insanghoe'uiginyeomdeokdae'eumakhoe. [A Grand Jubilee Concert in Honor of the Third Anniversary of the Dong-A Women's Association]. In Dong-a Ilbo. 25.06.1923. 4 p.(In Korean)
35. Seogilakdanuimyeongseongyunsimdeogyang. [Yoon Sim-dok, a star of the music world of yesteryear]. In Dong-a Ilbo. 01.08.1925. 4 p.(In Korean)
36. Seogilakdanuimyeongseongyunsimdeogyang (I). [Yoon Sim-dok, a star of the music world of yesteryear (2)]. In Dong-a Ilbo. 02.08.1925. 4 p.(In Korean)
37. Seogilakdanuimyeongseongyunsimdeogyang (Sam). [Yoon Sim-dok, a star of the music world of yesteryear (3)]. In Dong-a Ilbo. 04.08.1925. 4 p.(In Korean)
38. Seogilakdanuimyeongseongyunsimdeogyang (Sa). [Yoon Sim-dok, a star of the music world of yesteryear (4)]. In Dong-a Ilbo. 05.08.1925. 4 p.(In Korean)
39. Seogilakdanuimyeongseongyunsimdeogyang (O). [Yoon Sim-dok, a star of the music world of yesteryear (5)]. In Dong-a Ilbo. 07.08.1925. 4 p.(In Korean)
40. Yesureul tam ha'yabae'usaenghwal. [Acting life driven by the pursuit of art]. In Dong-a Ilbo. 06.02.1926. 6 p.(In Korean)
41. YU Minyeong YUn Simdeok. [Yoo Min-young Yoon Sim-deok]. In HangungMinjongMunhwaDaebaekgwaSajeon. URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0042442>. (In Korean)
42. Joseonui'ilryuseong-akgaYUnSimdeogyang. [Miss Yun Sim-deok, a First-Class Vocalist of Joseon]. In JoseonIlbo 16.12.1924. 4 p.(In Korean)

Сведения об авторе

Федоренко Кристина Сергеевна, соискатель кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация, fedorenko.k.s@yandex.ru

About the Author

Fedorenko Kristina Sergeevna, postgraduate Student of the Department of World History and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040, Krasnodar, Russian Federation, fedorenko.k.s@yandex.ru

**ИСТОРИЯ ЕЙСКОГО РАЙОНА В СОВРЕМЕННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
ШАПОВАЛОВ С.Н. ЕЙСКИЙ РАЙОН: ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Степанова Лилия Геннадьевна

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

liliya_stepanova@list.ru

Аннотация. Рецензия посвящена монографии С.Н. Шаповалова «Ейский район: история и современность», опубликованной в 2026 г. Хронологические рамки исследования охватывают диапазон от первобытных стоянок эпохи бронзы на территории района до его современного социального-экономического положения и административно-территориального устройства. При написании монографии автор использовал разнообразные исторические источники: делопроизводственные, законодательные, статистические материалы, сборники документов, словари и энциклопедии, материалы периодической печати. Значительный пласт источников составляют неопубликованные архивные документы. В центре внимания исследования находятся вопросы складывания и изменения административно-территориальных границ района, вхождения и основания в его составе различных населенных пунктов, в том числе казачьих куреней, куренных селений, хуторов, станиц, иностранных колоний, советских поселков. Автор изучает динамику численности населения и его хозяйственную деятельность. Особенностью монографии является наличие приложения, которое содержит сведения по истории современных населенных пунктов Ейского района. Они структурированы в соответствии с административно-территориальным устройством и включают в себя краткую историю всех населенных пунктов. Сведения о поселениях содержат данные об этимологии названия, локализации, дате основания, динамике численности населения, социально-экономической деятельности жителей.

Ключевые слова: административно-территориальное устройство, Ейский округ, Ейский район, Краснодарский край, Российская империя, черноморские казаки.

Для цитирования: Степанова Л.Г. История Ейского района в современных исследованиях. Рецензия на монографию: Шаповалов С.Н. Ейский район: история и современность // Вестник Кубанского государственного университета. Исторические науки. 2026. № 2. С. 152–158.

THE HISTORY OF THE YEISK REGION IN MODERN RESEARCH REVIEW OF THE MONOGRAPH: S.N. SHAPOVALOV. YEISK DISTRICT: HISTORY AND MODERNITY

Stepanova Liliya Gennadievna
Kuban State University, Krasnodar, Russia
liliya_stepanova@list.ru

Summary. This review is devoted to S.N. Shapovalov's monograph "Yeisk District: History and Modernity," published in 2026. The chronological framework of the study covers a range from the prehistoric settlements of the Bronze Age in the district to its current socio-economic status and administrative-territorial structure. In writing the monograph, the author used a variety of historical sources: administrative, legislative, and statistical materials, collections of documents, dictionaries and encyclopedias, and periodicals. A significant portion of the sources are unpublished archival documents. The study focuses on the formation and change of the district's administrative-territorial boundaries, the inclusion and establishment of various settlements within it, including Cossack kurens, kuren villages, farmsteads, stanitsas, foreign colonies, and Soviet settlements. The author examines population dynamics and its economic activity. A special feature of the monograph is the inclusion of an appendix containing information on the history of modern settlements in the Yeisk District. They are structured according to administrative-territorial structure and include a brief history of all settlements. Information on settlements includes information on the etymology of their names, location, date of foundation, population dynamics, and the socioeconomic activities of their residents.

Key words: administrative-territorial structure, Yeisk Okrug, Yeisk District, Krasnodar Krai, Russian Empire, Black Sea Cossacks.

For citation: *Stepanova L.G. The History of the Yeysk District in Modern Research. Review of the Monograph: S.N. Shapovalov. The Yeysk District: History and Modernity. Krasnodar: Kuban State University, 2026. 233 p. ISSN 978-5-8209-2771-3. Journal of the Kuban State University Historical Sciences, 2026, no. 2, p. 152–158.*

В настоящее время в исторической науке наблюдается смещение фокуса исследований от изучения макроисторических процессов к событиям микроистории. Объектами последней могут выступать как отдельные районы, города, села, хутора, так и отдельные локальные сообщества и группы. Такой подход позволяет глубже погружаться в анализ эпохи и активно использовать методику междисциплинарного подхода. Теоретические основы изучения истории населенных пунктов были заложены в работах М. Вебера [1], Ф. Броделя [2], И.М. Гревса [3] и Н.П. Анциферова [4]. Города осмысливаются в качестве пространства и источника исторических изменений, локальных человеческих сообществ, а не только территорий и наделенных правовым статусом институций [5, с. 5].

До недавнего времени история городов и сел Краснодарского края освещалась в основном в газетных статьях и популярных краеведческих брошюрах. По степени историко-культурной концептуализации выделяются монографии В.В. Бондаря о дореволюционном Екатеринодаре [6; 7],

С.Н. Ктиторова о дореволюционном Армавире [8], И.А. Тверитинова о развитии Сочи [9], Б.Д. Герасименко об истории Новороссийска [10]. Обобщающее исследование истории станиц, хуторов и сел Кубани дореволюционного периода провела И.М. Федина [11].

Представленное монографическое исследование С.Н. Шаповалова является первой попыткой комплексного изучения истории Ейского района как одного из муниципальных образований Краснодарского края с момента появления на его территории древнейших племен, оставивших после себя богатое историческое наследие в форме различных стоянок и курганных насыпей, до нынешнего времени.

В фокусе внимания автора находятся вопросы складывания и изменения административно-территориальных границ Ейского района, вхождения и основания в его составе различных населенных пунктов, в том числе казачьих куреней, хуторов, селений, станиц, иностранных колоний, советских поселков, колхозов, совхозов и портового города Ейска. Такой подход позволил исследовать макроисторические процессы, отражающиеся на истории небольшого региона, изучить динамику численности населения, этнический состав, хозяйственную деятельность, исторические особенности формирования границ района.

Для реконструкции событий истории Ейского района С.Н. Шаповалов привлек разнообразные по содержанию, объему и значению исторические источники. Среди них выделяются делопроизводственные, законодательные, статистические материалы, сборники документов, словари и энциклопедии, материалы периодической печати. Большое значение имело использование неопубликованных документов, представленных материалами Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК), Архивного отдела администрации МО Ейский район. Скрупулезный анализ исторических источников позволил автору воссоздать исторические события, происходившие на территории Ейского района.

Содержание монографического исследования раскрывается на страницах четырех глав и 8 разделов. В первой главе «Заселение и освоение ейских земель до вхождения в состав Российской империи» автор прослеживает постоянное присутствие различных племен на территории Ейского района, начиная с эпохи бронзы. Факторами их привлечения в регион служили: «Богатая растительность кубанской степи, обилие в реках, лиманах и заливах различных сортов рыбы, многообразие животного мира» [12, с. 7]. Дальнейшая история заселения района представлена калейдоскопом кочевых и оседлых племен, оставивших после себя различные археологические памятники, среди которых выделялись «курганы разной величины, группировавшиеся в беспорядке в близком один от другого расстоянии» [13, с. 347]. В главе последовательно прослеживаются основные эпохи, племена и народности, населявшие земли

Северо-Восточного Приазовья до их вхождения в состав Российской империи.

Во второй главе «Освоение ейских земель в конце XVIII – начале XX в.» С.Н. Шаповалов сосредотачивает внимание на изучении процесса заселения ейских земель черноморскими казаками после их переселения на земли Кубани. В главе отмечается, что благодаря их деятельности была создана первая административная единица, получившая название Ейский округ. Важной исторической особенностью развития округа было практически перманентное увеличение границ, которое происходило как благодаря укрупнению административно-территориальных единиц, так и постоянным реорганизациям всей системы управления в Черномории. Одним из результатов этого процесса был рост числа различных населенных пунктов, входивших в состав Ейского округа, а также уезда и отдела.

Вопросы установления советской власти в районе и широкомасштабные административно-территориальные преобразования рассмотрены автором в третьей главе «Историческое развитие Ейского района в 1917–1991 гг.». Начало этому процессу было положено политикой волостизации и районирования, которая активно проводилась в период 1922–1937 гг. По итогам ее реализации бывший Ейский отдел был разукрупнен и преобразован в Ейский район, оказавшись сначала в составе Ростовского округа Юго-Восточной области РСФСР, а затем последовательно в Донском округе, в Северо-Кавказском крае, в Азово-Черноморском крае и с 13 сентября 1937 г. в Краснодарском крае. Значительное внимание в монографии уделено событиям коллективизации, индустриализации и Великой Отечественной войны.

Четвертая глава «Состояние и развитие Ейского района в конце XX – первой четверти XXI в.» посвящена изучению влияния проводившихся социально-экономических преобразований на промышленное и сельскохозяйственное развитие Ейского района. Автор отмечает, что в период 1990-х гг. жители Ейского района столкнулись с последствиями катастрофического состояния в экономике. Сложившаяся ситуация привела к закрытиям и перепрофилизациям десятков предприятий, которые обеспечивали экономическое развитие района в предшествующие десятилетия. Однако в XXI в. благодаря деятельности федеральных, краевых и местных властей, а также руководителей промышленных и сельскохозяйственных предприятий постепенно удалось преодолеть негативные процессы в экономическом развитии Ейского района.

В заключении монографии С.Н. Шаповалов справедливо отмечает, что такой колоссальный временной пласт (от эпохи бронзы до первой четверти XXI в.) не может быть осмыслен в рамках одного монографического исследования, оставляя широкий научный простор для углубленного изучения как отдельных исторических сюжетов, так и полноценных исторических процессов. Этому в немалой степени

способствует богатство и разнообразие источников по истории Ейского района, неравномерно распределенных между различными центральными, региональными и местными архивными учреждениями [12, с. 183].

В качестве приложения автором опубликованы сведения по истории современных населенных пунктов Ейского района. Они структурированы в соответствии с административно-территориальным устройством Ейского района и включают в себя краткую историю 39 населенных пунктов: станиц, хуторов, сел и поселков. Каждая из них содержит: этимологию названия, локализацию, дату основания, динамику численности населения, сведения о социально-экономической деятельности жителей.

Суммируя сказанное, стоит подчеркнуть, что новая монография С.Н. Шаповалова стала результатом многолетней работы с различными документальными материалами, позволившими воссоздать многие эпизоды из истории жителей Ейского района. При написании монографии использовались разнообразные исторические источники, часть архивных материалов привлекается впервые. Остается порекомендовать монографию С.Н. Шаповалова «Ейский район: история и современность» всем интересующимся региональной историей. Можно надеяться, что монография будет востребована историками, краеведами, преподавателями, обучающимися, а также всеми, кто интересуется историей России и Краснодарского края.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вебер М. Город. М.: StrelkaPress, 2018. 250 с.
2. Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1: Пространство и история / пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. 405 с.
3. Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / О.Б. Вахромеева. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. 372 с.
4. Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма: опыт комплексного подхода. Л.: «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1925. 148 с.
5. Касьянов В.В., Баранов А.В., Матвеев О.В. Теоретические аспекты исследований истории населенных пунктов (на материалах Краснодарского края) // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: к 80-летию освобождения Крыма и Украины от нацистской оккупации и 110-летию начала Первой мировой войны: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Геленджик, 24–26 мая 2024 г. Краснодар: КубГУ, 2024. С. 5–9.
6. Бондарь В.В. Город Екатеринодар в пространстве и времени: опыты исторической урбанистики. Краснодар: Изд. Игорь Платонов, 2006. 126 с.
7. Бондарь В.В. Войсковой город Екатеринодар. 1793–1867 гг.: историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. М.: Институт наследия, 2023. 202 с.
8. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918). Армавир, 2002. 197 с.
9. Тверитинов И.А. Особенности социально-экономического развития Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Сочи, 2002. 233 с.

10. Герасименко Б.Д. Очерки истории Новороссийска. Новороссийск: ГУП «Новороссийское полиграфобъединение», 2002. 263 с.
11. Федина И.М. Поселенческая повседневность черноморских казаков. Краснодар: КубГУ, 2023. 190 с.
12. Шаповалов С.Н. Ейский район: история и современность. Краснодар: КубГУ, 2026. 233 с.
13. Черный К.Н. Ейский уезд. Статистическое описание // Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета, издаваемые под редакцией Е. Д. Фелицына, действительного члена Кубанского областного статистического комитета. Екатеринодар, 1883. Т. 1. С. 338–548.

REFERENCES

1. Veber M. Gorodt [City.]. Moscow: Strelka Press, 2018. (in Russian).
2. Brodel', F. Chto takoe Franciya? [What is France?] Vol. 1. Prostranstvo i istoriya / per. s fr. Moscow: izd-voim. Sabashnikovyh, 1994. (in Russian).
3. Chelovek s otkrytym serdcem. Avtobiograficheskoe i epistolyarnoe nasledie Ivana Mihajlovicha Grevs (1860-1941) [A Man with an Open Heart: The Autobiographical and Epistolary Legacy of Ivan Mikhailovich Grevs (1860–1941)]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2004. (in Russian).
4. Anciferov, N.P. Puti izucheniya goroda, kak social'nogo organizma: opyt kompleksnogo podhoda [Ways of studying the city as a social organism: an experience of an integrated approach.]. Leningrad: «Seyatel'» E. V. Vysockogo, 1925. (in Russian).
5. Kas'yanov V.V., Baranov, A.V., Matveev, O.V. Teoreticheskie aspekty issledovaniy istorii i naselennykh punktov (na materialakh Krasnodarskogo kraia) [Theoretical aspects of research into the history of settlements (based on materials from the Krasnodar Territory)]. In: Chernomorsko-Sredizemnomorskij region v kontekste nacional'nykh interesov Rossii: k 80-letiyu osvobozhdeniya Kryma i Ukrainy ot natsistskoj okkupatsii i 110-letiyu nachala pervoj mirovoj vojny. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Gelendzhik, 24–26 maya 2024 goda. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2024, pp. 5-9. (in Russian).
6. Bondar' V.V. Gorod Ekaterinodar v prostranstve i vremeni: opyty istoricheskoy urbanistiki [The city of Ekaterinodar in space and time: experiments in historical urban studies]. Krasnodar: Izd. Igor' Platonov, 2006. (in Russian).
7. Bondar' V.V. Vojskovoj gorod Ekaterinodar. 1793–1867 gg.: Istoriko-kul'turnaya specifiika i funktsional'naya rol' v sisteme gorodskih poselenij Rossijskoj imperii [The military town of Yekaterinodar. 1793–1867: Historical and cultural specificity and functional role in the system of urban settlements of the Russian Empire.]. Moscow: Institut Naslediya, 2023. (in Russian).
8. Ktitorov S.N. Istoriya Armavira (dosovetskij period: 1839–1918) [History of Armavir (pre-Soviet period: 1839–1918).]. Armavir, 2002. 197 s. (in Russian).
9. Tveritinov I.A. Osobennosti social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sochinskogo okruga vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Features of the socio-economic development of the Sochi district in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Dis. ... kand. ist. nauk. Sochi, 2002. (in Russian).
9. Gerasimenko B.D. Ocherki istorii Novorossiyska [Essays on the history of Novorossiysk]. Novorossiysk: GUP «Novorossiyskoe poligrafob"edinenie», 2002. (in Russian).
10. Fedina I.M. Poselencheskaya povsednevnost' chernomorskih kazakov [Everyday life of the Black Sea Cossacks]. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2023. (in Russian).

11. Shapovalov S.N. Ejskij rajon: istoriya i sovremennost' [Yeisk district: history and modernity.]. Krasnodar: Kubanskijrgos. un-t, 2026.(in Russian).
12. Chernyj K.N. Ejskij uezd. Statisticheskoe opisanie [Yeisk County. Statistical Description]. In: Kubanskij sbornik, vol. 1. Ekaterinodar, 1883, pp. 338–548.(in Russian).

Сведения об авторе

Степанова Лилия Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация, liliya_stepanova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3729-237X>

AbouttheAuthor

Stepanova Liliya Gennadijevna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History at Kuban State University, 149 Stavropolskaya Street, 350040 Krasnodar, Russian Federation, liliya_stepanova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3729-237X>

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СОВРЕМЕННОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЕ:
СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ»**

Матвеев Олег Владимирович

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
vim12@rambler.ru

14–17 апреля 2026 г. в Чеченском государственном университете им. А.А. Кадырова прошла Международная научная конференция «Современное историческое кавказоведение: состояние, проблемы, перспективы», посвященная 75-летию выдающегося ученого-кавказоведа, академика Академии наук Чеченской Республики, профессора, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Чеченской Республики Шахрудина Айдиевича Гапурова. Организаторами конференции выступили Академия наук Чеченской Республики и Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова.

В работе конференции приняли участие кавказоведы из всех северокавказских субъектов Российской Федерации, ряда российских регионов (Москва, Башкирия, Калмыкия, ЛНР и др.), а также из Азербайджана, Абхазии, Иордании, Казахстана, Южной Осетии.

Участники конференции из Чечни (Д.В. Умаров, А.М. Бугаев), Адыгеи (А.Д. Панеш), Кабардино-Балкарии (П.А. Кузьминов), Ростова-на-Дону (Е.Ф. Кринко), Северной Осетии (Л.А. Чибиров), Дагестана (Э.М. Далгат и др.), Карачаево-Черкесии (Ш.М. Батчаев), Краснодарского края (О.В. Матвеев) и др. много говорили о весомом вкладе профессора Ш.А. Гапурова в восстановление единого научного пространства отечественного кавказоведения. Своими трудами, выступлениями на научных форумах, в личном общении Ш.А. Гапуров способствовал в 1990-е – 2000-е гг. налаживанию общения и взаимопонимания историков-кавказоведов, преодолению предубеждений и крайностей. Уроки, которые преподал ученый, востребованы современным общественным сознанием и служат делу укрепления российской государственности, общего дома, традиционной системы ценностей наших народов, выступают примером наглядного воплощения этического кодекса историков-кавказоведов.

Программу трехдневной конференции продолжили заседания 7 содержательных тематических секций. На секции «Древняя и средневековая история народов Кавказа» прозвучали доклады о проблемах археологии (Т.Р. Загаезжев), антропологии (К.А. Карданов), генеалогии

(Ф.А. Полчаева), кавказских древностях (Э.Г. Узунян, М.А. Тангиев), российско-северокавказских средневековых связях (С.А. Бегуев) и др.

На секции «Народы Кавказа в период Нового времени» шел разговор о прошлом Чечни и чеченцев (Я.З. Ахмадов, Т.С. Магомадова, Ш.А. Гапуров, А.М. Сугаипова), сюжетах истории Дагестана (П.М. Казамбиева, Н.Н. Гарунова, Ю.М. Идрисов, А.Б. Измайлов), о регионе в контексте международных отношений (Э.М. Оздамирова, Ш.А. Гапуров, Д.С. Кидирниязов) и др.

В рамках секции «Политическое и социально-экономическое развитие Кавказа в XIX в.» происходили интересные дискуссии о ходе и последствиях Кавказской войны (Э.М. Далгат, И.З. Хатуев, С.М. Демелханов, М.К. Осмаев, А. С. Мирзоев, О.В. Матвеев и др.), вопросам модернизации и урбанизации Северного Кавказа (В.Н. Ракачев, Р.А. Николаенко, И.Х. Исаев, Д.И. Состин), проблемам интеграции горцев с Россией (А.А. Пустовалов, А.Х. Курмансеитова) и др.

На секции «Политическое и социально-экономическое развитие народов Кавказа в XX–XXI вв. много внимания было уделено роли Великой Отечественной войны в истории народов Северного Кавказа (С.А. Хубулова, А.А. Татаров, Д.Д. Чотчаев, З.Н. Гаджиева, З.А. Гелаева и др.), вопросам социальных и административных преобразований в Чечне, Кабарде, Балкарии, Карачае (М.И. Салпагарова, А.Ж. Шереужев, А.А. Байрамкулова), послевоенному времени (Ю.М. Лысенко, А.Д. Осмаев, К.Г. Дендиев).

Специальная секция была посвящена проблемам региональной безопасности и геополитическим интересам мировых и региональных держав. Интересные доклады прозвучали о Южном Кавказе (Е.М. Горюшина, А.В. Проценко, Г.В. Чакветадзе), Кабардино-Балкарии (А.А. Тумов), Чеченской Республике (В.Х. Акаев, В.З. Газиев, М.Х. Алисханова), по вопросам молодежной политики, экологии, религиозного экстремизма и др.

Шестая и седьмая секции были посвящены этнокультурному многообразию Северного Кавказа и искусству чеченского народа. Обстоятельные доклады были представлены о традиционной культуре даргинцев, адыгов, абхазов, чеченцев (З.Х. Берсанова, И.Х. Сулаев, А.Х. Идигова, Э.В. Сангулия, Р.М. Ханинова), по вопросам этнолингвистики (А.Т. Абдулкадыров, А.А. Абдумуслимов), литературоведения (Т.Ш. Мукаева, А.Х. Дзыба, Ф.О. Мамчуева), системе ценностей (М.Ж. Гелогаева, В.Ш. Расумов), декоративно-прикладному искусству (В.Р. Вейсалова, А.К. Амирханова, Ф.О. Абаева).

Конференция прошла в теплой и радушной атмосфере, в рамках уважительного отношения оппонентов друг к другу в ходе общения и дискуссий. Было высказано немало идей и пожеланий в плане расширения источниковой базы, совершенствования методологии познания, проблемам горской государственности, репрессивной политики, интеграции,

социально-экономическим, геополитическим и духовным аспектам. Задачи по анализу современного состояния кавказоведения, обсуждению проблем и перспектив этого научного направления в российском академическом пространстве ученые блестяще выполнили. Все представленные материалы войдут в официальный сборник конференции, который готовится к публикации.

Многие участники конференции высказали признательность гостеприимным грозненцам за хорошую организацию форума, обеспечение необходимых условий для работы, яркую культурную программу.

Информация об авторе

Матвеев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация, vim12@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

Information About the Author

Matveev Oleg Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040, Krasnodar, Russian Federation, vim12@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ ЧЕРНОМОРСКО- СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО РЕГИОНА

Баранов Андрей Владимирович

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
baranovandrew@mail.ru

21–23 мая 2026 г. в городе-курорте Геленджик состоялась Международная научно-практическая конференция «Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 330-летию со дня образования Кубанского казачьего войска». Её организатором выступил Кубанский государственный университет в лице кафедры истории России и кафедры политологии и политического управления в сотрудничестве с Институтом политических исследований (Сербия), Университетом УНИОН–Никола Тесла (Сербия), Донецким государственным университетом, Южным федеральным университетом и Крымским федеральным университетом имени В.И. Вернадского.

Конференция проводится ежегодно с 2016 г. в различных городах Юга России. Ее цель – формировать и распространять научные знания о многовековом цивилизационном и политическом влиянии Российского государства в Черноморско-Средиземноморском регионе, о современных направлениях и методах обеспечения национальной безопасности России, актуальных вопросах внутренней и внешней политики стран Черноморско-Средиземноморского региона.

Заседания конференции на сей раз были проведены в филиале Кубанского государственного университета в г. Геленджике.

Работа конференции была проведена в рамках шести секций:

1. История Черноморско-Средиземноморского региона до 1917 г. в контексте национальной безопасности Российского государства.
2. Новейшая история Черноморско-Средиземноморского региона в контексте национальной безопасности Российского государства.
3. Казачество в системе обеспечения национальной безопасности Российского государства: история и современность.
4. Черноморско-Средиземноморский регион во внутривнутриполитических процессах современности.
5. Черноморско-Средиземноморский регион в современных международных отношениях.
6. Социокультурные аспекты развития Черноморско-Средиземноморского региона и укрепление российского патриотизма.

Пленарный доклад д-ра ист. наук, д-ра социол. наук, проф. В.В. Касьянова (КубГУ) был посвящён актуальным вопросам формирования и сохранения исторической памяти российской молодёжи о Великой Отечественной войне. Автор отмечает, что события войны 1941–1945 гг. имеют особое значение для исторической памяти населения современной России, выступают в качестве основополагающего компонента системы значимых ценностей россиян, опорного образа национального самосознания и коллективной идентификации. В статье подчеркивается, что подавляющее большинство россиян считают важным сохранение памяти о событиях Великой Отечественной войны, однако материалы опросов в то же время свидетельствуют о размывании памяти представителей различных возрастных групп и, в первую очередь, молодёжи о преступлениях нацистов и их пособников против мирного населения в годы войны, что обуславливает необходимость сохранения в исторической памяти молодого поколения знаний и представлений о преступлениях нацистов в этот период. Политика современного российского государства, направленная на формирование и сохранение исторической памяти молодёжи о событиях войны 1941–1945 гг., должна иметь комплексный характер, включая в качестве основных составляющих качественное и эффективное преподавание истории войны в различных учебных заведениях, привлечение наиболее авторитетных преподавателей и ученых, являющихся специалистами по истории войны, к работе со средствами массовой информации, активную популяризацию и широкое продвижение в молодежной среде знаний о событиях войны, реализацию исторических программ образовательного и просветительского характера.

Доклад д-ра ист. наук, проф. Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Н.И. Храпунова осветил проекты зарубежных авторов XVII–XVIII вв. по присоединению Крыма к России. Мысль о желательности передачи Крыма или его части России высказывали на условном «Западе» чаще, чем в Москве и Петербурге. В том числе, в 1645 г. великий коронный гетман Речи Посполитой Станислав Конецпольский представил королю Владиславу IV «Рассуждение о разрушении крымских татар и о союзе с Москвой». Хорват Юрий Крижанич написал трактат «Беседы о правлении» (или «Политика», 1663 г.), выдвинув проект присоединения Крыма к России. Это должно было обезопасить южные границы царства, способствовать развитию международной торговли, снабдить Россию богатейшими ресурсами. Крижанич предлагал перенести в Крым российскую столицу. Патрик Гордон представлял фавориту царевны Софьи Василию Голицыну соображения по поводу похода на Крым. Фельдмаршал Буркхард-Кристоф фон Миних в письме к фавориту императрицы Анны Иоанновны Эрнсту Бирону 14 апреля 1736 г. изложил планы, конечным итогом которых было завоевание Константинополя и провозглашение Анны Иоанновны греческой императрицей. Одним из этапов реализации проекта было покорение Крыма. В 1759 г. вышла

«История Российской империи при Петре Великом» Вольтера. Философ, основываясь на бумагах российских архивов, беседах с фон Манштейном и собственных фантазиях, утверждал, что у Петра «существовал план навсегда изгнать турок и татар из Крыма и наладить там, наконец, большую удобную торговлю с Персией через Грузию». В 1781 г. британец Реджинальд Поул-Кару, совершивший путешествие в Крым, писал Г.А. Потёмкину, что присоединение к России было бы благом для полуострова. «Крымский вопрос» широко обсуждался на Западе в течение, по крайней мере, 150 лет. Присоединение полуострова к России считалось вполне допустимой и даже оправданной мерой. Аргументация разнилась от антимусульманской риторики до «цивилизаторской» миссии Европы и развития международной торговли.

Д-р ист. наук, проф. А.В. Чудинов (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского; Институт всеобщей истории РАН) проанализировал планы и намерения участников русско-турецкого союза, заключенного для противодействия военной экспансии революционной Франции в период войны в Египте 1798–1801 гг., как и привходящие обстоятельства, повлиявшие на линию поведения союзников в рамках альянса. Из-за крайнего недоверия к Англии турки, когда возникала необходимость, предпочитали обращаться за помощью к России, как, например, произошло в период подготовки соглашения об эвакуации французов из Египта. При обращениях турок за прямым содействием в освобождении Египта россияне избегали брать на себя такие обязательства, ограничиваясь поддержкой дипломатической и материальной, например, предоставлением транспортных судов для эвакуации французов. Хотя у России с Турцией виды на будущее Египта совпадали — обе хотели его перехода под власть султана, но представления о путях такого перехода у них рознились, и причина тому — негативная память о прошлом. Русские опасались, что после решения вопроса о Египте турки и французы восстановят свои союзнические отношения, направленные против России. Тем более, что и Бонапарт, и сменивший его Клебер давали для этого все основания, предлагая султану примирение для совместной войны против России. Поэтому русские дипломаты старались добиться освобождения Египта военным путем, чтобы максимально осложнить на будущее отношения между Парижем и Константинополем.

Д-р полит. наук, д-р ист. наук, проф. А.В. Баранов (КубГУ) раскрыл пространственные закономерности расселения казачества на Юге России в 1920-х гг. Отмечается роль природных, экономических и социально-политических факторов расселения казачества. Исследована роль конфликтов между казаками и иногородними, казаками и горцами в изменениях расселения казачества в 1920-х гг. Критически оценивается опыт «украинизации», отвергнутой казачеством. Порайонное размещение казачества подтверждает прямо пропорциональную зависимость между

удельным весом всего сельского и казачьего населения, а обратно пропорциональную – между этими индикаторами и наличием в местности качественной транспортной сети. Из 10 районов края с долей казачьего населения выше 75% 9 были расположены вдали от железных дорог и шоссе. И напротив, из 19 районов с удельным весом казаков менее 40% 12 были расположены на оживленных торговых путях либо в пригородных зонах. За 1923–1926 гг. довоенная численность казаков на Юге РСФСР восстановилась (3,0–3,1 млн чел.). Впервые составлена порайонная карта расселения казачества в 1926 г. Наибольшая концентрация данной социальной группы (свыше 75% жителей) отмечена в сельских районах со слабой транспортной сетью, лежащих вдали от административных и культурных центров. Рассмотрено территориальное измерение урбанизации. Казаки сохраняли весомое представительство на Кавказских Минеральных Водах, грозненских нефтепромыслах. В целом по Северо-Кавказскому краю удельный вес казаков среди горожан был меньше, чем иных групп населения. Территориальный, в том числе картографический анализ двуязычия казачества показал высокую степень схождения этнических процессов среди жителей края и казаков. Ассимиляция «украинской» части казачества в 1920-х гг. шла постепенно и добровольно. Её факторами были: урбанизация; проживание в неславянской языковой среде; удаленность от территории СССР.

Г.В. Марченко – д-р ист. наук, проф. Санкт-Петербургского университета МВД Российской Федерации раскрыл значение государственно-патриотического мировоззрения как фактора укрепления национальной безопасности России. В 2025 г. в Санкт-Петербургском университете МВД подготовлен и реализован молодежный патриотический проект «Отечества достойные сыны» (автор – адъюнкт лейтенант полиции Е.Р. Симончук, наставник – профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы, доктор исторических наук, доцент, ветеран боевых действий, почетный сотрудник МВД России Г.В. Марченко). Цель проекта – формирование нравственных ориентиров и идеалов у молодого поколения на примере выдающихся личностей отечественной истории посредством проведения очных мероприятий: уроков Мужества, лекций, викторин, дебатов – в школах и высших учебных заведениях г. Санкт-Петербурга. Тематика занятий и выбор исторических личностей – патриотов России, определялся специализацией аудитории: с курсантами и слушателями вузов силовых ведомств, суворовцами и кадетами занятия посвящены выдающимся отечественным военно-политическим деятелям, со студентами гражданских вузов проводились культурно-просветительские беседы о достижениях выдающихся российских ученых, в школах в популярной форме предлагались рассказы о писателях, поэтах, музыкантах и художниках. За 2025 г. организовано 107 очных мероприятий и творческих конкурсов, эссе в заочном формате, суммарный охват аудитории 1200 чел. По результатам конкурсного отбора на право получения премии

Правительства Санкт-Петербурга проект «Отечества достойные сыны» признан лучшим молодёжным проектом г. Санкт-Петербурга в 2025 г.

Канд. ист. наук, доц. О.А. Дибас и канд. ист. наук, доц. Л.С. Милокост (Луганский государственный педагогический университет) определили роль казачества в воспитании традиционных российских ценностей у студентов педагогических вузов. Обобщены масштабы участия Кубанского и Донского казачества в вооружённой защите ДНР и ЛНР, в СВО за 2014–2025 гг., в направлении гуманитарных грузов, в образовательно-воспитательной сфере. Кубанское войско сформировало три подразделения: имени атамана Чепеги (март 2022 г.), «Кубань» (БАРС-11) и БАРС-16. Отряд БАРС-16 («Кубань») активно действовал на Луганском направлении, в частности, принимал участие в освобождении городов Северодонецк и Лисичанск в ходе совместной операции с подразделениями ЛНР и ВС РФ. На 2024 г. в зоне проведения СВО находилось свыше 5,7 тыс. кубанских казаков. Отряд БАРС-16, по свидетельству представителей ККВ, «удерживал Красный Лиман без артиллерийской поддержки, без ПВО, при соотношении сил один к пятнадцати. Свыше 500 бойцов отряда удостоены государственных наград. В ЛНР получил известность казачий отряд «Терек», действовавший в составе Народной милиции республики с 2014 г., который в 2022 г. принимал активное участие в боях за Попасную — один из самых сложных участков фронта.

Коньшев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф. (Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ) раскрыл актуальные вопросы обеспечения морской безопасности России. Организация защиты подводной инфраструктуры требует новых правовых подходов. Поскольку прецеденты чаще случаются в исключительной экономической зоне прибрежных государств, они подпадают под действие Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Согласно ст. 56 и 60 конвенции, прибрежные государства могут создавать защищенные зоны только вокруг объектов, служащих для управления морскими ресурсами, для экономической разведки, разработки ресурсов акватории и морского дна. Прибрежное государство вправе принимать «надлежащие меры для обеспечения безопасности» и ширину таких зон с учетом международных стандартов. На этом пути может быть обеспечена безопасность «Голубого потока» и «Турецкого потока», идущего по исключительным экономическим зонам России и Турции.

Проблема возникает из-за того, что кабели и трубопроводы не относятся к типам сооружений, названных в ст. 56 и 60 Конвенции ООН, а их прокладка любым государством является частью свободной деятельности, которая распространяется на все исключительные экономические зоны. Тогда запретительные меры прибрежного государства для защиты своих кабелей и трубопроводов могут трактоваться как противоречащие свободе мореплавания других государств. Если преднамеренное разрушение кабелей и трубопроводов происходит за

пределами территориальных вод (12 морских миль), то его приходится трактовать не как нападение на суверенную территорию, а как теракт или умышленное нанесение вреда. Возникает неоднозначная ситуация – какая реакция на нападение будет считаться допустимой с правовой точки зрения? При каких условиях можно трактовать это как акт агрессии?

В этой связи ряд зарубежных экспертов считает, что нападение на подводную гражданскую инфраструктуру может стать обоснованием права на самооборону в соответствии с уставом ООН или НАТО. Для этого нужно доказать, что нападение вызвало или может привести к значительному ущербу критически важной инфраструктуры жизнеобеспечения, например, энергосистемы. Именно в русле такого подхода глава администрации премьер-министра Венгрии Г. Гуйяш заявил, что атаки ВСУ на «Турецкий поток» будут рассматриваться как нападение на члена НАТО. В заявлениях МИД РФ отмечалось, что повреждение газопроводов Черного моря нанесет серьезный ущерб региональной энергетической безопасности. Но существуют и косвенные меры защиты. После украинских атак на компрессорные станции «Турецкого потока» и «Голубого потока» на территории России в Турции рассматривают возможности ограничения прохода через проливы судов, обслуживающих в интересах Украины «зерновую сделку». Турция считает возможным привлечь военно-морскую Группу по противоминным мерам в Чёрном море (с участием Турции, Болгарии, Румынии) для защиты подводной инфраструктуры. Инциденты в Балтийском море с разрывом электроэнергетических кабелей между Финляндией и Эстонией привели к задержанию судна «EagleS», шедшего под флагом Островов Кука. Создан прецедент ареста судна на основе подозрения в умышленном повреждении кабеля, хотя Конвенция по морскому праву не дает права военным судам захватывать суда из-за подозрений.

В международном праве отсутствуют эффективные нормы, позволяющие прибрежному государству защитить кабели и трубопроводы в собственной исключительной экономической зоне. Еще большая проблема возникает, когда подводные кабели и трубопроводы данного государства проходят и по исключительным экономическим зонам других государств или в открытом море. Для разрешения коллизии государства могут принять собственные законодательные меры, необходимо также либо внести дополнение к Конвенции, либо разработать иные нормы международного права. Защититься от подводных атак крайне сложно. Судя по растущему числу инцидентов и важности подводной гражданской инфраструктуры, государствам придется создавать постоянно работающие системы мониторинга и охраны подводных объектов. Они должны включать в себя патрульные корабли, ремонтные суда, воздушные, надводные и подводные дроны для ведения разведки, подводные сенсоры для обнаружения приближающегося судна. В первую очередь это касается территориальных вод и исключительных экономических зон государств.

Н.А. Филин, д-р ист. наук, проф. (Российский государственный гуманитарный университет) и О.В. Алексеева (Научный проект «Ломоносов», Москва проанализировали ключевые интересы Ирана по вопросу раздела Каспийского моря. С применением ресурсно-акторного подхода рассмотрены экономические, геополитические и военно-стратегические императивы иранской политики в регионе. Особое внимание уделяется анализу конфликта интересов между прикаспийскими государствами, позиции Тегерана по правовому статусу Каспия и перспективам освоения углеводородных ресурсов. Иран последовательно выступает за демилитаризацию Каспийского моря и запрет военного присутствия внерегиональных держав и организаций, прежде всего НАТО. Эта позиция нашла отражение в Конвенции 2018 г., которая запрещает иностранным государствам создавать военные и военно-морские базы на каспийском побережье. Военно-морское присутствие Ирана на Каспии обеспечивается двумя независимыми командованиями: Командованием ВМС в зоне Каспийского моря (4-й военно-морской район с базой в Энзели) и подразделениями Корпуса стражей исламской революции (КСИР) с базой в порту Ноушехр. Иран располагает учебными центрами в портах Ноушехр и Энзели, в Реште, включая школу боевых водолазов. В случае кризиса Тегеран может использовать железнодорожное сообщение для переброски малых подводных лодок и патрульных судов с южного побережья на Каспий.

Особое беспокойство Ирана вызывает усиление военного сотрудничества Азербайджана с Турцией и Израилем, наращивание военно-морского потенциала Казахстана при поддержке западных партнеров. Инцидент 2001 г., когда иранский военный корабль и два истребителя вытеснили исследовательское судно British Petroleum из спорного участка месторождения Араз-Алов-Шарг, демонстрирует готовность Тегерана использовать военную силу для защиты интересов в неурегулированных зонах. Военно-стратегический ресурс Ирана на Каспии характеризуется асимметрией: относительно развитые ВМС и КСИР в регионе при ограниченных технологических возможностях для проецирования силы на значительное расстояние от побережья. Эта асимметрия определяет оборонительный характер иранской военной доктрины на Каспии, ориентированной на предотвращение внешнего вмешательства и контроль над прибрежными водами, а не на установление доминирования в регионе.

Подписание Актауской конвенции 2018 г. свидетельствует о частичном признании Тегераном *status quo*, однако сохраняющиеся разногласия по делимитации морских границ с Азербайджаном и Туркменистаном указывают на незавершенность переговорного процесса. Для Ирана Каспийское море остается важным, но не критическим элементом национальной энергетической стратегии. В условиях обладания вторыми по величине мировыми запасами газа и четвертыми – нефти каспийские ресурсы представляют скорее символическую и

геополитическую ценность, нежели материальную основу энергетической безопасности.

В числе докладов зарубежных участников привлекли внимание выступления д-ра филос. наук, проф. А. Панагопулоса (Европейская академия наук и искусств EASA, Австрия) об исторических уроках политики Антанты в Черноморском регионе (1914–1922 гг.), а также д-ра полит. наук, проф. З. Милошевича (Институт политических исследований, Сербия) об исторической памяти и политике памяти Сербии о событиях Великой Отечественной войны.

С.П. Барматова, д-р социол. наук, проф. (МИРЭА – Российский технологический университет) осветила тему «Подготовка Республики Крым и Краснодарского края к выборам 2026 г.: электоральные предпочтения и прогноз». Республика Крым и Краснодарский край могут стать одними из наиболее «показательных» регионов Российской Федерации с точки зрения результатов выборов в Государственную думу Российской Федерации IX созыва, которые пройдут в сентябре 2026 г. Такая «показательность» обосновывается несколькими причинами:

Геополитическое значение и символизм: Крым как регион, вошедший в состав РФ в 2014 г., продолжает оставаться символом внешней политики России, а Краснодарский край – ключевым субъектом Юга России, обеспечивающим стабильность в приграничном регионе. Высокие результаты голосования здесь необходимы для демонстрации легитимности и консолидации общества вокруг текущего курса власти.

Изменение электоральной географии (перенарезка округов): Краснодарский край усиливает свои позиции в Госдуме – число одномандатных округов там увеличится до девяти, что делает регион одним из крупнейших по представительству в нижней палате. Это делает борьбу за мандаты там особенно напряженной и показательной для партийной системы.

Обеспечение безопасности и законности: в условиях продолжающегося внешнего давления Крым и Краснодарский край требуют особого внимания к обеспечению безопасности избирательных участков и проведению выборов в правовом поле, что делает их «полигоном» для отработки процедур.

Особая повестка, соответствующая реалиям сегодняшнего дня: в этих регионах высока вероятность выдвижения кандидатов, участвовавших в СВО, что станет проверкой новой кадровой политики, которая начинает реализовываться в Российской Федерации.

Высокая явка и контролируемость: традиционно эти регионы показывают высокую явку и лояльность к власти, что позволяет федеральному центру использовать их для демонстрации «идеального» электорального процесса.

Особенностью думских выборов в 2026 г. в Республике Крым и Краснодарском крае может стать увеличение численности ветеранов СВО –

как в статусе кандидатов от политических партий, так и в статусе избирателей, поскольку и Крым, и Краснодарский край характеризуются как регионы, привлекательные для ветеранов СВО – это обусловлено сочетанием мягкого климата, развитой санаторно-курортной базы для реабилитации и обширным пакетом региональных мер поддержки, действующих на 2025–2026 гг. Наличие такого электорального контингента сделает выборы в этих регионах еще более показательными, а результаты, полученные в процессе выборов, в полной мере продемонстрируют и электоральные предпочтения жителей Республики Крым и Краснодарского края, и степень ответственности за свой выбор, которая действительно является непосредственной демонстрацией уровня консолидации граждан Российской Федерации вокруг власти и принимаемых политических решений.

Л.Б. Внукова, канд. полит. наук, ст. науч. сотр. (Южный научный центр РАН) осветила социальные и политические ценности студенчества Юга России. Опрос проводился в апреле – середине мая 2025 г. на платформе «Анкетолог» с разрешения руководства университетов. Всего опрошено 684 студента вузов Юга России: ЮФУ (380), ДГТУ (162), КубГУ (100) и др. Соответствующими выборке по количеству опрошенных, соотношению направлений подготовки можно считать наблюдения, полученные в ЮФУ, а все данные можно рассматривать как пилотные по Югу России, прежде всего для Ростовской области и Краснодарского края. Самыми значимыми социальными ценностями для опрошенных являются личная и государственная безопасность, что объяснимо продолжающимися несколько лет боевыми действиями и воздушными атаками по регионам, отдаленным от линии фронта.

Если обратиться к политическим ценностям, то значение 52,1% «Социальная справедливость и равенство» по «высокозначимому» приоритету говорит о преобладании левых настроений среди студентов, даже если они не относят себя к последователям соответствующих идеологий. Интересны результаты ценности «Возможность выбирать власть, политический плюрализм» с преобладанием ответа «значимо» – 48,1% над «высокозначимо» – 34,1%, т. е. значение этой ценности для студенческой молодежи несколько меньше, чем у других социальных ценностей. В выборке по студентам ЮФУ аналогичное соотношение – 46,6% и 33,7%. Коэффициент сопряженности между ценностью «Возможность выбирать власть, политический плюрализм» и направлению подготовки равен 0,226 – слабая связь (при приблизительной значимости коэффициента 0,003). Студенты гуманитарной направленности образования чаще других указывали высокозначимый приоритет этой ценности. Таким образом, в дихотомии «свобода – безопасность» в данный период приоритет сместился в сторону безопасности для значительного числа респондентов, однако не стоит абсолютизировать это наблюдение – разные «свободы» неодинаково ценны для молодежи и сокращение критически важных будет

иметь неоднозначные последствия. Для развития тезиса приведем результаты вопроса: «Чем вы готовы в первую очередь пожертвовать ради безопасности страны?» Самый распространенный ответ – затрудняюсь, что означает уход от ответа, нежелание поделиться мнением, в основе, вероятнее всего, страхи. Готовых чем-либо пожертвовать – около половины, чуть больше пятой части не готовы идти на жертвы. Коэффициент сопряженности между ответами на этот вопрос и ценностью «Возможность выбирать власть, политический плюрализм» равен 0,356 для группы «все ответившие» и 0,41 для группы «ЮФУ», умеренная связь (при приблиз. значимости коэффициента 100% для обеих групп). Указавшие приоритет «высокозначимо» для ценности, чаще других выбирали ответы «Наш народ понес уже достаточно жертв» или «Не готов чем-либо жертвовать ради безопасности страны». Студенты гуманитарной направленности образования склонны выбирать ответ «Наш народ понес уже достаточно жертв» и «Затрудняюсь ответить» (коэффициент сопряженности 0,283 при прибл. значимости 0,007).

Е.Г. Городецкая, канд. социол. наук, ст. науч. сотр. (Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН) проанализировала социальное самочувствие жителей Крыма в условиях современной реальности. Представлены результаты социологических исследований, которые провел Крымский филиал ФНИСЦ РАН в мае – июне 2022 г. (n = 320 респондентов) и в марте – апреле 2025 г. (n = 700 респондентов). Эмпирическую базу исследования составили результаты онлайн-опросов при репрезентативности выборки с учетом генеральной совокупности населения исследуемого региона по параметрам: пол, возраст, образование, национальность, городское и сельское население.

За прошедшие годы наблюдается положительная динамика в оценке социально-экономической и политической ситуации в Крыму. На 4% ситуация по сравнению с 2022 г., по мнению респондентов, улучшилась либо начала улучшаться. Более чем в 2 раза снизилось число тех, кто считает, что ситуация в регионе начала ухудшаться или ухудшилась. Общие проблемы, которые усложняют жизнь крымчан, таковы. В 2025 г. лидирующую позицию занимает рост цен и обнищание людей (57,4%), рост потерь среди российских военнослужащих (34,0%) и мирных жителей (29,1%) в ходе СВО. Одной из важных проблем является приток мигрантов в Россию из других стран и регионов, межнациональные конфликты (34,0%). Увеличение количества беженцев и мигрантов, прибывающих в Крым как из ближнего, так и из дальнего зарубежья, создает предпосылки для обострения межнациональных противоречий. Данная ситуация несёт риск возникновения напряжения и возможных столкновений с местными этническими группами. Больше четверти респондентов (25,7%) отметили высокий уровень террористической опасности на территории Крыма.

У большинства жителей Крыма уровень напряженности снизился либо отсутствует. В то же время 38% респондентов отмечают, что уровень

социальной напряженности за время проведения СВО среди жителей Крыма повысился либо остается высоким. Корреляционный анализ подтверждает эту тенденцию и среди представителей различных социальных групп. Исследования показывают, что уровень социальной напряженности среди женщин выше, чем у мужчин. Это связано с различными факторами, включая большую вовлеченность женщин в семейные заботы и более высокую чувствительность к новостям о безопасности. Рост тревожности в основном обусловлен близостью к месту проведения СВО. Тревожность зачастую не имеет четких оснований, поскольку обстановка на местах воспринимается как относительно спокойная. За последние годы мы наблюдаем рост доверия ко всем институтам центральной и региональной власти. Самый высокий уровень доверия – к Президенту России В.В. Путину, армии и к главе Республики Крым С.В. Аксёнову.

М.М. Кулумбегов, аспирант (Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова) раскрыл влияние внутривосточного кризиса в Грузии 2024–2026 гг. на региональную безопасность в Черноморье. Показаны его основные причины: рост политической поляризации, ослабление судебных и парламентских сдержек, конфликт вокруг законов об «иностранном влиянии», спор о европейском курсе страны. Прослежены ключевые этапы кризиса и раскрыто его влияние на внутреннюю устойчивость Грузии, безопасность Черноморья и позиции соседних государств и внешних игроков.

К весне 2026 г. внутривосточный кризис в Грузии перестал быть спором между властью и оппозицией. Речь идет о затяжном конфликте вокруг модели государства, внешнеполитического курса и пределов политического контроля. Первой причиной кризиса стала концентрация власти при слабых сдержках и противовесах. Второй причиной стал конфликт вокруг правового режима для неправительственных организаций и медиа. Третьей причиной стала связка внутренней политики с европейским выбором страны. Переломным моментом стало заявление премьер-министра 28 ноября 2024 г. о том, что вопрос об открытии переговоров с ЕС не будет ставиться до конца 2028 г.

Кризис в Грузии все сильнее влияет и на соседние страны. Для Украины и Молдавии нестабильность в Грузии осложняет выстраивание более согласованного круга партнеров ЕС в Черноморье и ослабляет общую связность восточной части региона. Для Армении и Азербайджана ситуация особенно чувствительна, потому что многие региональные маршруты проходят именно через грузинскую территорию. Любое серьезное обострение в Тбилиси повышает риски для торговли, перевозок и общей устойчивости транспортной системы на Южном Кавказе. Для Румынии, Болгарии и Турции грузинский вопрос давно связан не только с дипломатией, но и с энергетикой, связью и инфраструктурой. Всемирный банк относит проект черноморского подводного кабеля между Грузией и Румынией к числу самых важных инициатив для Южного Кавказа и Юго-

Восточной Европы. В проекте заинтересованы также Азербайджан, Армения, Болгария, Венгрия и другие государства. Поэтому затяжной кризис в Грузии создает реальные риски для крупных маршрутов связи, передачи энергии и поставок. Чем дольше сохраняется нестабильность, тем выше политические и правовые риски для всех участников таких проектов. Возникает и более широкий вопрос о надежности самой грузинской территории как опорного звена региональной связности. Одновременно возрастает зависимость регионального развития от внешних центров силы, которые все чаще связывают инфраструктурные инициативы с собственными геополитическими интересами и используют экономические проекты как средство политического влияния.

Для международных игроков грузинский кризис уже давно вышел за рамки местного сюжета. ЕС заморозил прямую бюджетную поддержку грузинским властям и связал дальнейшее развитие отношений с возвращением к реформам. Формально речь идет о демократических стандартах, но на практике такие шаги выступают как инструмент политического давления, позволяющий воздействовать на внутренний курс страны через финансовые и институциональные рычаги. Кризис в Грузии западные структуры рассматривают уже не просто как внутренний спор, а как часть более широкой борьбы за политическое переустройство Черноморского региона в выгодном для себя направлении. Речь идет не только о конфликте между грузинскими политическими силами, но и о включении Грузии в жесткое внешнее противостояние.

О.Б. Пенькова, канд. ист. наук, доц., зав. кафедрой истории России (Донецкий государственный университет) определила проявления и методы деструктивной ритуализации поведения современных украинцев (2014–2026 гг.). Показана ритуализация жизни, силовое навязывание деструктивного культа смерти с целью регулирования поведения, изменения идентичности простых граждан. Для понимания государственной политики манипулирования сознанием населения Украины использована методика Стивена Хассена. В стране на государственном уровне реализован беспрецедентный по масштабам пропагандистский проект, направленный на постепенное переформатирование идентичности миллионов людей. Планировалась, координировалась и контролировалась эта работа Украинским институтом национальной памяти (УИНП), который создан как орган исполнительной власти со специальным статусом. С началом СВО начинается следующий этап ритуализации повседневности украинского общества. Он отличается тем, что в жизнь граждан вводятся все четыре принципа, определенных С. Хассеном: 1) жесткий контроль за поведением человека; 2) информационный контроль; 3) контроль мыслей; 4) контроль эмоций.

Активизировались «языковые патрули». Информационный контроль осуществляется посредством запущенного в феврале 2022 г. единого информационного круглосуточного телемарафона «Единые новости». В нём

задействованы три медиахолдинга, которые вещают без перерыва поочередно по 5–6 часов более четырех лет. Контент вырабатывается соответствующий. Россия, выступив на защиту жителей Донбасса, превратилась в «державу-агрессора». Марафон – единственный канал на украинском телевидении. Все остальное вещание на Украине официально запрещено – радиоканалы, оппозиционные властям интернет-сайты, неправительственная пресса и т.д. Контроль мыслей навязывается через агрессивную пропаганду, мифологизацию истории, полный запрет всей русской и советской литературы, переформатирование образовательных программ. Контроль эмоций во многом идет через ритуализацию повседневной жизни.

С.П. Поцелуев, д-р полит. наук, проф. (Южный федеральный университет, Южный научный центр РАН) раскрыл нарративы и гражданскую идентичность российской молодёжи (по материалам пилотного опроса студентов Южного федерального университета). Весной 2025 г. сотрудниками Южного научного центра РАН проведен пилотный анкетированный опрос студентов Южного федерального университета, посвященный анализу ценностных ориентаций российской молодёжи. Всего опрошено 380 студентов репрезентативно по основным направлениям подготовки, в основном из Южного региона.

Анализ онлайн-анкетирования проводился с целью выявления степени влияния нарративов украинской антироссийской пропаганды, направленных на подрыв общегражданской российской идентичности студенческой молодёжи. Результаты опроса показывают, что значительная часть адресованных российской аудитории нарративов вращается вокруг вопросов социальной справедливости. Антироссийская пропаганда активно использует нарратив о «пропасти» между «верхами» и «низами», культивируя образ российских «коррупцированных верхов, обогатившихся за счет нищающего народа». Но фон настроений в российском обществе сейчас не благоприятствует таким историям: в 2021–2024 гг. четкая тенденция снижения значимости противоречия между бедными и богатыми (с 74% в 2021 г. до 59% в 2024 г.), а также между народом и властью (с 67% в 2021 г. до 45% в 2024 г.). Ресурс влияния этого нарратива среди студенческой молодежи, хотя и существенен, все же ограничен: среди главных угроз для России в перспективе следующих 10–15 лет только 22% наших респондентов указали «массовые протесты на фоне роста имущественной поляризации и нищеты населения». Это немало, если учесть «прогрессирующую коррупцию как причину экономической и политической стагнации» (ее отметили 30,9%), которая часто вменяется «верхам» и служит маркером их отчуждения от «низов». Однако обе эти угрозы в оценках студентов перекрываются угрозой «мировой войны с применением оружия массового уничтожения (61,7%)».

Определённый ресурс влияния на российскую молодежь имеют нарративы, спекулирующие на критических оценках молодежью

экономических и политических реалий современной России. С суждением «У России всегда великое прошлое и ещё более великое будущее. А вот с настоящим сложнее» полностью либо скорее согласились 53,2% студентов ЮФУ, а ещё 23,4% выбрали вариант ответа «Что-то в этом есть».

Ценностные предпочтения наших респондентов тоже обнаруживают довольно традиционалистские черты. Ранжированные ответы на вопрос анкеты «В какой степени Вы ощущаете чувство общности с другими людьми? обнаружили такие три наиболее популярные идентификации: моя семья (68,4%), круг моих друзей и хороших знакомых (53,2%), мои земляки (54,1%).

Даже более значимой, чем ценность социальной справедливости и равенства, оказалась для опрошенных студентов ценность свободы слова и обмена информацией (она высокозначима для 53,6%). Это существенно выше по значимости, чем возможность выбирать власть и политический плюрализм (о высокой значимости этой ценности заявили 33,7% опрошенных).

Отечественные медиа должны использовать контрнарративы, способные обесценить внушение панических настроений со стороны антироссийской пропаганды. Особое внимание органам власти следует уделить влиянию нарративов, спекулирующих на вопросах свободы слова: ценность свободы слова и обмена информацией оказалась для респондентов даже более значимой, чем ценность социальной справедливости и равенства. Следует учитывать выявленный значительный процент респондентов, выражающих критическое отношение не только к реалиям современной России, но и к её идеализированному образу в отечественных СМИ. Данный момент может свидетельствовать о недостаточной убедительности для студенческой молодежи официальных нарративов, формирующих образ России и транслируемых в российском медиапространстве.

Д.С. Айвазян, канд. полит. наук, ст. науч. сотр. (Институт Китая и современной Азии РАН) раскрыла тему «Черноморский регион и Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ): состояние и перспективы». Выявлено участие стран Черноморского региона в Транскаспийском международном транспортном маршруте (ТМТМ, или Срединном коридоре). Анализируются достигнутые результаты в политико-правовом, инфраструктурном, торгово-экономическом аспектах, выявляются перспективы развития ТМТМ с участием Грузии, Турецкой Республики, Румынии. Выявляется географический охват ТМТМ, объемы и товарная структура перевозок через каспийские и черноморские порты, определяются планы участников по увеличению пропускной способности ТМТМ. Заинтересованность в транспортных маршрутах из Китая, через Центральную Азию в Европу Европейский союз демонстрировал ещё с 1990-х гг., однако политическое значение маршрута и объем грузоперевозок по нему возросли после того, как ЕС и США с 2022 г. вводили санкции в

отношении России. Перспективы развития ТМТМ будут зависеть от продвижения инвестирования в модернизацию каспийских портов Казахстана и Азербайджана и черноморских портов Грузии.

Участники маршрута фиксируют увеличение объема перевозок по ТМТМ более чем в 5 раз за последние 7 лет – с 0,8 до 4,5 млн т в год. К 2027 г. планируется увеличение грузопотока до 10 млн т. Однако увеличение грузопотока по ТМТМ более чем в два раза в сравнении с текущим годом потребует ускоренного вложения крупных инвестиций, что труднореализуемо. По оценкам Всемирного банка, к 2030 г. объем грузопотока через Каспийское море по ТМТМ может превысить 11 млн т в случае реализации проектов строительства инфраструктуры.

ТМТМ утвердил себя как один из транспортных мультимодальных маршрутов регионального значения. Увеличение грузопотока будет зависеть от скорости и объема вложения инвестиций в модернизацию инфраструктуры каспийских (Казахстан, Азербайджан) и черноморских портов (Грузия), а также модернизации железнодорожной и автотранспортной инфраструктуры.

В.Г. Когут (представитель Секретариата Межпарламентской ассамблеи в Исполнительном комитете СНГ) и Г.Н. Нурышев (Санкт-Петербургский государственный экономический университет) изучили тему «Геополитический “шестиугольник” Израиля». Израиль в соответствии со своими геополитическими интересами последовательно принимает меры, чтобы исключить появление сильной региональной державы. Эти цели преследует новый геополитический проект — «шестиугольник альянсов», объединяющий страны Средиземноморского бассейна, Ближнего Востока, Африки и Азии.

Предполагаемый блок, по мнению Б. Нетаньяху от 22 февраля 2026 г. на заседании правительства, призван связать Средиземноморский и Индо-Тихоокеанский регионы скоординированными партнерскими отношениями. Новый геополитический проект «шестиугольник альянсов» включает в себя шесть основных направлений:

- Израиль — ядро геополитического проекта;
- Индия — «гигантская держава» с ее растущим экономическим и стратегическим весом в мировых делах, главное азиатское связующее звено, стратегический партнер в обороне, технологиях, кибербезопасности;
- Греция — прямой соперник Турции в Средиземноморье, крупный импортер израильского оружия, включая многоуровневую ПРО;
- Кипр — средиземноморский фланг проекта, соперник Турции, важный газовый и военный партнер;
- Арабские государства докладчиком не были названы;
- Африканские и азиатские страны автором не были конкретизированы.

Премьер-министр подчеркнул, что Израиль создаёт сеть геополитических партнёров «вокруг и внутри Ближнего Востока» как

противовес двум «радикальным осям» — шиитской (Иран) и суннитской (Турция).

Израиль стал воспринимать Индию в качестве своего стратегического тыла. Индия, по мнению Иерусалима, даст возможность оказывать влияние на Пакистан, имеющему хорошие отношения с Китаем, главным конкурентом Нью-Дели в Азии. Исламабад, в свою очередь, активен на афганском направлении, где у Ирана традиционно есть свои интересы.

Иерусалим заинтересован в создании возле Ирана и Турции произраильского плацдарма с помощью «некоторых азиатских стран». К ним Нетаньяху относит Казахстан, Туркмению, Узбекистан, которые окружают Иран с северного и северо-восточного направления. Среди них выделяется Казахстан, который в 2020 г. присоединился к Авраамским соглашениям, предполагающим нормализацию отношений между Израилем и арабскими странами. Для Астаны Крым, Донбасс, Запорожье, Херсон — это территории Украины. Казахстан поддерживает нацистский режим на Украине, оказывает ему гуманитарную помощь и преследует казахстанских граждан, воюющих в СВО на стороне России. Внешнюю опору в лице Израиля и США ищет Туркмения, которая в условиях самоизоляции от соседей негласно поддерживает агрессию Вашингтона и Тель-Авива против Ирана. Ашхабад начал предоставлять свои аэродромы американским ВВС. Претендует на лидерство в Средней Азии Узбекистан, который граничит с Афганистаном, располагающим хорошими возможностями для дестабилизации приграничных регионов Ирана. Поэтому геополитические интересы Ташкента вступают в противоречие со стратегическими интересами Ирана в регионе. Китай и Иран оказывают поддержку в разной форме военным действиям России на Украине. Иерусалим делает ставку на Киев. Таким образом, присоединение Казахстана, Туркмении, Узбекистана к геополитическому «шестиугольнику» Израиля объективно означает выступление против России в конфликте на Украине. Не исключена ситуация, когда для Израиля «новым Ираном» может стать Турция, поддерживающая, по мнению Нетаньяху, «радикальную суннитскую ось». Таким образом, подключение бывших советских республик к геополитическому проекту Израиля будет объективно означать и выступление против Турции. В результате соучастие в «шестиугольнике» чревато для Казахстана, Туркмении и Узбекистана существенными геополитическими осложнениями с Россией, Китаем, Ираном и с другими государствами, не поддерживающими курс Израиля.

В конференции приняли участие более 240 докладчиков из Российской Федерации, а также Абхазии, Австрии, Белоруссии, Болгарии, Гаити, Греции, Испании, Казахстана, Камеруна, Палестины, Польши, Румынии, Сербии, Сирии, Словении, Того, Туркменистана, Турции и Южной Осетии.

Участники конференции сформулировали рекомендации по обеспечению национальной безопасности России в Черноморско-

Средиземноморском регионе, укреплению единства российской нации и патриотизма российского общества.

Информация об авторе

Баранов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация, baranovandrew@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

Information About the Author

Baranov Andrey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science, Kuban State University, 149 Stavropolskaya Street, 350040 Krasnodar, Russian Federation, baranovandrew@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

Научный журнал

ВЕСТНИК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Подписано в печать: 17.06.2026.

Дата выхода в свет: 19.06.2026.

Формат 60×84 ¹/₈ (178 с.)

Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая.

Уч.-изд. л. 14,5. Тираж 500 экз.

Заказ № 6506.

ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Адрес типографии:

Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета.
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

